

март – апрель
2 (88) 2019 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

МГИК В ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ	10 СТОЛЯРОВ Ю. Н.
ИСТИННАЯ ДАТА ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
– 1913 ГОД
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ	22 ТИХОНОВА В. А.
КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА
	30 КОНДАКОВ И. В.
ДУХОВНОСТЬ ПО ТУ СТОРОНУ НАУКИ
И РЕЛИГИИ
	40 ВАСИЛЬЕВ Г. Е.
К ВОПРОСУ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ МАТРИЦЫ
РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ:
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

48 МИРОНОВ А. С.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В БЫЛИНОВЕДЕНИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ
РУССКОГО ЭПОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА. ЧАСТЬ 2, 1970-е ГОДЫ
– НАЧАЛО 1980-х ГОДОВ

71 КЛИМОВА С. М.

«РИСКНУТЬ МИРОМ ДЛЯ БОГА»,
ИЛИ ОБ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

85 ВАХИТОВ Р. Р.

ДВА ВЗГЛЯДА НА ДИАЛЕКТИКУ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ:
ЕВРАЗИЙЦЫ 1920-Х ГОДОВ И М. А. ЛИФШИЦ

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

98 БУДАРИНА О. А.

ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК НОВАЯ ФОРМА
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

107 РЕЗАНЦЕВА М. С.

ДЖАЗ КАК «НЕСОВЕРШЕННОЕ» ИСКУССТВО:
ИМПРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ
ПРЕКРАСНОГО И БЕЗОБРАЗНОГО

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

114 ЯРОШЕНКО Н. Н.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ
ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

128 СУМИНОВА Т. Н.

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ В КОНТЕКСТЕ
ИНДУСТРИИ ДОСУГА

135 НИЛОВ В. Н.

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИИ В РОССИИ

146 НИКИТИН В. Ю.

О ПРОБЛЕМЕ КОНКУРСНЫХ НОМИНАЦИЙ
В ЛЮБИТЕЛЬСКОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ
ИСКУССТВЕ

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

156 ЛОПАТИНА Н. В.

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАУКИ
В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ВЕКТОРЫ И ЗАДАЧИ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**

168 САХАРЧУК Е. С.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ
ВУЗА В ФОРМИРОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ
КОРПОРАТИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

176 СЕРЕГИН Н. В.

ДИАГНОСТИКА МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

185 НОВОЖИЛОВА Т. Н.

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СЛАБОСЛЫШАЩИХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

НОВЫЕ КНИГИ 194 ГЕРАСИМОВ Н. И.

«РУССКАЯ АТЛАНТИДА»
(О КНИГЕ О.Т. ЕРМИШИНА «ФИЛОСОФИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА»)

March – April
2 (88) 2019
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

**THE MSIC IN
THE HISTORY OF
NATIONAL CULTURE**

10 STOLYAROV YU. N.

THE TRUE DATE OF FOUNDATION
OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE
– 1913

**THE THEORY
OF CULTURE**

22 TIKHONOVA V. A.

CULTURE IN THE CONTEXT
OF THE CONTRADICTIONS
OF THE GLOBALIZATION PROCESS

30 KONDAKOV I. V.

SPIRITUALITY ON THE OTHER SIDE
OF SCIENCE AND RELIGION

40 VASILYEV G. E.

TO THE QUESTION OF VALUE-SEMANTIC MATRIX
OF THE RUSSIAN CULTURAL-HISTORICAL SYSTEM:
FAIRNESS

48 MIRONOV A. S.

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES:
VALUE ANALYSIS OF THE RUSSIAN EPIC
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY.
PART 2, THE 1970th – EARLY THE 1980th

71 KLIMOVA S. M.

“RISKING PEACE FOR GOD”,
OR TOWARD ANARCHIST IDEAS OF LEO TOLSTOY

85 VAKHITOV R. R.

TWO VIEWS ON THE DIALECTIC
OF RUSSIAN CULTURE AND HISTORY:
EURASIANS OF THE 20S AND M. A. LIFSHITS

**ART CULTURE:
HISTORY AND
MODERNITY**

98 BUDARINA O. A.

INTERNET MEME AS A NEW FORM
OF MASS CULTURE

107 REZANTSEVA M. S.

JAZZ AS THE “IMPERFECT” ART:
IMPROVISATION IN THE CONTEXT OF DIALECTIC
OF THE BEAUTIFUL AND THE UGLY

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITY** **114 YAROSHENKO N. N.**

THE MAIN STAGES OF HISTORICAL
AND PEDAGOGICAL RESEARCH
OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY
IN RUSSIA OF THE END OF THE XIX
– BEGINNING OF THE XXI CENTURY

128 SUMINOVA T. N.

ART MANAGEMENT IN THE CONTEXT
OF LEISURE INDUSTRY

135 NILOV V. N.

PAST IN ART EDUCATION AND UPBRINGING
OF CHILDREN AND YOUNG PEOPLE
BY MEANS OF CHOREOGRAPHY

146 NIKITIN V. YU.

ON THE PROBLEM OF COMPETITIVE
NOMINATIONS IN AMATEUR
CHOREOGRAPHIC ART

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITY**

156 LOPATINA N. V.

LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE
IN THE DIGITAL WORLD:
RESEARCH TRENDS AND CHALLENGES

**EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**

168 SAKHARCHUK E. S.

POSSIBILITIES OF THE SOCIAL AND CULTURAL
ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY
IN THE FORMATION OF CORPORATE
EDUCATION SPECIALISTS

176 SEREGIN N. V.

DIAGNOSIS OF A MUSICAL-PEDAGOGICAL
PROCESS

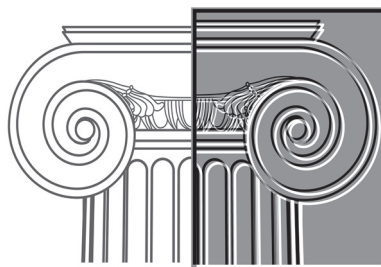

185 NOVOZHILOVA T. N.

DEVELOPMENT OF COGNITIVE COMPETENCE
OF HEARING IMPAIRED STUDENTS
IN INCLUSIVE EDUCATION

NEW BOOKS 194 GERASIMOV N. I.

“RUSSIAN ATLANTIDA”
(ABOUT O.T. ERMISHIN’S BOOK
“THE PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ABROAD
OF THE 20TH CENTURY”)

МГИК В ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ

ИСТИННАЯ ДАТА ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ – 1913 ГОД

УДК 378(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10201

Ю. Н. Столяров

Российская государственная библиотека

Ссылками на многочисленные архивные документы обосновывается факт возникновения Московского государственного института культуры в 1913 году. Учредителем является Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. После упразднения этого Университета в 1920 году функционировавшие в его составе Библиотечные курсы были переданы Румянцевскому музею (ныне Российская государственная библиотека), и постепенно на их основе возник Московский библиотечный институт (1934), в свою очередь трансформировавшийся в Московский государственный институт культуры (1964) и успешно действующий в настоящее время. Считавшаяся до этого исходной дата 10 июля 1930 года – следствие исторической полуправды, которую пора исправить.

Ключевые слова: Московский государственный институт культуры, Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Институт библиотековедения, Московский библиотечный институт, Кабинет библиотековедения, В. И. Невский, Л. Б. Хавкина, Г. К. Дерман.

Yu. N. Stolyarov

Russian State Library, Vozdvizhenka str., 3/5, 119019, Moscow, Russian Federation

THE TRUE DATE OF FOUNDATION OF THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE – 1913

With references to numerous archival documents proves the fact of occurrence of the Moscow State Institute of Culture in 1913, the founder is Moscow City People's University A. L. Shanyavsky. After the abolition of the University in 1920 the Library courses functioning in its structure were transferred to the Rumyantsev Museum (now the Russian State Library) and gradually on their basis there was the Moscow Library Institute (1934), in turn transformed to the Moscow State Institute of Culture (1964) and successfully operating now. Considered to be the starting date of July 10, 1930 – a consequence of the historical half-truth, which it is time to correct.

Keywords: Moscow State Institute of Culture, Moscow City People's University A. L. Shanyavsky, State Library of the USSR, V. I. Lenin, Institute of Library Science, Moscow Library Institute, Library Science Office, V. I. Nevsky, L. B. Khavkina, G. K. Derman.

СТОЛЯРОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, ФГБУН «Научный и издательский центр “Наука”» РАН, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

STOLYAROV YURY NIKOLAEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Main Chief Researcher of the Russian State Library, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, Honored worker of higher school of the Russian Federation

e-mail: yn100@narod.ru

© Столяров Ю. Н., 2019

Для цитирования: Столяров Ю. Н. Истинная дата основания Московского государственного института культуры – 1913 год // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 10–20. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10201

– Где наш отец? – выпрашивал упрямо
Сын-червячок у Мама-Червяка.

– Он на рыбалке! – отвечала мама...

Как Полуправда к Истине близка!

С. В. Михалков

В апреле 2019 года Конференция сотрудников Московского государственного института культуры по итогам моего сообщения приняла решение считать датой основания Института не 1930-й, а 1913-й год.

Почему я заинтересовался датой основания Института

О том, что Московский государственный библиотечный институт, образованный в 1930 году, является первым в нашей стране по времени возникновения, я узнал с первого сентябрьского дня 1956 года, когда стал студентом библиотечного факультета и присутствовал на торжественном собрании, посвящённом началу нового учебного года. Осознание этого факта переполняло мою душу гордостью за наш вуз, тем более что о его первенстве в высшей библиотечной школе говорил главный в стране авторитет в вопросах истории библиотечного дела Константин Иванович Абрамов (1920–2001), к тому же фронтовик, участвовавший в Сталинградской битве, воевавший на Курской дуге, а в моё студенческое время декан библиотечного факультета. Как и все студенты, профессорско-преподавательский коллектив, сотрудники института, я с большим воодушевлением участвовал в юбилейных торжествах – они традиционно отмечаются каждое пятилетие начиная с 1935 года.

Возникал, правда, один недоумённый вопрос: если институт возник впервые, кто же в нём преподавал специальные дисциплины; откуда первые преподаватели получили высшее специальное библиотечное образование? Но надолго я над этим вопросом не задумывался: наверное, старшие товарищи решили этот вопрос наилучшим образом, а как именно – им знать лучше.

Второй вопрос возник, когда мне довелось стать проректором по научной работе (1979 год) и по долгу службы приветствовать с юбилеями родственные вузы. И вот тут выяснилось, что, например, Ленинградский библиотечный институт, созданный через 11 лет после Московского – в мае 1941 года, то есть за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, и начавший функционировать только после её окончания – в 1945 году, считает датой своего основания 1918-й год! Харьковский библиотечный институт был создан в результате того, что в свой родной город вернулся аспирант нашего института Д. М. Лекаренко, успешно защитивший в 1938 году кандидатскую диссертацию по библиотековедению. Он возглавил созданную благодаря этому событию кафедру библиотековедения и библиотечный факультет новообразованного библиотечного института. Но официально считается, что Харьковская государ-

ственная академия культуры возникла в 1929 году, когда именовалась Харьковским институтом политического просвещения. То есть наши дети оказались старше своего родителя!

Почему же МГИК-то не дорожит своей предшествующей историей? Если даже исходить из того, что мы берём за точку отсчёта первоначальное название вуза, то в нашем случае институтом культуры мы стали опять же первыми в стране – в 1964 году. Перед этим мы были Московским государственным библиотечным институтом (МГБИ, 1940), ещё ранее – в 1930 году – Московским библиотечным институтом (МБИ). А на каком основании мы обрели статус института, что этому предшествовало? Не мог же институт появиться ни с того, ни с сего, словно Афродита из пены морской?

С этими вопросами я обратился к Л. П. Богданову: он ректор, он знает всё. Леонид Павлович по своему обыкновению внимательно меня выслушал, помолчал и вместо ответа мягко поинтересовался:

– Вы с какого года связаны с нашим институтом?

– С 1956-го. А что?

– А я пришёл сюда через 20 лет после Вас. Кто из нас должен лучше знать историю института? Далее: кто из нас библиотеквед – Вы или я? Кто должен лучше знать историю своей профессии? И наконец: кто из нас проректор по научной работе? Кто кому должен задавать вопросы? Вы, пожалуйста, приходите ко мне не с вопросами, а с документами и предложениями, а я буду вместе с Вами решать, что с ними делать дальше.

Вышел я от ректора пристыженный и в свободное от работы время (а его исчезающе мало!) стал тщательно изучать предысторию нашего института.

Кто предшественник

Московского библиотечного института

При выяснении вопроса о том, откуда возник Московский библиотечный институт, сразу же проявились странности. Только что созданный институт, как выяснилось, не располагал ... ничем. Он размещался в помещениях Института библиотековедения, функционировавшего в структуре и на площадях Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), пользовался его оборудованием, библиотекой. Преподавательский состав тоже был наполовину взят из Института библиотековедения, первый набор студентов составляли слушатели Высших библиотечных курсов Института библиотековедения! Что же это было за высшее учебное заведение, которому при создании не выделили решительно ничего?! К. И. Абрамов, специально изучавший этот вопрос, все означенные обстоятельства считал случайными, для вуза даже благоприятными, освобождающими его от всех забот [1, с. 96–97].

Дальше – больше. Не странно ли, что директора Московского библиотечного института (создан постановлением Совнаркома РСФСР 10 июля 1930 года [18]) назначил своим приказом на этот пост директор другого учреждения – Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина – В. И. Невский?! [14] Странно и то, что назначение получила Г. К. Дерман, подчинённая ему как член Правления ГБЛ. При этом с её назначением вышла накладка, поскольку первоначально эта должность предназначалась А. Г. Кравченко – директору Института библиотековедения (снова странность!). Вопрос о её назначении был согласован с Сектором науки и Сектором массовой и политико-просветительной работы, Библиотечной комиссией Наркомпроса, Ленинской библиотекой. Под решением специально со-

зданной по этому случаю комиссии стоит подпись и А. Г. Кравченко [5], то есть имелось её предварительное согласие. Но она неожиданно отказалась. Полтора летних месяца ушло на поиск новой кандидатуры, и 20 августа 1930 года распоряжением № 309 В. И. Невский, по согласованию с наркомом просвещения А. С. Бубновым, назначил директором вновь учреждённого библиотечного вуза Г. К. Дерман [6].

Все эти странности снялись бы одним махом, если бы Анна Григорьевна своё слово сдержала. Тогда всё встало бы на свои места: вуз возглавил бы тот же сотрудник, который в тот момент руководил и Институтом библиотековедения как структурным подразделением ГБЛ. Тогда и ответственность В. И. Невского за её назначение, и местонахождение высшего учебного заведения на той же площади, с прежней материальной базой и профессорско-преподавательским составом предстали бы как самое грамотное управленческое решение.

Московский библиотечный институт возник в недрах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина как одно из его многочисленных структурных подразделений, наподобие того, как в своё время существовали многочисленные институты в структуре Московского государственного университета культуры и искусств. Как и они, Московский библиотечный институт не имел, да по статусу и не мог иметь в своём наименовании слова «государственный». Уже только по одной этой причине дата возникновения Института должна быть связана с историей породившего его учреждения.

При таком подходе находит объяснение формулировка резолюции Совнаркома о передаче 80 единиц «для организации 1-го курса *вуза при Институте библиотековедения*» (курсив наш. – Ю. С.) [1, с. 38; пункт о 80 единицах следует понимать как план

приёма студентов], пункт постановления Совета Народных Комиссаров от 10 июля 1930 года «... об организации самостоятельного вуза в Москве *на производственной базе Всесоюзной библиотеки имени Ленина*» (курсив наш. – Ю. С.) [14, с. 42], протокол совещания в Наркомпросе от 12 июля 1930 года по вопросу о Библиотечном вузе (то есть на второй день после его создания), на котором заслушивали директора ГБЛ В. И. Невского с сообщением о ходе организации этого вуза: «*Библиотечный вуз должен находиться в системе Ленинской библиотеки, но должен иметь самостоятельную смету и управление. Директор Библиотечного вуза должен быть членом правления Ленинской библиотеки. Ленинская библиотека должна явиться производственной базой для библиотечного вуза, причём слушатели вуза должны проводить большую часть учебного времени на производстве. Для знакомства с другим видом библиотечной работы очень желательно создать ещё другой плацдарм, как на это указывает тов. А. Г. Кравченко, а именно в Орехово-Зуеве [там тогда проходил эксперимент по централизации библиотек всех ведомств. – Ю. С.], где Ленинская библиотека берёт шефство над тамошней библиотекой» [4]. Потому-то Московский библиотечный институт и был размещён в здании Института библиотековедения, и пользовался его материально-технической базой, библиотечным фондом и кадровым потенциалом. Институт библиотековедения, естественно, передал вузу свой профессорско-преподавательский потенциал и своих слушателей, ставших студентами. Все продолжали ездить на прежние места работы и учёбы, только изменился статус. Кроме того, будучи штатным директором библиотеки Комакадемии (Библиотечным институтом она руководила по совместительству), Г. К. Дерман ис-*

пользовала для занятий помещения и своей библиотеки. Учебные планы, хотя и несовершенные, для начала тоже имелись, они разрабатывались и совершенствовались начиная с 1920-х годов. 9 сентября 1930 года «функции Высших библиотечных курсов при Институте библиотековедения передаются Московскому библиотечному институту при Библиотеке имени Ленина» [8]. В 1931 году они были превращены в Вечерний факультет Московского библиотечного института [11].

Этот Институт по-прежнему оставался структурной частью Ленинской библиотеки. Коллегия Наркомпроса 25 июля 1933 года обязала её вывести из занимаемого МБИ здания все службы, включая Институт библиотековедения, и предусмотреть в плане строительства Библиотеки проектирование здания для МБИ [9]. В 1934 году приказом Наркомпроса РСФСР из Института библиотековедения ему была передана и аспирантура, а оба учреждения слиты в одно целое под руководством Г. К. Дерман. Имущество Института библиотековедения отошло Московскому библиотечному институту [10]. С этого момента вся история, а также предыстория Института библиотековедения стала частью истории нашего Института культуры — точно так же, как его общепризнанной частью является история Московского государственного библиотечного института, а перед этим — Московского библиотечного института.

Тем не менее и до К. И. Абрамова историю Московского библиотечного института всякий раз начинали «с чистого листа» знавшие её как факт собственной биографии Г. К. Дерман, И. Г. Семёнычев, Ф. И. Каратыгин, В. Е. Васильченко и другие авторы. История Института изображалась в таких красках: «Нелегко создавался Московский библиотечный институт. Враги народа,

орудовавшие в Наркомпросе, Комитете по делам высшей школы [основные документы разрабатывали, подписывали или одобряли М. А. Смушкова, заместитель наркома М. С. Эпштейн, нарком А. С. Бубнов и прочие «вредители»] и в самом институте [Г. К. Дерман], тормозили его рост, с пренебрежением относились к высшему образованию. Вредительство вскрыто в подготовке новых преподавательских кадров, прошедших аспирантуру. Неоднократно срывали планы приёма <...>» [13, с. 14].

Причина столь тщательного отмежевания истории МБИ от истории ГБЛ коренится в сложнейшей социально-политической обстановке 1930-х годов, вынуждавшей современников, а затем и более поздних исследователей сознательно лукавить. В год первого пятилетнего юбилея директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина В. И. Невский был репрессирован, двумя годами позднее расстрелян как злейший враг народа. Реабилитирован он был в 1955 году, и представилась возможность восстановить историческую истину. Однако сделано это не было, библиотечная общественность продолжала оставаться в заблуждении.

Параллельно с искажённой точкой зрения существовала и объективная, ведущая начало от Л. Б. Хавкиной, её соратников и авторитетных современников: В. А. Артисевич, Ю. В. Григорьева, М. И. Рудомино и других. Современные неангажированные исследователи — Ю. В. Буслаева, Е. Б. Дударева, В. Т. Клапюк, А. В. Рычков, Л. Б. Хайцева и другие — отстаивали правильную точку зрения ссылками на факты и архивные источники, но на официальном уровне долгое время услышаны не были. Адекватную позицию занимают журналы «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» и «Культура и образо-

вание», предоставляющие страницы для авторов, подтверждающих свои суждения весомыми аргументами, — В. З. Дуликову [15], В. Т. Клапюку [16; 17], автору этих строк, который среди доброго десятка статей на эту тему одну по просьбе журнала опубликовал в «Вестнике МГУКИ» [23].

Обратная хронология

Что же происходило на самом деле? Предложение создать высшее учебное заведение было давней мечтой руководства Института библиотековедения. В структуре этого НИИ изначально находились Высшие библиотечные курсы, обучение на них поначалу составляло несколько недель, потом они стали полугодичные, годичные, двухгодичные и, наконец, трёхгодичные, то есть и по продолжительности, и по уровню преподаваемых знаний вплотную подошли к статусу высшего учебного заведения.

Институт библиотековедения инициировал создание высшего библиотечного учебного заведения неспроста. Сам этот Институт возник в ноябре 1924 года из Кабинета библиотековедения, преобразованного Главнаукой Наркомпроса. Институт рассматривался как научно-исследовательское и учебно-педагогическое учреждение. Однако его учебно-педагогический уровень определён не был, и возглавлявшая Институт Л. Б. Хавкина (1871–1949) находилась в полной уверенности, что функционирующие в его составе *Высшие* библиотечные курсы дают своим слушателям *высшее* образование. Однако в 1925 году, когда в СССР возродилась аспирантура и Институту библиотековедения было выделено два места, обоим кандидатам в аспиранты – преподавателям Курсов (Ю. В. Григорьеву и Н. А. Бурову) Наркомпрос в зачислении отказал – на том основании, что у них нет высшего образования. Это сильно

стимулировало деятельность Института по созданию полноценного высшего учебного заведения. Вопрос о нём был поставлен Л. Б. Хавкиной ещё в июле 1922 года, когда она инициировала передачу возглавляемого ею Кабинета библиотековедения в Румянцевский музей «с развитием его в Институт библиотековедения» [3].

До передачи в Румянцевский музей Кабинет библиотековедения находился в ведении Отдела научных библиотек Наркомпроса и Главполитпросвета (с 1920 года), куда он попал в связи с реорганизацией Народного университета имени А. Л. Шанявского. Кабинетом библиотековедения стали именовать Библиотечные курсы, до этого момента функционировавшие в структуре Университета Шанявского с 1913 года. Этот Университет, по свидетельству основательницы Библиотечных курсов Любови Борисовны Хавкиной, явился пионером библиотечного образования в России.

После девятилетних усилий известному в масштабе всей России библиотечному деятелю Любови Борисовне Хавкиной удалось найти понимание у дирекции Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского – а это был самый прогрессивный и престижный во всей России университет, в котором считали за великую честь и предел мечтаний как преподавать, так и учиться. 14 января 1913 года Л. Б. Хавкина была приглашена на заседание Правления этого Университета, где сделала доклад, представила соответствующую пояснительную записку и получила согласие открыть Курсы. Ей поручили составить список учебных дисциплин и преподавателей [20]. Детальное обсуждение рабочих вопросов состоялось 21 января. 28 января 1913 года Попечительский совет Университета принял принципиальное решение об учреждении в его структуре Библиотечных курсов [19,

с. 1, 7] и уже на следующий день дал объявление в газетах о начале приёма слушателей. 20 февраля 1913 года Учёный совет Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского согласился с решением Попечительского совета об учреждении Библиотечных курсов. Первому набору слушателей они открыли свои двери 17 апреля 1913 года [19, с. 83–84] – в год наивысшего, последнего взлёта дореволюционной России. Это были первые (на постоянной основе) в истории Российской империи библиотечные курсы. Начиная с того времени Курсы постоянно расширялись и наращивали качественный потенциал.

Прямая хронология

После Октябрьской революции 1917 года Университет Шанявского был вынужден свернуть свою деятельность. В 1918 году он успел создать, в частности, Институт народного образования с библиотечной секцией (факультетом), в которую были реорганизованы Библиотечные курсы, имевшие к тому времени три разновидности [12, с. 4]. Л. Б. Хавкина была назначена деканом библиотечного факультета. (Между прочим, в том же 1918 году по образцу московского Института народного образования был создан и Петроградский институт внешкольного образования [20], от которого ведёт своё начало Санкт-Петербургский государственный институт культуры. В его структуре выделили книжно-библиотечную группу. Она тоже начинала свою деятельность с шестимесячной курсовой подготовки [10], то есть высшего образования не давала.) Все три разновидности Курсов повторялись в 1919, 1920, 1921 и 1922 годах, не прекращая своей деятельности ни на один день [22].

В 1920 году Библиотечная секция Института народного образования была *преобразована в отдельное самостоятельное уч-*

реждение под названием Кабинет библиотековедения (КБ). Он находился в ведении Отдела научных библиотек Наркомпроса. С 26 мая Кабинет библиотековедения получил статус самостоятельного учреждения в ведении Академического центра. Тогда же Л. Б. Хавкина инициировала вопрос о передаче Кабинета в ведение Государственного Румянцевского музея. 13 апреля 1920 года постановлением Коллегии Отдела научных библиотек Наркомпроса Кабинету библиотековедения было определено двойное подчинение: Отделу научных библиотек Наркомпроса и Главполитпросвету [22]. Дальнейшее уже было изложено выше.

Так прослеживается непрерывная, не прерываемая ни на один день преемственность регулярного библиотечного образования в России: от Библиотечных курсов при Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского до Московского библиотечного института и далее – вплоть до нынешнего Московского государственного института культуры.

Несколько слов

об Университете Шанявского

Что же представлял собой Университет Шанявского, который является изначальным родителем Московского государственного института культуры? Это было уникальное в истории русского образования учебное заведение с особым статусом и самыми прогрессивными методами обучения. Он был основан в 1908 году на средства Альфонса Леоновича Шанявского (9 (21) февраля 1837 – 7 (20) ноября 1905) – российского генерал-майора польского происхождения, и его жены, Лидии Алексеевны, и действовал вплоть до 1920 года, когда был национализирован и прекратил своё существование.

После третьего раздела Польши (1795) в соответствии с императорским предписа-

нием, действовавшим вплоть до Февральской революции 1917 года, из каждой польской семьи полагалось брать по мальчику семилетнего возраста и увозить в Россию для получения образования.

А. Л. Шанявский ребёнком был вывезен в Россию, где обучался в Тульском, Орловском и Санкт-Петербургском кадетских корпусах. «Там, – утверждал он, – меня с ранних лет научили любить многое русское». По окончании Академии Генштаба он служил на Дальнем Востоке, в экспедиции М. Н. Муравьёва-Амурского. Через 10 лет службы вышел в отставку, поселился в Москве. Как свидетельствовала его супруга Л. А. Шанявская, «главной его мечтой всегда было все свои средства оставить на такое высшее учреждение, где могли бы свободно, без требования аттестатов зрелости и пр. учиться и мужчины, и женщины, и русские, и нерусские, одним словом, все, кто учиться желает». В 1905 году Шанявский профинансировал постройку Русско-Польской библиотеки в Москве и передал в управление Московской городской думе свои капиталы, а также собственный дом на Арбате с целью устроить народный университет, в который принимали бы всех желающих. «Несомненно, – писал он министру народного просвещения 15 сентября 1905 года, – нам нужно больше умных, образованных людей, в них вся наша сила и наше спасение, а недостатке их – причина всех наших бед и несчастий и того прискорбного положения, в котором очутилась ныне вся Россия».

После долгих дебатов и сомнений открытие университета поддержали Государственная дума, Государственный Совет, лично председатель Совета министров П. А. Столыпин, а также прогрессивная столичная интеллигенция. Законопроект об учреждении в Москве народного университета в 1908 году утвердил император Ни-

колай II. Университет был открыт уже после смерти его основателя, он имел право по своему усмотрению вводить, изменять любые курсы и учебные дисциплины. В 1912 году для него было построено специальное здание, спроектированное лучшими архитекторами того времени.

Хотя Университет просуществовал немногим более десяти лет, он оставил глубокий след в развитии образования в России. В нём преподавали такие известные учёные, как выдающиеся педагоги П. П. Блонский, С. Т. и В. Н. Шацкие, народный художник и педагог В. Д. Поленов, классики внешкольного (культурно-просветительного, библиотечного) образования Е. Н. Медынский, Л. Б. Хавкина, А. У. Зеленко. Среди других профессоров можно выделить поэта В. Я. Брюсова, биолога Н. К. Кольцова, председателя Первой Государственной думы С. А. Муромцева, биолога К. А. Тимирязева, международно признанного основателя крестьяноведения А. В. Чаянова, физика С. А. Чаплыгина, минералога А. Е. Ферсмана. Среди выпускников достаточно назвать имена поэтов С. А. Есенина, Н. А. Клюева, А. В. Цветаевой, генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского. Университетом управлял Попечительский совет из 16 человек, согласно Уставу в нём непременно должны были быть две женщины. Одной из них была вдова А. Л. Шанявского, второй избрали Л. Б. Хавкину, что наглядно свидетельствует о её незаурядности. На разных отделениях и курсах обучалось около 6 тыс. человек.

Среди функционировавших в структуре Университета курсов были *Библиотечные*, из которых вырос Московский государственный институт культуры, а также курсы *по внешкольному образованию взрослого населения; внешкольному образованию и воспитанию*. Согласно заключению профессора В. З. Дуликова, традиции и опыт

этих Курсов использовались не только на библиотечных, но и на культурно-просветительных факультетах. В Московском институте культуры они приобрели «второе дыхание» [15, с. 108–109].

Выводы

Таким образом, действительной датой возникновения Московского государственного института культуры следует считать 1913 год. Прародитель Московского государственного института культуры – Библиотечные курсы Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского во главе с создавшими их Л. Б. Хавкиной. МГИК стоит у колыбели регулярно библиотечного образования в России, а Л. Б. Хавкина – первый преподаватель института, проработавшая в нём до самой

смерти в 1949 году. В годы Великой Отечественной войны она написала диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук, за которую, однако, получила учёную степень доктора педагогических наук, – случай беспрецедентный и непревзойдённый в нашей практике.

Признание истинной даты образования восстановит славу Московского государственного института культуры как действительного первопроходца в области профильного высшего образования, а также аспирантуры и докторантуры. Так будем же гордиться тем, что МГИК – первое и старейшее в России учебное заведение такого профиля, с самого начала и на протяжении почти века готовящее кадры как для своей страны, так и для многих других стран мира.

Примечания

1. *Абрамов К. И.* История Московского государственного университета культуры и искусств (1930–1941 гг.) / под общей ред. Э. К. Беспаловой ; Московский государственный институт культуры и искусств. Москва, 2002. 131 [1] с.
2. Архив РГБ. Оп. 14 (1921). Д. 59. Л. 25.
3. Архив РГБ. Оп. 14 (1922). Ед. хр. 62. Л. 7.
4. Архив РГБ. Оп. 14 (1929–1930). Ед. хр. 4/4. Л. 1.
5. Архив РГБ. Оп. 14 (1929–1930). Ед. хр. 4/5. Л. 1.2.
6. Архив РГБ. Оп. 14 (1929–1930). Ед. хр. 7а. Л. 30.
7. Архив РГБ. Оп. 14 (1930). Ед. хр. 7а. Л. 30-30 об.
8. Архив РГБ. Оп. 14 (1929–1930). Д. 7а. Л. 39.
9. Архив РГБ. Оп. 43. Ед. хр. 29. Л. 51.
10. Архив РГБ. Оп. 52. Ед. хр. 7. Л. 82.
11. Архив РГБ. Оп. 189. Д. 7. Л. 14.
12. *Ванеев А. Н.* От книжно-библиотечной комиссии Института внешкольного образования до кафедры библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ (1918-2008). Исторический очерк. Санкт-Петербург, 2009. 110, [1] с.
13. *Васильченко В.* Московский библиотечный институт (МБИ) // Красный библиотекарь. 1938. № 6.
14. *Дерман Г. К.* Московский библиотечный институт // Красный библиотекарь. 1931. № 7.
15. *Дуликов В. З.* Университет имени А. Л. Шанявского как один из зачинателей социокультурного образования в России (на примере курсовой системы подготовки слушателей) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 5 (49). С. 104–110.
16. *Клапюк В. Т.* Московскому государственному университету культуры и искусств – 80 лет: страницы истории // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2010. № 2. С. 32–45.
17. *Клапюк В. Т.* Начальный период Московского государственного университета культуры и искусств: методология установления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 2. С. 134–139.

18. О сети, структуре и контингенте приёма учащихся в высшие учебные заведения РСФСР на 1930/31 год : постановление СНК РСФСР от 10 июля 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, издаваемое Н.К.Ю. Москва, 1930. Первый отдел. № 27-62 1930. С. 526.
19. Об организации в Университете Шанявского Библиотечных курсов // Отчёт Университета А. Л. Шанявского за 1912–1913 академический год. Москва, 1913. (См. также: ОР РГБ.Ф. 321. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 1.)
20. ОР РГБ. Ф. 321. К. 9. Ед. хр. 10. Л. 27, 29, 33, 40, 83. См. также: Там же. Оп. 12. Ед. хр. 24. Л. 45–46.
21. ОР РГБ. Ф. 321. Оп. 2. Ед. хр. 17; Протоколы заседаний комиссий по организации курсов библиотечного дела в Университете Шанявского в 1915–1918 гг. // ОР РГБ. Ф. 321. Оп. 2. Ед. хр. 18.
22. ОР РГБ. Ф. 321. Оп. 3. Ед. хр. 2.
23. Столяров Ю. Н. Промежуточный юбилей, или Диалог с воображаемым оппонентом об истинной дате образования Московского института культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 10–22.

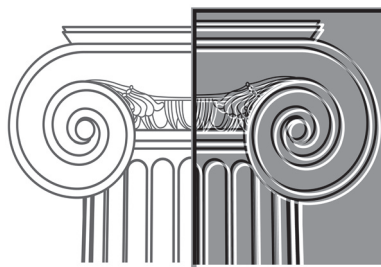
References

1. Abramov K. I. *Istoriya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (1930–1941 gg.) [History of Moscow State University of Culture and Arts (1930–1941)]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture and Arts, 131 p. (In Russian)
2. *Archive of the Russian State Library*. In. 14 (1921). D. 59. L. 25. (In Russian, unpublished).
3. *Archive of the Russian State Library*. Unit. 62. L. 7. (In Russian, unpublished).
4. *Archive of the Russian State Library*. Unit. 4/4. L. 1. (In Russian, unpublished).
5. *Archive of the Russian State Library*. Unit. 4/5. L. 1.2. (In Russian, unpublished).
6. *Archive of the Russian State Library*. Unit. 7a. L. 30. (In Russian, unpublished).
7. *Archive of the Russian State Library*. Unit. 7a. L. 30–30 (back side). (In Russian, unpublished).
8. *Archive of the Russian State Library*. In. 14 (1929–1930). D. 7a. L. 39. (In Russian, unpublished).
9. *Archive of the Russian State Library*. In. 43. Unit 29. L. 51. (In Russian, unpublished).
10. *Archive of the Russian State Library*. In. 52. Unit 7. L. 82. (In Russian, unpublished).
11. *Archive of the Russian State Library*. In. 189. D. 7. L. 14. (In Russian, unpublished).
12. Vaneev A. N. *Ot knizhno-bibliotечноy komissii Instituta vneshkol'nogo obrazovaniya do kafedry bibliotekovedeniya i teorii chteniya SPbGUKI (1918–2008). Istoricheskiy ocherk [From the book-library commission of the Institute for Out-of-School Education to the Department of Library Science and Theory of Reading at the St. Petersburg State University of Culture and Arts (1918–2008). Historical essay*. St. Petersburg, 2009. 11 p. (In Russian)
13. Vasilchenko V. Moskovskiy bibliotечный institut (MBI) [Moscow Library Institute (MLI)]. *Krasnyy bibliotekar' [Red Librarian]*. 1938, no. 6. (In Russian)
14. Derman G. K. Moskovskiy bibliotечный institut [Moscow Library Institute]. *Krasnyy bibliotekar' [Red Librarian]*. 1931, no. 7. (In Russian)
15. Dulikov V. Z. Universitet imeni A. L. Shanyavskogo kak odin iz zachinateley sotsiokul'turnogo obrazovaniya v Rossii (na primere kursovoy sistemy podgotovki slushateley) [University named after A. L. Shanyavsky as one of the initiators of socio-cultural education in Russia (on the example of the course system for training students)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2012, no. 5 (49), pp. 104–110. (In Russian)
16. Klapiyuk V. T. Moskovskomu gosudarstvennomu universitetu kul'tury i iskusstv – 80 let: stranitsy istorii [The Moscow State University of Culture and Arts is 80 years old: pages of history]. *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2010, no. 2, pp. 32–45. (In Russian)
17. Klapiyuk V. T. Nachal'nyy period Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv: metodologiya ustanovleniya [The initial period of the Moscow State University of Culture and Arts: a methodology for establishing]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2008, no. 2, pp. 134–139. (In Russian)

18. O seti, strukture i kontingente priema uchashchikhsya v vysshie uchebnye zavedeniya RSFSR na 1930/31 god: postanovleniye SNK RSFSR ot 10 iyulya 1930 g. [On the network, structure and contingent of student enrollment in higher educational institutions of the RSFSR for the year 1930/31: Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 10, 1930]. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR, izdavaemoe N.K.Yu.* [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government of the RSFSR, published by N.K.Yu.]. Moscow, 1930. The first section. No. 27–62 1930. P. 526. (In Russian)
19. Ob organizatsii v Universitete Shanyavskogo Biblioteknykh kursov [On the organization of the Library Courses at the University of Shanyavsky]. *Otchet Universiteta A. L. Shanyavskogo za 1912–1913 akademicheskii god* [Report of the University of A. L. Shanyavsky for the 1912–1913 academic year]. Moscow, 1913. (See also: *Manuscripts Department of the Russian State Library*. F. 321. K. 2. In. 17. L. 1. (In Russian, unpublished)).
20. *Manuscripts Department of the Russian State Library*. F. 321. K. 9. Unit 10. L. 27, 29, 33, 40, 83. See also: Ibid. In. 12. Unit 24. L. 45–46. (In Russian, unpublished).
21. *Manuscripts Department of the Russian State Library*. F. 321. In. 2. Unit 14. Minutes of meetings of commissions on the organization of courses in library science at the University of Shanyavsky in 1915–1918. *Manuscripts Department of the Russian State Library*. F. 321. In. 2. Unit 18. (In Russian, unpublished).
22. *Manuscripts Department of the Russian State Library*. F. 321. In. 3. Unit 2. (In Russian, unpublished).
23. Stolyarov Yu. N. Intermediate anniversary, or Dialogue with the imagined opponent about a true date of creation of the Moscow Institute of Culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]. 2015, no. 6 (68), pp. 10–22. (In Russian)

*

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

УДК 008

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10202

В. А. Тихонова

Московский государственный институт культуры

В статье анализируются различия в определении субъектов и движущих сил глобализации, характеризуется сущность понятия вестернизации, скрытым смыслом которого является стратегический курс на утверждение диктата единого «центра» в лице США и, следовательно, модели однополярного мира. Автор концентрирует внимание на культурной составляющей исторического развития, на различии культурно-ценностных позиций сторонников и противников политики вестернизации, оценки ими роли и значения различных типов цивилизаций в динамике исторического процесса. Обращаясь к идеям Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина, И. Валлерстайна и сопоставляя их с выводами современных исследователей общественного развития, прежде всего в научном осмыслении перспектив глобализации, автор подчёркивает особое значение тех тенденций и стратегий в осуществлении глобализационного процесса, которые обеспечивают осознание и переход к жизненно важной для судеб человечества стадии модернизационного развития – гуманистической цивилизации в пространстве многополярного мира.

Ключевые слова: глобализация, вестернизация, культурно-исторические типы цивилизаций, европоцентризм, человеческое достоинство, гуманизм.

V. A. Tikhonova

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURE IN THE CONTEXT OF THE CONTRADICTIONS OF THE GLOBALIZATION PROCESS

The article analyzes the differences in the definition of the subjects and driving forces of globalization, characterizes the concept of westernization, the hidden meaning of which is the strategic course for approving the dictates of a single “Center” represented by the United States and, therefore, a model of a unipolar world. The author focuses on the cultural dimension of historical development, on the difference of culture and value positions of supporters and opponents of the policy of westernization, their assessment of the role and significance of various types of civilizations in the dynamics of the historical process. Addressing the ideas of N. Y. Danilevsky, P. A. Sorokin, I. Wallerstein and

ТИХОНОВА ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор философских наук, профессор, эксперт управления научной работой, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

TIKHONOVA VALERIYA ALEKSANDROVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor, expert in scientific work management, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation

e-mail: tikhonovava@mail.ru

© Тихонова В. А., 2019

comparing them with the findings of modern researchers of social development, first of all, in scientific understanding of globalization perspectives, the author emphasizes the special significance of those trends and strategies in the implementation of the globalization process, which provide awareness and transition to the stage of modernization development that is vital for the fate of mankind – a humanistic civilization in a multipolar world.

Keywords: globalization, westernization, cultural-historical types of civilizations, Eurocentrism, human dignity, humanism.

Для цитирования: Тихонова В. А. Культура в контексте противоречий глобализационного процесса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 22–29. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10202

Сохраняя свою значимость, проблема глобализации обнаруживает новые аспекты и актуальные моменты для сегодняшнего дня. Известно, что сам термин «глобализация» стал систематически использоваться с конца 1980-х годов XX века, хотя в это понятие вкладывалось разное содержание в зависимости не только от теоретического контекста, но и от мировоззренческих ориентиров исследователей глобализационного процесса. К сущностным и одновременно дискуссионным моментам в понимании глобализации, безусловно, относится проблема её субъектов и движущих сил.

Глобализация как движение человечества к мировому единству у многих неотделима от представления о единственном начале и субъекте такого движения, несмотря на то, что исторический опыт доказывает, что это оборачивается диктатом единственного субъекта в отношении других народов, вовлекаемым в мировую экономическую и политическую систему. Конкретно-исторически глобализация уже проявила себя как вестернизация. Возможна ли здесь альтернатива? Где и как диктату на путях вестернизации может быть противопоставлена глобализация на основе диалога?

При анализе работ, посвящённых проблеме глобализации, известный исследователь

Ю. Д. Гранин отмечает, что в большинстве из них доминирует мысль о том, что «глобализация воплощает очевидное увеличение взаимозависимости и взаимосвязанности человечества на основе одной – западной – модели развития, экспансия которой разделила мир на развитый “Центр” и отсталую “Периферию”, вынужденно усвоившую научно-технические, политические и культурные достижения и стандарты Запада» [2, с. 5]. Субъектом мирового глобализационного процесса, как мы видим, исторически стал цивилизованный Запад, который выдвинулся в лидеры мирового развития в связи со становлением в Европе в XV–XIX веках буржуазного общества, способствовавшего формированию национальных государств, а в последующем – капиталистической мир-системы, в рамках которой и сложилась тенденция вестернизации. Как отмечает Ю. Д. Гранин, для некоторых исследователей «именно вестернизация ... единственная из реально существующих возможных форм глобализации человечества в прошлом и обозримом будущем. Но это не так» [2, с. 3].

Да, безусловно, это не так, учитывая, что подобная интерпретация глобализации, основанная на идеях однополярного мира с доминирующим «Центром» и догоняющей «Периферией», опирается на традиционные европоцентристские установки о линейном

характере исторического развития. Методологическим основанием указанной модели, где глобализация отождествляется с вестернизацией, является представление об однонаправленном развитии мировой истории. И на этом методологическом фундаменте выстраивается политика некоторых сверхдержав. Хотя модель развития истории, где её единственное направление задаётся единственным субъектом, подвергалась критике начиная с XIX века, например в работах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, С. Хантингтона, И. Валлерстайна, аргументация которых не утратила актуальности и в отношении дискуссий о сущности глобализации в наши дни.

Следует отметить, что традиция противопоставления «цивилизованного Запада» «дикому Востоку» подкреплялась в рамках европейской культуры всей практикой колониального освоения западноевропейскими странами азиатских и африканских стран и народов. И при этом полностью игнорировалось то, что в мировом пространстве, наряду с западноевропейской, формировались и развивались такие цивилизации, как китайская, индийская, арабо-мусульманская и другие. Тем не менее, замечает Ю. Д. Гранин, сторонники отождествления глобализации с вестернизацией, «объявляя соседей “варварами”, естественным образом считали себя “центрами” окружающего мира и, формируя глобализационные стратегии, реально претендовали на мировое господство» [2, с. 10].

Из многочисленных историко-экономических и историко-культурных исследований можно узнать, что в период с XII века до конца XVIII века Азия оставалась самостоятельным центром торгового и экономического развития, что противоречит концепту европоцентризма. Альтернативой установки на однонаправленный ход истории уже

в XVIII веке стала идея циклического характера исторического процесса у Дж. Вико. Новые акценты определил Н. Я. Данилевский, разрабатывая теорию культурно-исторических типов. Он не только представил историю человечества как циклический процесс, но подошёл к оценке этого процесса в свете его культурной составляющей [3].

Как известно, Данилевский отрицал не только линейный характер истории, но и то, что человечество представляет собой единое целое. Для него аксиомой являлось то, что человечество есть многообразие национальных организмов с собственными законами. А это уже было утверждением не одного единственного, а множества исторических субъектов. Термин «культурно-исторический тип» учёный использует применительно к народам, каждый из которых обладает своим складом ума, чувствами, волей, и всё это выражает его оригинальность.

По сути, культурно-исторические типы у Данилевского являются локальными цивилизациями. Безусловно, для Данилевского был неприемлем европоцентризм с однонаправленным движением истории и по той причине, что в этом движении не было места для России. Вектор движения Европы у Данилевского оказывается противоположным тому, который предполагал европоцентризм. По его расчётам, европейская цивилизация вошла в фазу органического умирания, в то время как для «молодого» славянского культурно-исторического типа, в центре которого находилась Россия, открылись перспективы исторического развития. Возможности процветания России Данилевский связывал с культурными, политическими и религиозными особенностями её культурно-исторического типа.

Глобализация в современном её проявлении предполагает интеграционные процессы разного типа и уровня. Глобализация

– это интеграция за счёт модернизации различных сфер экономики, политики, науки, культуры. Сама суть модернизации в современных условиях означает научно-технический прогресс, освоение новых технологий и в конечном счёте повышение уровня жизни народа, включающегося в этот процесс. Но реализация национальных модернизационных проектов, как показывает опыт, выявляет негативные моменты, связанные именно с вестернизацией как подоплёкой современного глобализационного процесса. Интеграция, таким образом, оборачивается разобщением, вплоть до игнорирования Мировым Центром суверенных прав и интересов других стран и народов.

О перспективах мирового рынка писали экономисты и в XIX веке, и в XX веке, уже преодолевая ужасы мировых войн, прокладывая путь к институтам глобальной политики, вплоть до создания ООН.

В наши дни глобализационный процесс затрагивает культурно-ценностные основы жизни народов, обнажая глобальные противоречия на уровне конфликта цивилизаций. Торговые войны и политические конфликты на глобальном уровне сопровождаются столь же глобальными разногласиями в области культуры. Именно вызовы глобализации обостряют эти конфликты. То, что раньше воспринималось как культурное различие, теперь становится культурным конфликтом. И обострение конфликтности глобализационного процесса, на наш взгляд, определяется именно тем, что глобализация оборачивается унификацией культурно-ценностных оснований разных народов и цивилизаций.

Наращение конфликтов в ходе глобализации в значительной степени провоцируется кризисом западной культуры, о котором писали О. Шпенглер и П. А. Сорокин и который продолжается сегодня. Ещё в 50-е

годы XX века Сорокин отмечал, что «глубина его неизмерима, конца ему пока не видно, и западное общество погружается в него целиком. Это кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних столетий и ныне достигла состояния перзрелости» [6, с. 720]. Характеризуя упадок западной культуры как «системный кризис», Сорокин связывал будущее человечества со сменой эпохи «чувственной культуры» эпохой «идеациональной культуры», ценностные установки которой станут основанием для творческого развития человека в пространстве новой социокультурной суперсистемы, где возродятся нравственные ценности Истины, Добра и Красоты.

Но стоит вспомнить, что Сорокин характеризовал эту кризисную ситуацию тогда, когда стала вполне реальной возможность новой, теперь уже атомной войны [7]. Именно это заставило Сорокина сосредоточить внимание на особой миссии учёных, у которых, как он полагал, есть возможность создать условия, позволяющие избежать катастрофы мировых войн. Ключ к решению проблемы глобальных войн Сорокин видел в «новом человеке» как порождении «новой идеациональной культуры» и именно с культурной стороны цивилизационного процесса связывал будущее человеческого сообщества, способного сосредоточить усилия на «общем деле» по сохранению планеты Земля и жизни на ней.

На этом аспекте делает акцент и руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН А. П. Назаретян, обращаясь к проблеме вызовов и перспектив цивилизации. Он, в частности, отмечает, что «прозрения великих мыслителей прошлого, некоторые прорывные эпизоды политической истории, а также социально-психологиче-

ские эксперименты показывают, что человеческая солидарность и смыслообразующие мотивации могут выстраиваться не только на образе общего врага, но и на образе общего дела» [5, с. 99]. Интересно, что перспективы преодоления «глобального кризиса» в пространстве человеческого сообщества, объединённого общими гуманными ценностями и «общим делом», Назаретян связывает с моральной реконструкцией человека, торжеством Разума, чему, как он пишет, могла бы способствовать и «международная образовательная программа, нацеленная на формирование планетарного мышления, свободного от групповых конфронтаций» [5, с. 99].

Сложно предсказать верное развитие событий в мире, в том числе на фоне кризиса западной культуры, которая, как писал П. А. Сорокин, «полумёртвая-полуживая ... может растянуть свою агонию на десятилетия» [6, с. 723]. Тем не менее оптимизм прогнозов по преодолению «глобального кризиса» может базироваться на примерах ряда стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Китая, а также Индии и некоторых африканских стран, успешно сочетающих элементы западной модернизации со своими формами и национальными традициями. Ныне всё более очевидно стремление этих стран ориентироваться на проводимую Россией политику по неукоснительному соблюдению норм международного права, прежде всего гарантирующих суверенитет национальных государств и консолидирующих усилия мирового сообщества по предотвращению угрозы мировой войны.

Как полагал П. А. Сорокин, «если человечество сумеет избежать непоправимой катастрофы ещё более великих мировых войн, то грядущим поколениям людей предстоит встречать зарю нового величественного порядка» [6, с. 11]. Актуальность этих слов

возрастает в свете противоречий технологического прогресса человечества. Не зря в последнее время в научном сообществе всё активнее обсуждается гуманитарная составляющая технологического прогресса, суть которой заключается не только в организации институтов социальной экспертизы научно-технических проектов, способных негативно повлиять на наш образ жизни [10]. Речь идёт о совершенствовании регуляторов сохранения глобальной «социоприродной системы» (А. П. Назаретян) и самой биологической природы человека, вместе с окружающей его жизненной средой обитания.

Решение этой проблемы часто связывают с перспективами новой ступени цивилизации, где модель гармоничного миропорядка будет определяться культурным пространством, основанным на ценностях достоинства, справедливости и равенства. Так, И. В. Черникова, исследуя проблему сохранения природы человека как глобальную проблему современности, рассматривает понятие человеческого достоинства «в контексте мировой интеллектуальной традиции – от Аристотеля до наших дней» [9]. В связи с этим она обращается к анализу идей Ю. Хабермаса, которые он высказал в докладе «Понятие человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека» на Всемирном дне философии в 2010 году в Москве, отметив, что «на современном этапе развития человечества особое значение приобретает концепция человеческого достоинства, которая является нравственным источником этики равенства, прав человека и человеческой идентичности» [9, с. 41].

Понятно, что путь к такому гармоничному миропорядку не может прокладываться только моральными увещаниями, тем более в обстоятельствах глобального меркантилизма. Видение перспектив глобали-

зации у известного американского учёного И. Валлерстайна связано с его мир-системной теорией, где он характеризует современную систему мира как ту, «в которой предпочтение отдаётся бесконечному накоплению капитала» [1, с. 49]. Именно этот вектор делает цивилизационное развитие крайне противоречивым, и эти противоречия, по убеждению Валлерстайна, в конечном счёте и предопределяют его судьбу. Явное обострение глобального кризиса стало причиной заявления Валлерстайна о неизбежности конца западного капитализма и его культурно-ценностного облика, что несколькими десятилетиями ранее было спрогнозировано жившим в те годы в Соединенных Штатах П. А. Сорокиным.

Обратим внимание на то, что ни И. Валлерстайн, ни П. А. Сорокин не верили беспрекословно в наступление в будущем бесконфликтного мира, полагая, что его облик будет определяться лишь иной культурой, иными ценностями, обуславливающими новый тип мировой системы. Следует отметить, что принципиально важным для них обоим была необходимость обосновать бесперспективность и пагубность существования уже сложившейся мир-системы на принципах «умирающей чувственной культуры», где, как писал Сорокин, «свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распущенностью. Перестанут существовать неотъемлемые права, Декларации прав или тоже отменят, или начнут использовать как красивые ширмы для неприкрытого насилия» [6, с. 808].

И. Валлерстайн в работе «После либерализма» (2003) отмечал, что «После завершения периода бифуркации, скажем, в 2050 или в 2075 году, мы сможем с уверенностью говорить только о нескольких вещах. Мы не

будем больше жить в условиях капиталистической мир-экономики. Вместо этого мы будем развиваться в рамках нового порядка или порядков, некоей новой исторической системы или систем. И потому, возможно, снова воцарятся относительный мир, стабильность и законность. Но будут ли этот мир, стабильность и законность лучше тех, которые мы знали раньше, или они будут хуже? Мы этого не знаем, но это зависит от нас» [1, с. 49].

В связи с этим вернёмся к вопросу о едином субъекте глобализационного процесса. Ведь на фоне вестернизации, когда США открыто проводят политику мирового господства, идут противоположные процессы формирования новых субъектов цивилизационного развития, и не только в политическом, но именно в культурном плане, когда народы пытаются сохранить культурно-национальную идентичность и тем самым обеспечить равенство многих субъектов мировой системы.

Необходимо подчеркнуть, что страны, не входящие в орбиту западной «чувственной культуры», предопределившей облик вестернизации, сегодня наращивают ресурсы, дающие им шансы, при укреплении экономической мощи и консолидации общества, отстаивать своё культурно-ценностное своеобразие. Это подтверждает мнение многих исследователей, что будущее отнюдь не предопределено властью единого «Центра», что нарастание гегемонистских устремлений имеет противоположный эффект и усиливает тенденции к созданию альтернативных союзов стран, которые действуют не только на взаимовыгодных условиях экономического и политического сотрудничества, но, что очень важно, и на основе принципов культурного диалога.

Диалог культур, на наш взгляд, как раз и является той духовной связью, которая

может стать основанием новой ступени цивилизационного развития, новой модели гармоничного миропорядка. И это будет глобальное человечество не с одним, а с множеством национальных и региональных субъектов, где движущая сила – сотрудничество, упраздняющее и вестернизацию, и опасную регионализацию в мире.

При обострении международных конфликтов, тем более в условиях информационного общества, возрастает роль политических организаций и их лидеров как субъектов и диалога, и конфронтации. Их индивидуальный выбор и осознание ответственности оказываются условием безопасности всего человечества, надежды на «мир, стабильность и законность», на сохранение самой цивилизации. В нынешней ситуации нежелание или незнание, неумение ряда представителей политических элит и их лидеров руководствоваться уроками истории, логикой предвидения последствий принимаемых решений, путей создания многополярного мира чреваты глобальными катаклизмами. В свете осознания значимых последствий особую роль играют гуманистические принципы исторических личностей как гарантов избавления от негативных влияний «чувственной культуры» «с её кошмарами, разрушениями и душераздирающими ужасами» [6, с. 723].

Глобализационный процесс уже обнаружил свою противоречивую природу. Тенденция к попранию достоинства не только личности, но и народов в современных условиях

встречает серьёзное противодействие. Уже очевидно, что «в современных реалиях информационного общества игнорирование национально-культурных интересов стран и народов лишь активизирует действия сил, стоящих на защите своих культурных миров, что способствует разработке национальных и межгосударственных программ и стратегий, направленных на реальное обеспечение гуманистических идей глобализации» [8, с. 90]. Во многом это определяется уровнем политического сознания и культуры народов и тех политических лидеров, которые отстаивают суверенные права и национальные интересы своих стран и тем самым ценности справедливого, гуманистического миропорядка.

Современный этап глобализации демонстрирует тупиковость проекта вестернизации. Диктат единственного субъекта объединения народов должен сменить диалог, а его реализация начинается с мира культуры. Именно культурный диалог может стать системообразующим началом глобализации, где культура из составляющей превратится в основу общения народов. Но это не тот культурный суррогат, который включает в себя вестернизация, где доминирует унификация и обезличивание культурной жизни разных стран согласно приоритетам потребительского общества. Глобализация должна рождаться из диалога и взаимодействия по охране и развитию духовных ценностей народов, дополняющих друг друга в своей неповторимости. И это культурное основание может обеспечить создание нового гуманистического миропорядка.

Примечания

1. Валлерстайн И. После либерализма / пер. с англ. М. М. Гурвица и др. ; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
2. Гранин Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии : научно-теоретический журнал. 2008. № 2. С. 3–15.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва : Известия, 2003. 607 с. (Мыслители России).

4. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. Москва : Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
5. Назаретян А. П. Вызовы и перспективы цивилизации: станет ли эволюция на Земле космически значимой? // Вопросы философии : научно-теоретический журнал. 2018. № 6. С. 99–110.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений : пер. с англ. / Институт социологии Российской академии наук. Санкт-Петербург : Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2000. 1056 с. (Университетская библиотека).
7. Тихонова В. А. Глобализация и проблемы культурно-национальной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 22–25.
8. Тихонова В. А. Политическая культура России и противоречия современного этапа глобализации // Самоопределение России в мировом культурном пространстве: искусство, религия, политика: коллективная монография / под ред. Е. В. Мареевой, Н. В. Синявиной. Москва : МГИК, 2018. С. 87–92.
9. Черникова И. В. Сохранение природы человека как глобальная проблема современности // Вопросы философии : научно-теоретический журнал. 2016. № 9. С. 36–43.
10. Юдин Б. Г. Технонаука, человек, общество // Век глобализации. 2008. № 2. С. 146–154.

References

1. Wallerstein I. [Wallerstein Immanuel Maurice] *Posle liberalizma [After liberalism]*. Moscow, Editorial URSS, 2003. 256 p. (In Russian)
2. Granin Yu. D. “Globalization” or “Westernization”? *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2008, no. 2, pp. 3–15. (In Russian)
3. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: a view on the cultural and political relationships of the Slavic world to the Germanic-Romanesque]*. Moscow, 2003. 607 p.
4. Harrison Lawrence, Huntington Samuel (eds.) *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York, Basic Books, 2000. (In Rus. ed.: Harrison Lawrence, Huntington Samuel (eds.) *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu [Culture matters. How values contribute to social progress]*. Moscow, Published by Moscow School of Political Studies, 2002. 320 c.)
5. Nazaretyan A. P. Global Civilization's Challenges and Perspectives: Is the Evolution on Earth Cosmologically Relevant? *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2018, no. 6, pp. 99–110. (In Russian)
6. Sorokin P. A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy [Social and cultural dynamics. A study of changes in the great systems of art, truth, ethics, law, and social relations]*. St. Petersburg, Published by the Russian-Christian Humanitarian Institute, 2000. 1056 p. (In Russian)
7. Tikhonova V. A. Globalization and problems of cultural and national identity. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 3 (65), pp. 22–25. (In Russian)
8. Tikhonova V. A. Politicheskaya kul'tura Rossii i protivorechiya sovremennogo etapa globalizatsii [The political culture of Russia and the contradictions of the modern stage of globalization]. In: Mareeva E. V., Sinyavina N. V., eds. *Samoopredelenie Rossii v mirovom kul'turnom prostranstve: iskusstvo, religiya, politika [Self-determination of Russia in the world's cultural space: art, religion, politics]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2018. Pp. 87–92. (In Russian)
9. Chernikova I. V. Preservation of the Human Nature as a Global Problem of Contemporaneity. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2016, no. 9, pp. 36–43. (In Russian)
10. Yudin B. G. *Tekhnounauka, chelovek, obshchestvo [Techno-science, Human being and Society]*. *Vek globalizatsii [Age of Globalization]*. 2008, no. 2, pp. 146–154. (In Russian)

*

ДУХОВНОСТЬ ПО ТУ СТОРОНУ НАУКИ И РЕЛИГИИ

УДК 13

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10203

И. В. Кондаков

Российский государственный гуманитарный университет

Статья посвящена дискуссионным проблемам современной духовной культуры. Автор отмечает, что современная духовность развивается в сложном, мозаичном контексте культуры, в котором наука, религия, философия, публицистика, литература и искусство, эзотерика, телевидение и Интернет находятся в постоянном взаимодействии между собой. Принципы толерантности и политкорректности, характерные для эпохи постмодерна, усиливают эффект смысловой неопределённости, сопровождающий духовную культуру современности, находящуюся «по ту сторону» науки и религии. Примером такой культурной вменяемости являются феномены религиозного модернизма – богоискательства и богостроительства. Отталкиваясь от дискуссии по этим вопросам между Лениным и Горьким, автор рассматривает различные аспекты духовной культуры, актуализирующиеся при обращении к богоискательству и богостроительству. В современных условиях возрождение и трансформация традиционной религии и возникновение религиоподобных духовных практик делают рассмотрение пограничных форм духовности актуальным и проблемным.

Ключевые слова: духовная культура, политкорректность, постмодерн, абсолютное, относительное, богоискательство, богостроительство, сакральное, секулярное, смысловая неопределённость.

I. V. Kondakov

Russian State University for the Humanities, The Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Miusskaya sq. 6, 125993, Moscow, Russian Federation

SPIRITUALITY ON THE OTHER SIDE OF SCIENCE AND RELIGION

The article is devoted to the discussion problems of modern spiritual culture. The author notes that modern spirituality develops in a complex, mosaic context of culture, in which science, religion, philosophy, journalism, literature and art, esoteric, television and the Internet are in constant interaction with each other. The principles of tolerance and political correctness, characteristic of the postmodern era, reinforce the effect of semantic uncertainty that accompanies the spiritual culture of our time, which is «on the other side» of science and religion. An example of such cultural extravagance are the phenomena of religious modernism – God-seeking and God-building. Starting from the discussion on these issues between Lenin and Gorky, the author considers various aspects of spiritual culture, which are relevant when addressing the search for God and the construction industry. In modern conditions,

КОНДАКОВ ИГОРЬ ВАДИМОВИЧ – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, действительный член РАЕН, профессор кафедры истории и теории культуры Отделения социокультурных исследований Российского государственного гуманитарного университета

KONDAKOV IGOR VADIMOVICH – Full Doctor of Philosophy, Ph.D. (Philology), Professor, Full member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture, the Division of Social and Cultural Research, the Russian State University for the Humanities

e-mail: ikond@mail.ru

© Кондаков И. В., 2019

the revival and transformation of traditional religion and the emergence of religious-like spiritual practices makes the consideration of borderline forms of spirituality relevant and problematic.

Keywords: spiritual culture, political correctness, postmodern, absolute, relative, seeking, boosterist, sacred, secular, semantic uncertainty.

Для цитирования: Кондаков И. В. Духовность по ту сторону науки и религии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 30–39. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10203

1

Современная духовная культура (к которой, к слову сказать, относятся не только религия и богословие, но и философия, гуманитарные, естественные и технические науки, литература и многочисленные искусства, различные формы массового и индивидуального досуга и необъятный мир медиакультуры, включая Интернет) находится в очень интересном и странном положении. Если в своей предшествующей истории духовная культура последовательно вписывалась то в контекст по преимуществу мифологического сознания, то – религиозного, то – конкретно-научного, то – философского, то – в XX столетии – в контекст тоталитарных идеологий или идеологической борьбы, то на рубеже второго и третьего тысячелетий от Рождества Христова вся современная духовность оказалась растворённой в противоречивом мозаичном контексте культуры, где в одном семантическом поле соседствуют наука и религия, политика и коммерция, философия и здравый обыденный смысл, публицистика и эзотерика, многоканальное телевидение и социально-сетевые коммуникации...

Вольно или невольно в таком противоречивом смысловом контексте любое явление духовной культуры – религиозной или секулярной, массовой или индивидуальной – приобретает внутренне противоречивый, как бы «мерцающий» характер *смысловой неопределённости* – на грани веры и неверия, знания и незнания, убеждения и со-

мнения, труда и развлечения, служения и притворства, действительности и мнимости, истины и всевозможных манипуляций массовым сознанием... И широко распространившаяся в эпоху постмодерна политкорректность в этой ситуации лишь усугубляет размытость всех критериев духовности [см.: 2; 3, с. 37–40], что особенно важно и проблемно для современных университетов. «Так же, как и суть политкорректности, суть постмодерна выражена в простой формуле: *истина относительна*. Так же, как и политкорректность, постмодерн не ищет истину, истина его не интересует – он провозглашает терпимость. Так же, как и для политкорректности, для постмодерна не существует чужого. Там есть другое, и только» [3, с. 43].

Во всех этих случаях мы имеем дело со смысловым пространством, словно зажатым между современным научным знанием и реанимированной религией, между абсолютным и относительным, между сакральным и секулярным [4].

Выдающийся русский религиозный философ С. Л. Франк оставил глубокие и в чём-то неожиданные размышления о соотношении абсолютного и относительного в духовной культуре XX века, ещё задолго до наступления эры постмодерна. «В борьбе с Абсолютным объединились наука и религия, две силы, во всём остальном несогласные друг с другом. Поскольку всё, что познаётся наукой, относительно ... то с этой точки зрения Абсолютное как непознавае-

мое и одновременно подлинный предмет познания оказывается смазанным... Со своей стороны религия рассматривает «Абсолют» как опасного и пагубного конкурента истинной идеи Бога, потому что, как полагают, Абсолютное подменяет личного Бога безличным средним, делая невозможной молитву, веру в откровение и надмирность Бога» [12, с. 58].

Философ подчёркивал, что Абсолютное «является единственным и собственным предметом философии»; более того, философия не должна быть «пустой и беспредметной» (как это происходит в случае с позитивизмом), и это возможно, если она «будет претендовать на область, находящуюся по ту сторону относительного и поверх его – область Абсолютного» [12, с. 58, 59]. Абсолютное непознаваемо, но эта непознаваемость весьма содержательна: как показывает С. Франк, это – «знающее незнание» и вместе с тем «незнающее знание», то есть утверждение незнания как «необходимого и обоснованного». Иными словами, «в незнании скрывается знание, которым выражается осознание незнания» [12, с. 59]. А эта позиция чрезвычайно плодотворна для познавательной деятельности, в том числе в рамках науки.

Однако диалектика абсолютного и относительного в духовной культуре не так проста, как может показаться на первый взгляд. Касаясь судеб утопизма, Франк демонстрирует, как стремление к Абсолюту приводит утопию «не к добру, а к злу», а «спасители человечества и самоотверженные служители благу» превращаются в «бесовестных злодеев и кровожадных тиранов». «Таков парадоксальный роковой ход всех революций, руководимых утопическим замыслом утвердить абсолютно совершенный порядок жизни», – замечает он. «Парадоксальность этой нравственной диа-

лектики», по словам философа, ярко воплощает «жуткий, загадочный тип аскетического и добродетельного в личной жизни кровопийцы, вроде Робеспьера и Дзержинского» [12, с. 74–75]. Абсолютизация добра почти неизбежно ведёт общество и его духовную культуру к торжеству зла, насилия, террора, а различие между добром и злом становится относительным.

2

«... Чем жёлтый чёрт отличается от чёрта синего?» [5, с. 226], – иронизировал пролетарский вождь по поводу идейных исканий своего «друга» (как всегда говорилось в советское время), а на самом деле – постоянного оппонента почти по всем принципиальным вопросам – пролетарского писателя Максима Горького. «Жёлтым чёртом» Ленин ёрнически именовал «богоискательство», а «синим» – «богостроительство». Почему именно *жёлтый* и *синий*? Как известно (например, уже из опытов по цветопсихологии И.-В. Гёте), *синий* и *жёлтый* – взаимодополнительные цвета (вероятно, древнейшие в истории человеческой культуры). Если долго смотреть на синий кружок на белом фоне, а затем его убрать, то на его месте некоторое время будет виден точно такой же по форме кружок жёлтого цвета, и наоборот. Но в то же время эти цвета *не взаимозаменяемы*, даже напротив. Жёлтый цвет символизирует день, яркий солнечный свет и перспективы человеческого развития; тёмно-синий – ночь, ночное небо и вместе с тем стабильность, покой. Что-то похожее можно заметить (или приписать) и в отношении богоискательства / богостроительства. Как день и ночь человека, занятого религиозными исканиями...

Но вряд ли политик-революционер задумывался над такими мелочами. Обращаясь к писателю и пытаясь его переубедить,

сделать своим единомышленником, он заключал свой монолог: «Говорить о богоискательстве ... для предпочтения синего чёрта жёлтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем» [5, с. 226]. Последовательно расширяя контекст своих обличений (попов в рясе и без, филистеров и мелких буржуа, европейское и русское мещанство и особенно «демократическое мещанство», гонящихся за религиозными идеалами), Ленин завершил знаменательное рассуждение о чертах показательной сентенцией: «*Всё один чёрт*» [5, с. 227].

Мало кто уже помнит сегодня острую дискуссию, развернувшуюся в переписке Горького и Ленина в 1913 году. В это время А. М. Горький, увлечённый нетрадиционными религиозными идеями (фактически – различными версиями религиозного модернизма), высказывался против очень модного тогда «богоискательства» и призывал заняться «богостроительством», или «богосозидательством». Называя «богоискательство» делом бесполезным, Горький мотивировал это таким образом: «Нечего искать, где не положено. Не посеяв, не пожнёшь. Бога у вас нет, вы ещё не создали его. Богов не ищут – их создают; жизнь не выдумывают, а творят» [цит. по: 5, с. 226].

Для того чтобы воссоздать контекст этого полемического высказывания, нужно вспомнить знаменитый тезис Ф. Ницше: «Бог умер!» [7, с. 593], которым на рубеже XIX–XX веков были увлечены как в Европе, так и в России почти все мыслящие люди. Среди читателей, увлечённых Ницше, был и Горький, который наделил персонажей своих ранних рассказов и поэм ницшеанской философией, да и сам её во многом разделял. Читателей Ницше поразила мысль, что Бог сначала был, а потом – перестал быть («умер»). Это, по словам Ницше, «величайшее из новых событий – что “Бог

умер” и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия – начинает уже бросать на Европу свои первые тени» [7, с. 662]. Если бы он сказал, что «Бога нет» и никогда не было, – это никого бы не удивило. Ещё Л. Фейербах эффектно доказал, что Бог был вымыслен людьми – по их образу и подобию, что человек все свои земные проблемы перенёс, в лице Бога, на небо и поверил в его реальное существование. Таким образом, Бог длительное время существовал в сознании и жизни множества людей – в силу их темноты и невежества, но затем, под влиянием достижений наук, философии, искусства, успехов просвещения, вдруг «ушёл» из сознания и жизни людей – «умер»! И люди, лишившись привычной духовной опоры, начали искать ему замену: на место «неистинного», даже, может быть, ложного бога стали предлагать «истинного» или более заслуживающего доверия, чем прежний, стали придумывать ему достойную замену.

Ф. Ницше рассказывал в третьей книге «Весёлой науки» о некоем «безумном человеке», который «в светлый полдень зажжёт фонарь» и всё время кричал: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» [7, с. 592]. Конечно, это парафраз легенды о кинике Диогене, который подобным образом искал «человека». Всё это означало, что религия как феномен культуры преодолела традиционную догматику и стала предметом и актом творчества – индивидуального и коллективного, приблизившись к статусу искусства. Так, с лёгкой руки Ницше, родилось «богоискательство», повальное увлечение которым в России конца XIX – начала XX века (и не только в России) распространилось в бесчисленных культурных версиях.

Впрочем, эта тенденция заявляла о себе в русской культуре и ранее. М. Ломоносов и А. Сумароков, А. Радищев и Н. Карам-

зин, В. Жуковский и К. Рылеев, А. Пушкин и П. Чаадаев, Н. Гоголь и Ф. Бухарев, М. Лермонтов и Ф. Тютчев, В. Одоевский и Ф. Достоевский, Н. Некрасов и А. Фет, И. Тургенев и Л. Толстой – задолго до Серебряного века – были в той или иной степени богоискателями. В том смысле, что примириться с официальной религией, догматической и каноничной, они не могли, потому что видели в этом формализм и насилие над своей совестью, считали её архаичной и противоречащей достижениям современной им науки и европейского просвещения. Но и просто отвергнуть религию, как какой-нибудь «опиум народа» или «цветы, украшающие цепи» [6], казалось им грубым и примитивным, не соответствующим той мыслительной высоте, на которую их вознесло тысячелетнее культурное развитие человечества.

3

Отвечая сонму отечественных богоискателей Серебряного века, среди которых блистали имена Вл. Соловьёва, Е. Трубецкого, Д. Мережковского и З. Гиппиус, В. Розанова и Б. Савинкова (В. Ропшина), Н. Бердяева и С. Булгакова, С. Франка и Г. Федотова, Вяч. Иванова и А. Добролюбова, А. Блока и А. Белого, В. Хлебникова и В. Маяковского, – М. Горький и ряд близких ему социал-демократов, отстаивавших в революционном движении индивидуально-творческие позиции (А. Луначарский, В. Базаров, А. Богданов и другие), выдвинули идею создания (построения, сотворения) нового Бога, который в общественном сознании и социально-культурных практиках мог бы заменить «умершего Бога», утратившего легитимность.

Таким «богом» (точнее – его заменой, или, говоря современным языком, *симулякр*ом Бога) мог стать «социализм», «просвещение масс», «народная воля», «герои-наро-

довольцы», а персонально: Карл Маркс, Владимир Соловьёв, Иоанн Кронштадтский, Фёдор Достоевский, Лев Толстой, да хоть бы даже и Пушкин, наконец!.. Словом, какой-то новый, общественно востребованный идеал, обретающий ценность сакрального. Собственно, и новая религия, прославляющая новое божество, только ещё подразумевавшаяся, мыслилась, скорее, как «гражданская» и «светская» и едва ли не как секулярная, а не церковная – конфессиональная, клерикальная и мистическая.

Впрочем, русское богостроительство, как и богоискательство, имеет давнюю историю. Академик А. М. Панченко, размышляя о последствиях церковной реформы Петра I [9], убедительно показал, что именно с этого момента начинается процесс богостроительства. Умалется церковная святость, пришедшая в упадок, по Г. Федотову, уже в течение XVII века, практически приостанавливается канонизации святых [11, с. 196–197].

Возникает «светская святость», выражавшаяся поначалу в сакрализации монарха (прежде всего самого Петра I, затем Екатерины II, а в дальнейшем – почти всех российских императоров XIX века, кроме Николая II, который последовательно подвергался, скорее, десакрализации), а затем обращённая на русских поэтов (в широком смысле), начиная с А. Пушкина (затем – Н. Гоголя, Н. Некрасова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и т.д.), за которыми признавалась их учительная и пророческая миссия (см. «Речь Достоевского о Пушкине»). Впрочем, опыт русского богостроительства имеет ещё более давнюю историю.

Фактически путь к сакрализации светской власти в Московской Руси открылся вслед за падением Византии вместе с концепцией «Москва – Третий Рим». Чисто византийская формула: «Царь небесный» –

«Земной Бог», легко укоренилась в массовом сознании жителей Московии. На этой почве сложилась и политическая мифология, связывавшая происхождение «шапки Мономаха» с именем императора Константина Мономаха, будто бы одарившего ею князя Владимира Мономаха, ради его венчания на царство, а генеалогию московских князей возводившая к вымышленному «брату» римского императора Августа – Прусу, будто бы являвшемуся предком легендарного Рюрика («Послание о Мономаховых дарах» Спиридона-Саввы, «Сказание о князьях Владимирских»). В дальнейшем на эти тексты московские государи ссылались как на исторический факт, объясняя этим своё венчание на царство.

Иван Грозный, как убедительно показал А. Панченко [9], утверждая свою абсолютную, тираническую власть, всерьёз ассоциировал себя с Богом-Отцом, Творцом, Саваофом, объясняя А. Курбскому, что он не обязан соблюдать заповеди Христовы, так как это подобает лишь святителям (церковникам). «И аще убо царю се прилично, иже биющему в ланиту обратити другую?.. Как же царство управити, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично» [10, с. 24]. Его преемник, царь Фёдор, напротив, в полемике с отцом, царём Иваном, отождествлял себя с Богом-сыном, Иисусом Христом. Поэтому первый был погребён в торжественном, царском чине, а второй был похоронен как мирянин, в «рабьем зраке», в рубище простого чернеца. Однако в том и другом случае мы наблюдаем ранние формы репрезентации самодержавной власти как своего рода богостроительства.

«Поэтическое богостроительство» тоже берёт свое начало задолго до пушкинской эпохи. А. М. Панченко показал, что первым поэтом, претендовавшим на «мирскую святость» и соревновавшимся в этом с предста-

вителями светской и церковной власти, был Симеон Полоцкий. И далее, весь XVIII век был наполнен попытками такого соревнования со стороны поэтов, правда не достигавших в этом существенных успехов [8].

Там, где русские «богоискатели» стремились обрести новый путь к Богу, трансцендентному бытию, к познанию сокровенных тайн мироздания, – путь творческий, неисповедимый, во многом интуитивный, превращающий религию в разновидность индивидуального творчества (наподобие искусства), – их оппоненты, русские «богостроители», исходили из невозможности вновь прийти к Тому, чего или Кого уже нет. В то же время они отдавали себе отчёт в том, что религия не может исчезнуть сама по себе или быть уничтоженной «сверху» – путём запретов или публичных осмеяний: она является вечной и неуничтожимой формой культуры, связывающей людей воедино общими ценностями, идеалами, представлениями, традициями, ритуалами... Вместе с тем религия является феноменом культуры, исторически изменчивым, текучим, наполняемым различным, и весьма условным, содержанием, которое, оказавшись в составе религии, контекстуально сакрализуется и тем самым обретает религиозные или религиоподобные черты. Поэтому, рассуждали они, если Бога нет, его нужно выдумать, а затем – его исповедовать как символическую реальность, популяризировать в массах, создать Его искусственный культ и ритуал. В результате богостроительства Бог представлялся как фольклорный образ и литературный текст – в контексте других культурных произведений.

Если богоискательство представляло собой процесс открытия новых, до того не известных идей и решений в почти необъятном проблемном поле культуры и в этом отношении было аналогично научному или

философскому поиску, то богостроительство являлось разновидностью проектирования (целенаправленного конструирования) некоторого искомого объекта, обладающего известными (заранее заданными) параметрами или характеристиками, и в этом отношении было аналогично техническому творчеству. Богоискательство напоминало собой перепутье, от которого в разные стороны расходились, наподобие *веера*, многочисленные векторы многоцелевого поиска. Напротив, богостроительство ассоциировалось с *узлом*, в котором стягивались воедино различные нити, ведущие к общей цели. Богоискательство аккумулировало в себе *центробежные* процессы культуры, а богостроительство – *центростремительные*.

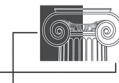
Богоискательство тяготело к *открытости* культуры, к *расширению* её горизонтов и *размыванию* смысловой определённости; богостроительство же, напротив, стремилось к *закрытости* культуры, *сужению* фокуса зрения, усилению и концентрации её ценностно-смысловой организованности и сплочённости. Богоискательство нуждалось в *плюрализме* мнений и концепций; богостроительство требовало *монизма* и *единогласия*. С точки зрения духовных исканий богостроительство и богостроительство были *взаимодополнительными* процессами в истории русской культуры (по преимуществу Нового и Новейшего времени), вроде соотношения синего и жёлтого цветов в зрительном восприятии мира. И между ними всегда наблюдалось известное *противоборство* и *соперничество* – идеологическое, философское, политическое и, разумеется, религиозное.

Незадолго до ленинско-горьковской полемике о «синем и жёлтом чертях» в знаменитом сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи» (1909–1910), выдержавшем

почти за год пять (!!!) изданий, русский религиозный философ (а впоследствии нетрадиционный православный священник) С. Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество» писал о двух возможных типах святости. Одна связана с революционным «героизмом», то есть идейным терроризмом, готовым к самопожертвованию ради народа и его свободы; другая – с духовным подвижничеством, кротким и деятельным самоотречением – ради христианской любви и объединения человечества. И если идеалом подвижника был Христос – Богочеловек, а идеальным сообществом – соловьёвское Богочеловечество, сплочённое стремлением воплотить в себе идеал Богочеловека, то для героя-революционера идеалом был богоподобный, или обожествлённый, человек – Человекобог, а идеальным сообществом представлялось Человекобожество, занятое обожением Человека [1, с. 60].

Вспомним горьковское: «Человек – это великолепно! Это звучит гордо!» (знаменитый сатинский монолог из пьесы «На дне»). Вспомним и другое горьковское: «Человек – это потом!», – это говорит второстепенный персонаж последнего горьковского романа «Жизнь Клима Самгина», едва ли не единственный в романе большевик, внешне похожий на императора Александра III и вызывавший резкое возмущение Сталина Горьким, якобы не сумевшим достойно показать участников революции. Следует задуматься над этими примерами: путь Горького-богостроителя, автора поэмы «Человек», от «Человека», который «звучит гордо», – до «Человека», который будет «потом», – не просто печален, но и трагичен.

Как известно, последний опыт горьковского богостроительства был связан с личностью Ленина. Написанный к 50-летию вождя очерк «В. И. Ленин», самому организатору и вдохновителю революции категори-

чески не понравился. Он даже провёл через Политбюро некие санкции против подобного идолопоклонства. Впоследствии, уже после смерти Ленина, под влиянием и даже нажимом его преемников, этот очерк Горьким многократно переписывался и поновлялся, в основном в худшую сторону. Первый его вариант 1920 года соединял черты богоискательства и богостроительства. Ленин отчётливо почувствовал присутствие в нём и «синего», и «жёлтого» чёрта, резко осудив горьковское заигрывание с, условно говоря, «нечистой силой». Последующие варианты очерка всё более и более сдвигались в сторону «синего», а также «красного», а литературный портрет Ленина всё более насыщался аффектированными признаками светской святости и политического культа вождя.

Несомненно, именно Горький был одним из тех, кто заложил краеугольный камень в основание мифа о Ленине и всей последующей Ленинианы – советской литературно-политической мифологии о жизни и деятельности создателя тоталитарной Коммунистической партии и тоталитарного Советского государства.

Сам Горький при жизни, как и Маяковский посмертно, тем временем быстро превратился в предмет государственного богостроительства. Переименованные города и улицы, площади и парки культуры, театры и институты стали свидетельством этого процесса. Советское государство заботливо опекало и контролировало процесс литературного и культурного богостроительства, как и аналогичный процесс политического богостроительства. А богоискательство осталось на долю русской эмиграции.

Постсоветский расцвет религии (или того, что её фактически замещает сегодня) в на-

шей стране – спустя столетие после Великой Октябрьской революции, казалось бы покончившей с религией в России раз и навсегда, – ставит совершенно по-новому проблемы осмысления религии как феномена культуры, значения религиозной философии. Ведь рядом с религией возникают и многочисленные религиоподобные явления, различные религиозные или околорелигиозные субкультуры и соответствующие институты (эзотерика, мистика, экстрасенсорика и т.п.). А рядом с различными науками – естественными, техническими, гуманитарными и т.п. – возникают различные версии «религиозных наук» – теологии, приобретшие официальный статус «ваковских дисциплин». Таким образом, рядом со *знанием* как условием научного познания встраивается *вера* как условие трансцендентного познания. И оба принципа познания априори уравниваются в своих правах «человековедения».

Вот здесь-то и возникает настоятельная потребность вновь вернуться к теориям и практикам богоискательства и богостроительства, получившим глубокое развитие в Серебряном веке – Русском Ренессансе, поскольку методы и приёмы мышления, выработанные в соответствующих течениях религиозной и светской мысли, культурно-философские «матрицы» оказываются универсальными и продуктивными не только в сакральной сфере, но и в научных исследованиях культуры, общества, человека, сознания, методологии философского и научного познания, психологии творчества, социального поведения и т.п. Этот опыт не просто полезен для верующих и неверующих; он в равной мере приложим как к сакральным, так и (в «снятом» виде) секулярным проблемам, к осмыслению религиозных, политических и обыденных культов, явлений массовой культуры.

Примечания

1. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции // Вехи : [сборник статей о русской интеллигенции] ; Из глубины : [сборник статей о русской революции / журнал «Вопросы философии» и др. ; сост. и подгот. текста А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова и др. Москва : Правда, 1991. С. 9–206.
2. Ионин Л. Г. Политкорректность – это идеология // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.368>
3. Ионин Л. Г. Политкорректность. Дивный новый мир. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2012. 112 с.
4. Кондаков И. В. Между сакральным и секулярным // Академические тетради. Выпуск 18. Москва : Миклош, 2017. С. 106–151.
5. Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. 13 – 14 ноября 1913 г. // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е издание. Москва : Госполитиздат, 1958–1965. Том 48 : Письма, ноябрь 1910 – июль 1914. 1964. С. 226–229.
6. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 томах. 2-е издание. Москва : Госполитиздат, 1954-. Том 3 : 1845–1847 / подгот. к печати И. И. Прейс и А. А. Уйбо. 1955. С. 415.
7. Ницше Ф. Весёлая наука // Сочинения : в 2 томах: [перевод с немецкого] / [сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян]. Москва : Мысль, 1990. Том 1. С. 491–719.
8. Панченко А. М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Звезда. 2002. № 9. С. 140–147.
9. Панченко А. М. Церковная реформа и культура Петровской эпохи // XVIII век. Сборник 17 / под ред. А. М. Панченко. Санкт-Петербург : Наука, 1991. С. 3–16.
10. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подготовили Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград : Наука, Ленинград. отделение, 1979.
11. Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Святые Древней Руси / предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня ; коммент. С. С. Бычкова. Москва : Московский рабочий, 1990.
12. Франк С. Л. Русское мировоззрение : [сборник] / [вступ. ст. А. А. Ермичева, с. 5–36]. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 738 с.

References

1. Vekhi. Sbornik statey o russkoy intelligentsii [Milestones. Collection of articles on the Russian intelligentsia]. In: Yakovlev A. A., etc. , comp. *Vekhi: sbornik statey o russkoy intelligentsii; Iz glubiny: sbornik statey o russkoy revolyutsii* [Milestones. A collection of articles on the Russian intelligentsia; From the depths. A collection of articles about the Russian revolution]. Moscow, Publishing house “Pravda”, 1991. Pp. 9–206/ (In Russian)
2. Ionin L. G. Politkorrektnost’ – eto ideologiya [Political correctness is ideology]. *Sociological Journal*. 2013, no. 1, pp. 125–132. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2013.1.368> (In Russian)
3. Ionin L. G. *Politkorrektnost’. Divnyy novyy mir* [Political correctness. Brave new world]. Moscow, Ad Marginem Press, 2012. 112 p. (In Russian)
4. Kondakov I. V. Mezhdru sakral’nym i sekulyarnym [Between the sacred and secular]. *Akademicheskie tetradi. Vypusk 18* [Academic notebooks. Issue 18]. Moscow, Publishing house “Miklosh”, 2017. Pp. 106–151. (In Russian)
5. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. V. 55 tomakh, tom 48. Pis’mo A. M. Gor’komu. 13–14 noyabrya 1913 g.* [Complete Works. In 55 vol., vol. 48. Letter to A. M. Gorky. November 13–14, 1913]. 5th edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1964. Pp. 226–229. (In Russian)
6. Marks K. K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie [To criticism of Hegel’s philosophy of law. Introduction]. In: Marks K., Engels F. *Sochineniya. V 30 tomakh, tom 3* [Works. In 30 vol., vol. 3]. 2nd edition. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1955. P. 415. (In Russian)

7. Nitsshe F. [Nietzsche Friedrich Wilhelm] *Sochineniya. V 2 tomakh. Tom 1 : Veselaya nauka. Red. K. A. Svasyan [Works. In 2 vol. Vol. 1 : Fun science. Ed. by K. A. Svasyan].* Moscow, Mysl Publishers, 1990. Pp. 491–719. (In Russian)
8. Panchenko A. M. Russkiy poet, ili Mirskaya svyatost' kak religiozno-kul'turnaya problema [Russian poet, or Worldly holiness as a religious and cultural problem]. *Zvezda [Star]*. 2002, no. 9, pp. 140–147. (In Russian)
9. Panchenko A. M. Tserkovnaya reforma i kul'tura Petrovskoy epokhi [Church reform and culture of Peter the Great]. In: Panchenko A. M., ed. *XVIII vek. Sbornik 17 [XVIII century. Collection 17]*. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1991. Pp. 3–16. (In Russian)
10. Lurye Ya. S., Rykov Yu. D., comp., Likhachev D. S., ed. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979.
11. Fedotov G. P. Tragediya drevnerusskoy svyatosti [The tragedy of ancient Russian holiness]. In: *Svyatye Drevney Rusi [Saints of Ancient Russia]*. Moscow, 1990.
12. Frank S. L. *Russkoe mirovozzrenie [Russian worldview]*. St. Petersburg, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1996. 738 p. (In Russian)

*

К ВОПРОСУ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ МАТРИЦЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: СПРАВЕДЛИВОСТЬ

УДК 130.2

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10204

Г. Е. Васильев

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Статья посвящена особенностям отечественной культурно-исторической системы. В статье рассматривается проблематика ценностных оснований русской культурно-исторической системы; прослеживается своеобразный исторический путь, в процессе которого сформировалась данная особенная культурно-историческая система; сопоставляются Русская культурно-историческая система и Западноевропейская культурно-историческая система, их ценностные основания и особенности. Прежде всего раскрывается такой ключевой ценностный концепт Русской культурно-исторической системы, как справедливость. Также в статье рассматриваются подходы различных философов к культуре как прежде всего системе ценностей и смыслов; раскрывается собственная авторская трактовка понятий «ценности», «высшие ценности». Также автор обосновывает актуальность проблемы соответствия наличествующих культурно-социальных реалий в современном обществе базовым ценностям и смыслам отечественной культурно-исторической системы.

Ключевые слова: ценности, культурно-историческая система, справедливость.

G. E. Vasilyev

D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury), Kosmonavtov str., 2, 129366, Moscow, Russian Federation

TO THE QUESTION OF VALUE-SEMANTIC MATRIX OF THE RUSSIAN CULTURAL-HISTORICAL SYSTEM: FAIRNESS

The article is devoted to the peculiarities of the national cultural and historical system. The article deals with the problems of the value bases of the Russian cultural and historical system; examines the peculiar historical way in which this particular cultural and historical system was formed; compares the Russian cultural and historical system and the Western European cultural and historical system, their value bases and features. First of all, such a key value concept of the Russian cultural and historical system as “fairness” is revealed. The article also discusses the approaches of various philosophers to culture as,

ВАСИЛЬЕВ ГЛЕБ ЕВГЕНЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

VASILYEV GLEB EVGENYEVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher of the D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage

© Васильев Г. Е., 2019

first of all, a system of values and meanings; reveals the author's own interpretation of the concept of "values", "higher values". The author also reveals the relevance of the problem of matching the existing cultural and social realities in modern society to the basic values and meanings of the national cultural and historical system.

Keyword: values, cultural and historical system, fairness.

Для цитирования: Васильев Г. Е. К вопросу ценностно-смысловой матрицы Русской культурно-исторической системы: Справедливость // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 40–47. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10204

«...справедливость состоит в том, чтобы каждый имел своё
и исполнял тоже своё...
...справедливость сама по себе есть нечто наилучшее для самой души
и что душа должна поступать по справедливости,
всё равно, достался ли ей перстень Гига,
а в придачу к перстню ещё и шлем Аида, или же нет...»
Платон «Государство»

Для начала условимся с понятиями. И прежде всего с понятием ценностей (высших ценностей).

Ценности (высшие ценности) есть самое значимое для человека, «точки интенсивности» его бытия и творчества; аналогично, ценности есть самое значимое для некоего общества, «точки интенсивности» его существования и развития.

Дадим краткое определение понятию культуры. Культура – система высших ценностей и соответствующая ей система символов и объектов (артефактов), а также процесс творчества этих высших ценностей, символов и объектов.

О культуре, в том или ином смысле, прежде всего как системе ценностей, писали многие философы:

«Культура есть осуществление новых ценностей...» (Н. А. Бердяев)

«Культура – сгустки накопленных ценностей...» (Ф. И. Гиренок)

«Культура есть творчество ценностей...» (А. Белый)

«Культура может быть определена как совокупность осуществляемых в общест-

венно-исторической жизни объективных ценностей...» (С. Л. Франк)

«Культура есть ... реализация верховных ценностей путём заботы о высших благах человека...» (М. Хайдеггер). Etc.

Очевидно, что всякая культура (культурно-историческая система) имеет своим основанием определённую своеобразную систему ценностей (высших ценностей).

Основополагающей высшей ценностью Русской культурно-исторической системы является *Справедливость*, во всём её спектре: от сугубо «справедливости социальной» – до своего рода «справедливости высшей», метафизической, сближающейся здесь с иной важнейшей ценностью отечественной культурно-исторической матрицы – *Правдой*.

Справедливость в самом простом виде можно определить как *воздаяние должного*. За нечто нехорошее, нанёсшее ущерб обществу, человек получает своё возмездие; за, напротив, внесённый огромный вклад в Общее благо, за сделанное добро другим людям – получает соответствующее вознаграждение по заслугам.

Что есть это упомянутое Общее благо?

Под *Общим благом* надлежит понимать не только некое материальное благосостояние общества в целом, но и реальную *возможность развития каждого человека данного общества, его возможность реализовывать свои творческие возможности* в гармонии с общественным целым; главное, чтобы осуществлялась эта «творческая самореализация» не только не в ущерб материальному благосостоянию общества в целом (хотя и это очень здесь важно), но и не в ущерб ценностной системе общества, не в ущерб реальному развитию, творческому самосовершенствованию каждого человека данного общества.

Ещё мудрый Платон, когда выстраивал свой образец государственности [11], полагал *справедливость* (греч. δίκαιοσύνη) основополагающим принципом устройства любого государства и общества.

Здесь, разумеется, мы сделаем пару оговорок.

Первая: понятие справедливости в античной философии, то есть в Древнегреческой культурно-исторической системе, имеет свои нюансы, несколько отличающие её от соответствующего образца русской справедливости, однако с соответствующими изменениями, эти нюансы здесь, полагаю, не имеют принципиального значения и в основе своей эти концепты – вполне аналогичны¹.

И второе: модель государства, которую мы имеем сегодня, несколько, мягко говоря, отличается от той, которую раскрывал Платон, которая имела место в его время. В частности, упомянутый платоновский диалог, посвящённый проблеме справедли-

вости и общественного управления, имеет название, собственно, «Политея» (греч. πολιτεία), то есть буквально «Общество», что само по себе говорит о том, что понятия «общество» и «государство» в древнегреческом мире не различались, по крайней мере столь определённо и кардинально, как то имеет место в сегодняшней социально-политической реальности (что западноевропейской, с одной стороны, что российской – с другой).

Русская государственность исторически складывалась – в русле исторического формирования Русской культурно-исторической социальной системы – довольно специфически; и в соответствии с этой спецификой *особенно актуальной* оказалась здесь именно ценность-идеал «*справедливость*».

И тут нужно обратить внимание на несколько ключевых нюансов.

Во-первых, русская государственность и Русская культурно-историческая система в целом формировались в специфических климатических условиях – в условиях рискованного земледелия и с весьма низкой, в силу изначально климатических причин, товарностью сельскохозяйственного производства. Поэтому само собой разумеется, что явно несправедливое распределение совокупного общественного продукта, когда, положим, определённая группа общества изымает себе чрезмерно несправедливо высокий объём этого продукта, например, некая «элита», неизбежно оказывает просто катастрофическое воздействие на всё остальное население, вгоняя его в голод и нищету. Так что требование справедливости здесь было следствием элементарной жизненной необходимости выживания.

Во-вторых, русская государственность складывалась в условиях весьма враждебного окружения: с одной стороны, степных

¹ Древнегреческое понятие справедливости содержит, в частности, в большей мере смыслы, связанные с должным соответствием неким обычаям, законам, общественным правилам.

кочевников, а с другой – европейцев, католиков. И войны в таком случае – в отличие от большинства «нормальных» европейских войн, представлявших собой по большей части аристократические забавы (если не брать в расчёт войны религиозные – более жестокие), – которые вынуждена была вести Русь (Россия) с упомянутыми своими «соседами», были *войнами на выживание*; причём это были войны с противниками, совокупно, кратно численно превосходящими силы русских (народу на Руси всегда исторически не хватало); придут кочевники – убьют, заберут в полон (в рабство), всё пожгут; придут «цивилизованные» европейцы – «крестят огнём и мечом», то есть сделают приблизительно то же самое. Поэтому на Руси жизненно необходимым был более высокий уровень социальной мобилизованности, а значит, социальной ответственности всех и каждого; а в таком случае очевидно, что *ценность справедливости* актуализируется здесь всенепременно и *ощущается особенно остро*.

Вследствие этого, для максимальной эффективности управления, на Руси устанавливается *самодержавный* тип правления, предполагающий модель *всеобщего служения* (Самодержавный принцип): Государь (Великий князь, царь) служит Богу, отвечает перед Богом за православную Русь; воинская аристократия служит Государю «головой и саблей»; а «тяглый люд» несёт своё тягло – обеспечивает воинскую аристократию и государство в целом соответствующим общественным продуктом, а при необходимости – и сам берёт в руки оружие.

Очевидно, что подобная модель тем более предполагает особую *актуализацию принципа социальной справедливости*. Ибо в противном случае государству русскому и всей его социально-культурной системе не жить; и уж тем более не обладать

тем, что А. С. Пушкин очень хорошо назвал *Самостояньем*.

Вышеприведённая модель *Самодержавного принципа*, предполагающая единое служение всех членов общества – каждый в меру своих сил и на своём месте, будь то в сословном обществе, будь то в бессловном не суть важно, – некоей Общей цели, некоему Общему благу, представляет собой модель, в которой правитель един с народом, опирается в своём управлении на народ, на развитую систему местного самоуправления.

Однако необходимо заметить, что исторически Самодержавному принципу в России противостоял и противостоит *принцип Олигархический*, берущий свои основания в стремлении части местной элиты (иногда очень значительной её части) иметь в стране все права и при этом ни за что не нести здесь ответственность, исторически, например, пытаясь брать пример с Речи Посполитой, где местная шляхта, с одной стороны, имела все права над своим простонародьем, а с другой – ни в грош не ставила своего короля. Параллельно данная Олигархическая тенденция (принцип), крайне губительная для страны, актуализировалась в связке с сопутствующей ей *Западнической тенденцией* в российской элите: российская элита (значительная её часть) взирала на то, как живёт элита европейская, имеющая, во-первых, много больше возможностей для накопления богатства (более высокая товарность сельского хозяйства, возможность грабить колонии и пр.), а во-вторых, не зажатая необходимостью иметь столь же высокий уровень мобилизации, как на Руси, имеющая оттого много больше «вольностей» по отношению к своим суверенам (королям), – вследствие чего желала она, российская элита (её значительная часть), аналогично иметь и для себя такие же «вольности» и

«богатства», совершенно не считаясь с реальным положением дел. Носители Олигархического принципа, с одной стороны, стремились лишить царя (правителя) в России его самодержавной (абсолютной) власти, а с другой – получить полную власть над простонародьем, создав своего рода «кастовую систему», тем самым, очевидно, разрушая ценностный принцип Справедливости.

Борьба этих двух социально-политических «принципов» (Самодержавного и Олигархического) так или иначе проходит «красной нитью», с переменным успехом, подспудно через всю отечественную историю.

К случаю, обратим внимание: *западноевропейская, условно, государственная модель*, в приближающемся к современному её виде, складывалась в рамках Вестфальской системы (после 1648 года), когда в Европе начали формироваться «национальные» государства и, соответственно, европейские «нации» (по принципу: «одна власть (некоего суверена), одна нация, одна вера»).

Причём формирование это осуществлялось прежде всего относительно городского населения, то есть в среде уже оторванных от традиционных культурных своих укладов индивидов, – сиречь в той социальной совокупности, которую, как «идеальный тип», можно именовать «гражданским обществом», – и, разумеется, никакой такой «системы всеобщего служения», как оно имело место в тогдашней Московской Руси, в данных национальных государствах не предполагалась.

Таким образом, в Европе формировалась некая социальная общность *на совершенно иных*, нежели на Руси, принципах и основаниях – более индивидуалистических, с принципом частной собственности и т.д., при которых ценностный концепт справедливости обычно особо не актуализировал-

ся и вообще этический уклад (с принципами правды, справедливости) здесь замещался укладом юридическим (с принципами закона, права), то есть таким, где справедливости вообще, в сущности, и места уже нет¹. Хотя, конечно, подспудно она – по мудрым философским откровениям Платона – так или иначе лежала и лежит в основании и западноевропейских государств, но, скорее, уже как всё более предаваемый забвению «камень во главе угла».

В этом смысле, несмотря на то, что Русская культурно-историческая государственная система, на первый взгляд, может показаться более, скажем так, тоталитарной, более подавляющей человека, при более глубоком рассмотрении окажется очевидно, что в русской системе, напротив, сохраняется *внутреннее* (этическое) «второе измерение» человека, личности, *остающееся вне воздействия государственной власти*; в то время как в системе западноевропейской, вроде как с виду менее тоталитарной, власть, напротив, оказывается именно много более тотальной, овладевающей человеком *изнутри*, по сути – *выводя, выворачивая все его на поверхность*, лишая внутреннего (этического) измерения и замещая его поверхностью своей власти (юридической поверхностью).

В этом смысле легко становится понятным феномен столь элементарной массовой манипуляции сознанием, который имеет место в западном мире сегодня; и западный человек, в отличие от русского, при по-

¹ Обратим, тут, к слову, внимание на то, что, например, в английском языке собственно нет слова, которым можно было бы более менее адекватно перевести русское «справедливость»; есть разные слова, которые будут передавать лишь отдельные оттенки данного концепта, как-то: «эквивалентность», «равенство» (equity), «равноправие», «законность» (justice), «честность» (fairness) и т.д., – но это, очевидно, отнюдь не русское «справедливость».

добной манипуляции отнюдь не остаётся «себе на заднем уме», а просто и элементарно, как вышколенный, «перекодируется», – что, впрочем, тем более становится понятным с учётом того, что современный западный человек есть по преимуществу «выходец» из протестантских (тоталитарных, по сути) сект.

Сделаем уточнение. Некую систему управления в государстве (обществе) можно называть *тоталитарной*, если она пытается контролировать очень многие сферы человеческого бытия, даже те, которые обыкновенно являются глубоко личными. Если человек находится под постоянным надзором, если контролируется каждый его, по возможности, шаг, то такую систему можно называть тоталитарной (принцип «паноптизма»).

Впрочем, во-первых, подобное положение дел не обязательно может (должно) трактоваться негативно; к слову, изначально слово «тоталитарный», введённое идеологами итальянского фашизма (как раз относительно своего «фашизма»), и та система государственной власти, которая обозначалась подобным образом, трактовались ими именно *положительно*, как нечто хорошее: что упорядочивает жизнь человека, даёт ему социальную стабильность, побеждает преступность и т.д. И только после Второй мировой войны, уже *в рамках либеральной идеологической парадигмы* англосаксов, целенаправленно заработавшей против Советского Союза, понятие тоталитарного (тоталитаризма) приобрело негативную окраску (якобы «СССР – тоталитарное государство, аналогичное нацистской Германии и фашистской Италии»).

Во-вторых, надо заметить, что обыкновенно бытующее *противопоставление тоталитарного и демократического тоже является далеко не верным* и, по сути, пред-

ставляет собой *лукавую политическую (либеральную) «бинарную» идеологему-обманку*. Демократическая система тоже может быть очень тоталитарной. Тем паче учитывая, что современная западная демократическая система – это система прежде всего «формальная», а отнюдь *не есть «народовластие» по содержанию*. А такая система очень может быть и является тоталитарной: повсеместное доносительство, олигархическая власть контролирует самые личные сферы бытия человека – ювенальная юстиция одна чего стоит! До подобного тоталитаризма ни один «фашизм» не доходил; не говоря уж о повсеместных сегодня турникетах и осмотре перед входом во все мало-мальски общественные места, и т.д.

Возвращаясь, собственно, к ценностному концепту Справедливости, в качестве дополнительного нюанса относительно особенностей русской трактовки данного понятия можно указать на то, что можно назвать «лептой вдовы»; проще говоря, человеку должно воздаваться и по тому, насколько относительно собственных возможностей он внёс свой вклад в Общее благо. Известна евангельская история (Лк. 21.1-4) о том, что некая бедная вдова внесла свою малую лепту, жертвуя христианской общине, но тем самым отдав практически всё, что у неё было; в абсолютных показателях – крайне мало, но в относительных (относительно возможностей вдовы) – очень много. И этот момент в определении русской справедливости тоже присутствует.

Ценность (ценностный концепт) Справедливости является в Русской культурно-исторической социальной и государственной системе *основополагающей*; она особо остро чувствуется и переживается русским человеком, русским обществом; *вокруг неё, по сути, и вращается русская общественная жизнь*; и серьёзные проблемы со спра-

ведливостью, во всём спектре её проявлений, влекут самые нехорошие последствия для русского общества и государства.

Серьёзные проблемы с ней так или иначе привели русское общество к революционным катаклизмам начала XX века; подобные

проблемы, хоть и в значительной степени искусственно целенаправленно раздутые, сыграли свою роковую роль в аналогичных катаклизмах конца XX века; огромные проблемы в этом отношении назревают и в современной России.

Примечания

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / [сост., подгот. текста, вступ. ст., с. 7–41, коммент. В. А. Кошелева]. Москва : Искусство, 1995. 525 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Москва : Эксмо, 1998. 624 с.
3. Васильев Г. Е. Русская историология. Книга первая. До Куликова поля. Москва : Франтера, 2015. 501 с.
4. Васильев Г. Е. Русская историология. Книга вторая. Московская Русь. Москва : Т8 Издательские технологии, 2017. 600 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / [сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева]. Москва : Книга, 1991. 574 с.
6. Кожин В. В. История Руси и русского слова. Москва : Эксмо, 2001. 512 с.
7. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство : сборник статей. Москва : АСТ : Хранитель, 2007. 572 с.
8. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. Москва : Мысль, 2001. 558 с.
9. Лосский Н. О. Характер русского народа. Москва : Даръ, 2005. 336 с.
10. Нестеров Ф. Связь времён : Опыт исторической публицистики. 3-е издание. Москва : Молодая гвардия, 1987. 237, [2] с.
11. Платон. Собрание сочинений : в 4 томах / [общ. ред. А. Ф. Лосева и др. ; примеч. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Мысль, 1990–1994. Том 3 / [пер. с древнегреческого С. С. Аверинцева и др.]. 1994. 654, [2] с. : ил.
12. Русская идея : антология / сост. и авт. вступ. статьи: М. А. Маслин. Москва : Республика, 1992. 496 с.
13. Теория государства у славянофилов : сборник статей И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, Аф. В. Васильева, А. Д. Градовского, Ю. Ф. Самарина и С. Ф. Шаропова. Санкт-Петербург : тип. А. Пороховщикова, 1898. 95 с.
14. Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. Москва : Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
15. Фурсов А. И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств. Москва : Книжный мир, 2016. 320 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. Москва : Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX в.)
17. Шпенглер О. Закат Европы. Минск : Харвест, 2000. 1376 с.
18. Эрн В. Ф. Борьба за Логос. Философские произведения. Москва : Юрайт, 2016. 350 с.

References

1. Aksakov K. S. *Estetika i literaturnaya kritika [Aesthetics and literary criticism]*. Moscow, Art Publishing House, 1995. 526 p. (In Russian)
2. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya [Russian idea]*. Moscow, Publishing House “Eksmo”, 1998. 624 p. (In Russian)
3. Vasilyev G. E. *Russkaya istoriologiya. Kniga pervaya. Do Kulikova polya [Russian historiology. Book one. To Kulikovo field]*. Moscow, Publishing house “Frantera”, 2015. 501 p. (In Russian)
4. Vasilyev G. E. *Russkaya istoriologiya. Kniga vtoraya. Moskovskaya Rus' [Russian historiology. Book two. Muscovite Russia]*. Moscow, T8 Publishing technologies, 2017. 600 p. (In Russian)
5. Danilevsky N. M. *Rossiia i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, Publishing house “Book”, 1991. 574 p. (In Russian)

6. Kozhinov V. V. *Istoriya Rusi i russkogo slova [History of Russia and Russian word]*. Moscow, Publishing House "Eksmo", 2001. 512 p. (In Russian)
7. Leontyev K. N. *Vizantizm i slavyanstvo [Byzantium and Slavs]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2007. 572 p. (In Russian)
8. Losev A. F. *Dialektika mifa [Dialectics of myth]*. Moscow, Mysl Publishers, 2001. 558 p. (In Russian)
9. Lossky N. O. *Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]*. Moscow, Publishing house "Dar", 2005. 336 p. (In Russian)
10. Nesterov F. *Svyaz' vremen: Opyt istoricheskoy publitsistiki [Connection of times. Experience of historical journalism]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Molodaya gvardiya", 1987. 239 p. (In Russian)
11. Platon [Plato]. *Sobranie sochineniy. V 4 tomakh, tom 3 [Collected works. In 4 vol., vol. 3]*. Moscow, Mysl Publishers, 1994. 654 p. (In Russian)
12. Maslin M. A., comp. *Russkaya ideya. Antologiya [Russian idea. Anthology]*. Moscow, Publishing house "Republic", 1992. 496 p. (In Russian)
13. Teoriya gosudarstva u slavyanofilov: sbornik statey I. S. Aksakova, K. S. Aksakova, Af. V. Vasilyeva, A. D. Gradovskogo, Yu. F. Samarina i S. F. Sharapova [*The theory of the state in the Slavophiles: a collection of articles by I. S. Aksakov, K. S. Aksakov, Af. V. Vasilyev, A. D. Gradovsky, Yu. F. Samarin and S. F. Sharapova*]. St Petersburg, Printing House of A. Porokhovshchikov, 1898. 96 p. (In Russian)
14. Tikhomirov L. A. *Rukovodyashchie idei russkoy zhizni [Guiding ideas of Russian life]*. Moscow, published by Institute of Russian civilization, 2008. 640 p. (In Russian)
15. Fursov A. I. *Voprosy bor'by v russkoy istorii. Logika namereniy i logika obstoyatel'stv [Questions of wrestling in Russian history. Logic of intentions and logic of circumstances]*. Moscow, Publishing house "Book world", 2016. 320 p. (In Russian)
16. Khaydegger M. [Heidegger Martin] *Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya [Time and being: Articles and Speeches]*. Moscow, Publishing house "Republic", 1993. 447 p. (In Russian)
17. Shpengler O. [Spengler O.] *Zakat Evropy [Sunset of Europe]*. Minsk, Publishing house "Harvest", 2000. 1376 p. (In Russian)
18. Ern V. F. *Bor'ba za Logos. Filosofskiye proizvedeniya [Struggle for the Logo. Philosophical work]*. Moscow, Publishing URAIT, 2016. 350 p. (In Russian)

*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В БЫЛИНОВЕДЕНИИ: ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОГО ЭПОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА. ЧАСТЬ 2, 1970-е ГОДЫ – НАЧАЛО 1980-х ГОДОВ¹

УДК 82-131(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10205

А. С. Миронов

Московский государственный институт культуры

Автор продолжает цикл статей о становлении ценностного анализа в былиноведении и рассматривает период второй половины XX века. Этот период характеризуется повсеместным применением к анализу ценностей былин классового подхода, затруднявшего непредвзятое аксиологическое исследование. Идеализируя богатырей, наделяя их привычным набором «общегероических» качеств, советские учёные лишались возможности исследовать особый «психологизм» былин, в которых герой не завершён, но движется к победе, сражаясь с собственными слабостями и страстями. Советские эпосоведы оказались в методологическом тупике. С одной стороны, они ощущали мощный аксиологический (и как следствие – дидактический) «заряд» эпоса. С другой стороны, учёные не могли описать конкретные ценности былин (кроме абстрактного «патриотизма» и ещё более отвлечённого «гуманизма»), потому что игнорировали отрицательный духовный опыт эпических героев. Чтобы оправдать нравственно сомнительные поступки богатырей, приходилось подгонять под эти поступки наспех реконструируемые «критерии морали» русских, якобы кардинально менявшиеся с течением времени. Ученики и последователи В. Я. Проппа, пытавшиеся применить к былинам метод структурного анализа, а также наработки так называемой финской школы, стремились выявить в русском эпосе типовые «сюжетные схемы», сопоставимые с внешне похожими схемами эпоса других народов. На этом основании они хотели показать генетическую связь былин с обрядами, которые современные этнографы фиксировали у народов, находящихся на ранней стадии развития. Приведённые примеры указывают на слабость структуралистского подхода и его несовместимость с анализом смыслов и ценностей эпоса. Странники инициационной школы, разрабатывая сравнительно-типологический метод, выявляли и классифицировали только стандартные узлы былинной композиции, играющие техническую роль и легко соотносимые с «общими местами» фольклорной поэтики разных народов. При этом в статье сделан обобщающий вывод о том, что уникальное идейно-художественное содержание былин не «вписывалось» в классификации типовых сюжетных схем и оставалось за рамками смелых типологических сопоставлений, которыми так богаты работы российских эпосоведов 1970-х годов и начала 1980-х.

¹ См.: *Миронов А. С.* Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 1, 1950–1960 годы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 54–73.

МИРОНОВ АРСЕНИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – кандидат филологических наук, ректор Московского государственного института культуры

MIRONOV ARSENY STANISLAVOVICH – Ph.D. (Philology), the Acting Rector of the Moscow State Institute of Culture

e-mail: arsenymir@yandex.ru

© Миронов А. С., 2019

Ключевые слова: русский эпос, былина, былиноведение, русский эпический герой, ценности русского эпоса, аксиология русской былины, аксиологический подход, В. П. Аникин, В. П. Адрианова-Перетц, С. С. Аверинцев, Д. В. Балашов, В. В. Блажес, В. В. Иванов, У. С. Конкка, Б. А. Рыбаков, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, В. Н. Топоров, В. В. Чердынцев, Н. Г. Черныева.

A. S. Mironov

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki citi, Moscow region, Russian Federation

AXIOLOGICAL APPROACH IN EPIC STUDIES: VALUE ANALYSIS OF THE RUSSIAN EPIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY. PART 2, THE 1970th – EARLY THE 1980th

The author continues the series of articles on the formation of value analysis of Russia epos (bylins) considers the period of the second half of the XX century. This period is characterized by the widespread class approach to the analysis of the values of epics, complicating an unbiased axiological study. Idealizing heroes, giving them a familiar set of “absherona” qualities, Soviet researchers were deprived of a chance to explore the special “psychology” of the epics, where the hero is not complete but is moving to victory, battling their own weaknesses and passions. Soviet epic scholars found themselves in a methodological impasse. On the one hand, they felt a powerful axiological (and as a consequence – didactic) “charge” of the epic. On the other hand, scientists could not describe the specific values of epics (except abstract “patriotism” and even more abstract “humanism”) because they ignored the negative spiritual experience of epic heroes. To justify morally dubious actions of the heroes, it was necessary to adjust under these acts hastily reconstructed “criteria of morality” of Russians, allegedly cardinally changing over time. Students and followers V. I. Propp, who tried to apply to the epics method of structural analysis, as well as developments of the so-called “Finnish school”, sought to identify in the Russian epic typical “story schemes”, comparable to externally similar schemes of the epic of other peoples. On this basis, they wanted to show the genetic connection of epics with the rites that modern ethnographers recorded in peoples at an early stage of development. These examples indicate the weakness of the structuralist approach and its incompatibility with the analysis of the meanings and values of the epic. Supporters of the initiation school, developing a comparative-typological method, identified and classified only the standard nodes of the epic composition, playing a technical role and easily correlated with the “common places” of folk poetics of different peoples. This article made a General conclusion that the unique ideological and artistic content of the epics is not “fit” in the classification model of story diagrams and remained outside the bold typological comparison, which is so rich in works of the Russian participating the 1970th and early the 1980th.

Keywords: Russian epic, the Bylina, believed, the Russian epic hero, the values of the Russian epic, the axiology of the Russian bylina, the axiological approach, V. P. Anikin, V. P. of Hadrian-Peretz, S. S. Averintsev, D. V. Balashov, V. V. Blaes, V. V. Ivanov, S. U. Konkka, B. A. Rybakov, V. Y. Propp, B. N. Putilov, B. N. Toporov, V. V. Tcherdyntsev, N. G. Chernyaeva.

Для цитирования: Миронов А. С. Аксиологический подход в былиноведении: ценностный анализ русского эпоса во второй половине XX века. Часть 2, 1970-е годы – начало 1980-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 48–70. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10205

С конца 1950-х годов ведущие советские былиноведы, следуя указанию В. И. Ленина [10, с. 118], призывали изучать эпос «как ценный материал, рисующий в художественной форме мировоззрение» [9, с. 211] на-

рода, однако мало кому из учёных удалось продвинуться на этом направлении дальше привычных наблюдений о том, что главной ценностью былин является патриотизм. К середине 1970-х годов политкорректная

формула превратилась в своего рода заклинание, затруднявшее непредвзятое аксиологическое исследование.

Например, в учебнике «Русское народное поэтическое творчество» (1956) утверждалось, что все богатыри наделены «обще-героическими качествами воинской смелости, мужества и непобедимости» [32, с. 198]. Подобные утверждения тиражировались, несмотря на то, что они легко опровергаются фактами эпической биографии героев. Илья Муромец утрачивает смелость при встрече с женой Святогора, Дюк – у шатра со спящими богатырями, а Добыня – в боях с Настасьей, Сокольников и бабой Латымиркой (для этого богатыря вообще характерна способность “приужахнуться”). Не приходится говорить о «непобедимости» Добрыни и Алёши, получавших «олабыши» от Сокольника и калик перехожих соответственно. Едва ли можно считать непобедимым Михайлу Потыка; на грани гибели оказывается Илья Муромец в бою с Сокольниковом; смертельные раны в бою с татарами получает Сухман. Изменяет мужество плачущему Добрыне (во время прощания с матерью) и скорбящему Садко (перед спуском в подводное царство).

Идеализируя богатырей, наделяя их привычным набором «общегероических» качеств, советские исследователи лишались возможности исследовать особый «психологизм» былин, в которых герой отнюдь не завершён, но движется к победе, сражаясь с собственными слабостями и страстями.

Как полагал В. П. Аникин, «поучительность» былин, «ради которой они исполнялись», обеспечивалась желанием певцов «представить своих героев безупречными в доблести и делах, твёрдыми в нравственных правилах» [4, с. 10]. Такая позиция исключает изучение эпических историй духовного падения и покаяния героя. Между

тем именно таким образом – через отрицание трусости, жестокосердия, блуда, гнева, хвастовства – в былинах утверждаются ценности эпического сознания: сострадание («сердце богатырское»), нравственная стойкость («неупадчивость»), дарение, честь-хвала богатырская и т.п.

Советские эпосоведы оказались в методологическом тупике. С одной стороны, они ощущали мощный аксиологический (и как следствие – дидактический) «заряд» эпоса. С другой стороны, учёные не могли описать конкретные ценности былин (кроме абстрактного «патриотизма» и ещё более отвлечённого «гуманизма»), потому что игнорировали отрицательный духовный опыт эпических героев.

Тому было несколько причин.

Во-первых, советское былиноведение призвано было поддерживать востребованный коммунистической партией образ богатыря, вдохновлявший поколения советских солдат. Как писал Б. А. Рыбаков, «русские былинные герои-богатыри с их горячей любовью к родине, с беззаветным мужеством и храбростью и сегодня являются идеалом героя-патриота» [33, с. 198]. Политическая заданность вывода затрудняла анализ сюжетов, в которых богатыри проявляют слабость или гибнут.

Во-вторых, в науке того времени утвердилась практика приписывать мужество и непобедимость главным эпическим героям любого народа без разбора (считалось, что эпос всех народов создаётся и развивается по общим законам). Эпического героя принято было воспринимать как героя законченного, состоявшегося [6, с. 476], с ценностным центром застывшим и лишённым внутренней динамики. Недооценивая историю духовных падений как необходимый отрицательный опыт героя (а вместе – и традиционной эпической аудитории), советские

былиноведы были вынуждены оправдывать даже те поступки богатырей, которые вызывали заведомо негативную реакцию этой самой аудитории.

Так возвеличивался нравственно неоднозначный завоевательный поход колдуна Волха (заметим, что любому слушателю эпического певца было очевидно, что этот герой, вопреки предзнаменованиям, не состоялся как русский богатырь, но проявил себя исключительно в качестве колдуна, к тому же остался царствовать в чужой стране). Так восхвалялся буян и богохульник Васинька Буслаев. Так приходилось В. Г. Смолицкому утверждать, что в сюжете об убийстве Дунаем его гордой жены отразился «глубокий гуманизм былины», «новое отношение к женщине, новые критерии морали» [36, с. 129–130]. Чтобы оправдать нравственно сомнительные поступки богатырей, приходилось подгонять под эти поступки наспех реконструируемые «критерии морали» русских, якобы кардинально менявшиеся с течением времени.

Получалось, что былинный богатырь всегда прав. С точки зрения сторонников исторической школы – потому что его образ отражает воспоминания народа о важнейших событиях истории, о некогда актуальных задачах национальной или классово-вой борьбы. С точки зрения последователей структурно-типологической (или новой мифологической, ритуалистской, инициационной) школы богатырь всегда прав потому, что его подвиг демонстрирует модельное поведение в соответствии с некими давно забытыми древними ритуалами.

Нередко в рамках одной былины герой ведёт себя противоречиво: Добрыня сражается со Змейей, потом заключает с ней мир, затем нарушает его. Илья Муромец сперва сердчает на Владимира и устраивает бунт, а затем спасает князя и продолжает служить

ему как ни в чём не бывало. Садко в начале былины рискует головой ради золота (бьётся о «велик заклад» с Новгородом), а затем раздаёт всё своё золото и отказывается торговать вовек. Наличие противоречий, легко объяснимых динамикой ценностного центра героя, его духовным становлением, составляло проблему для советских исследователей и подталкивало к игнорированию «неудобных» сюжетов, либо – к выводам о внутренней смысловой противоречивости былин, о «слоистой» системе ценностей эпоса.

В. П. Аникин, например, справедливо утверждал, что эпос был «нравственным кодексом», возвеличивал «социальные и нравственно-этические идеалы народа» [4, с. 10–11], былины передавали «массовое мировоззрение» [3, с. 131]. Однако описания конкретных концептов «нравственного кодекса» в работах исследователя не находим. Более того, отсутствие духовного измерения при рассмотрении былин привело учёного к выводу о том, что в русском эпосе сталкиваются «идейные и образно-тематические приметы творчества разных исторических эпох» [4, с. 12], что приводит к смысловой «многослойности».

Это утверждение не только оборачивалось отрицанием универсальных ценностей, пронизывающих весь корпус былин, но и понуждало выявлять кажущиеся ценностные противоречия внутри конкретной былины. Эти противоречия объясняли контаминацией разновременных сюжетов.

Например, песню о Садке В. П. Аникин расчленил: с одной стороны, он выделял «исконно древнее повествование» о попадании героя к «владыке водных стихий», требующему человеческой жертвы. С другой стороны, во второй части былины ему виделся нелепо наслоившийся поздний «шутливо-весёлый рассказ» о «чудаковатом мор-

ском царе, который спорит с царицей о том, что дороже на Руси – золото или булат», а для разрешения спора требует к себе Садка [4, с. 12].

Между тем никакого ценностного противоречия в этой былине нельзя усмотреть, если отказаться от клише мифологической школы, стремившейся видеть в былине воспоминание о человеческих жертвоприношениях древних мореплавателей. И допустить, что морской царь требует не человеческой жертвы вообще, но душу конкретного человека – Садка. В этом случае становится очевидным (как это было, на наш взгляд, очевидно эпической аудитории), что остановка корабля Садка на море объясняется желанием водяного царя получить «причитающуюся» ему душу Садка, разбогатевшего благодаря сговору с водяным.

Смутивший В. П. Аникина вопрос поддонного владыки о цене золота и железа есть символическое выражение его претензий на душу героя. В своё время царь сделал Садка богатым благодаря небывалой рыбе «золотые перья» – и в конце былины колдовскому золоту противопоставлен булатный жребий «в десять пуд» с именем Садка, который по воле морского владыки не тонет [см., например: 34, с. 212–217].

Если мы откажемся от идеи законченности идеального героя и решимся допустить духовную динамику образа, то легко увидим, что обе части былины (о Садке-спорщике и про Садка – богатого гостя) пронизаны общими ценностями и единым смыслом. Это песня о талантливом гусле, который сперва разбогател при лукавом содействии морского дьявола, а затем оказался в ловушке и спасся благодаря помощи святого Николы. Однако для понимания духовной «логики» сюжета исследователю необходимо было проследить ценностные координаты каждого поступка героя – так, как

«прослеживал» их сердцем традиционный слушатель.

Тем временем ученики и последователи В. Я. Проппа, пытавшиеся применить к былинам метод структурного анализа, а также наработки так называемой финской школы, стремились выявить в русском эпосе типовые «сюжетные схемы», сопоставимые с внешне похожими схемами эпоса других народов. На этом основании они хотели показать генетическую связь былин с обрядами, которые современные этнографы фиксировали у народов, находящихся на ранней стадии развития (тотемные предки, инициации, «мужские дома», инцест и т.п.).

Б. Н. Путилов в ранней работе 1965 года утверждает, что старина о Казарине «может быть включена в обширный круг славянских эпических песен и баллад, для которых характерна тема инцеста брата и сестры» [26, с. 16]. Негативное отношение родителей к Казарину учёный объясняет тем, что им была известна злая судьба сына: он обречён вступить в связь с сестрой.

Исследователя не смущает то, что в былине герой счастливо избегает этой связи: сближение с реконструируемым архаичным мифом позволяет Б. Н. Путилову подразумевать порчу изначального сюжета за время его бытования в православной крестьянской среде. «Изучение архаических традиций показывает, что сестра есть “суженая” брата, она предназначена ему с рождения, брак с ней – удел героя» [26, с. 17], настаивает исследователь.

Формальное сходство «сюжетных схем» (брат освобождает неузнанную сестру) позволило учёному сблизить два сюжета, противоположных в ценностно-смысловом плане. В отличие от гипотетического мифа, который мог быть связан с древним ритуалом инцеста в племенных «мужских домах», былина о Казарине утверждает ценно-

сти жалости-сострадания (к пленнице), воздержанности (герой страстно желает вступить в связь с освобождённой красавицей, но всё же заставляет себя поинтересоваться её «родом-племенем») и чести (речь идёт не о рыцарской чести, что характерно было бы для западноевропейского эпоса, но – о чести как атрибуте девушки).

Предположение о том, что изначальной идеей является кровосмесительная связь с сестрой, девальвирует смысл былины о Казарине в том виде, в котором она дошла до нас. Это лишает песню не только ценностного «послания», но и главных поэтических достоинств. Исчезает эффект обманутого ожидания слушателей, уже готовых к счастливому любовному финалу, отбрасывается и напряжённый внутренний конфликт в ценностном центре героя (страсть – сострадание). Наконец, былина утрачивает сюжетную перспективу (герой теряет шанс вернуться к родителям уже в качестве избавителя сестры).

Следуя логике Б. Н. Путилова и других сторонников неомифологической школы, реальное содержание былины (трактуемое как результат позднейших искажений) имеет ценность лишь постольку, поскольку в нём прослеживается архаический смысловой код. Для реконструкции этого кода учёным пришлось выдвинуть теорию «инверсии» обрядовых черт во вторичной знаковой системе эпоса. Например, отрицание инцеста в былине о Казарине предлагалось считать доказательством обратного, то есть свидетельством широкого распространения инцеста в качестве обрядовой практики восточных славян.

В удобстве такой методологии для исследователей сомневаться не приходится: даже полное уничтожение Ильёй Муромцем сыновей и дочерей Соловья Разбойника (на том основании, что все они погрязли в кро-

восмешении) благодаря принципу инверсии можно – теоретически – трактовать как воспоминание об обрядовых практиках инцеста у славян [38, с. 22] (а дом Соловья на дубах – как воспоминание о «мужском доме»). Пользуясь этой логикой, можно прийти к любым желаемым выводам. Например, нападение старшей дочери Соловья (Пельки Соловеевны) на Илью и последующее наказание дерзкой богатырки можно толковать как инверсию инцеста и на этом основании предполагать, что, согласно древнему «исходному» мифу, Илья Муромец есть сын Соловья Разбойника.

Итак, изучение эпоса как «знаковой системы» открывало широкий простор для самых смелых предположений – которые не замедлили явиться. В том же 1965 году геохимик В. В. Чердынцев применяет к былинной фактуре методологию В. Я. Проппа (использованную им для анализа волшебной сказки), чтобы выявить в старинах следы инициаций с обрядом смерти и воскрешения, «мужских домов», ритуального самоубийства вождя-шамана и проч.

Работа пестрит огрехами: зачатие Волха от змея названо «непорочным»; насмешливая формула блудной связи без брака («женитьба вокруг ракитова куста») почитается «древней формой» брачного ритуала; конфликт Маринки и добрыниной тётушки назван «поединком двух магов» вопреки тому факту, что вторая участница так и не применила никакой магии, дело ограничилось угрозами (более того, во многих вариантах звучит угроза применить не магическую, но физическую силу). Верной приметой матриархата автор считает «неактивность» отца былинного героя – вполне естественную ввиду относительной краткости и «малособытийности» русских эпических песен (при этом В. В. Чердынцев не упоминает о весьма активной роли могучих отцов таких былин-

ных героев, как Иван Данилович и Константин Саульевич).

Особенно много в этой небольшой работе натяжек, связанных с пренебрежением ценностными координатами эпических мотивов. Например, В. В. Чердынцев объясняет неверность Авдотьи – Лебеди Белой тем, что она была «шокирована магическими пассажами героя», который, по его мнению, придерживался «устаревших форм брака вплоть до ритуального воздержания в первую ночь, когда по древним обрядам рядом с невестой кладётся фетиш предка» [38, с. 18]. При этом исследователь умалчивает, что, согласно былине, инициатором воздержания в первую ночь была именно невеста. Таким образом, «магические пассы» (превращение жениха в животное, требование положить «заповедь великую») связываются с невестой-колдуньей и оцениваются традиционной аудиторией однозначно негативно.

Также В. В. Чердынцев полагает, что страстное влечение княгини Апраксии к придворному фавориту Тугарину Змиевичу представляет собой отражение первобытного «ритуального брака божества с женщиной племени». Несовпадение и даже противоположность ценностных координат такой любовной связи (для русского эпического сознания они отрицательные, для древнего ритуала – положительные) исследователь объяснял тем, что былина возникла на этапе перехода от матриархата к патриархату, что привело к переосмыслению древнего обряда в негативном ключе.

Таким способом (заимствованным у В. Я. Проппа) исследователь объясняет тот факт, что в подавляющем большинстве случаев былинные сюжеты ценностно несводимы к реконструируемым схемам «матрилокальных» обрядовых действий.

Например, убийство Ильёй Муромцем собственного сына В. В. Чердынцев тракту-

ет как «осуждение матрилокального уклада» с более поздних позиций патриархального строя.

Как известно, в былине Илья с радостью привечает сына и казнит его впоследствии за попытку убить собственного отца в момент, когда тот спал (это – вопиющее нарушение былинных представлений о «чести-хвале богатырской»). Казнь Сокольника обусловлена ценностными координатами его поступков, а не ритуальной «заданностью». Если же согласиться с логикой В. В. Чердынцева, то надо признать, что Илья Муромец должен убить своего «матрилокального» сына в любом случае, даже если бы тот состоялся как идеальный защитник Руси. Очевидно, трагический конец Сокольника предопределён в ценностном плане, то есть диктуется духовной логикой сюжета, а вовсе не законом отрицания матриархальных обычаев.

Для В. В. Чердынцева поиск «черт первобытно-общинного строя» превращается в несложное и увлекательное дело: если исследователь встречает в былинах нечто похожее на рудимент матриархата («жены умом и силой превосходят богатырей» [38, с. 16]), то трактует это как приметку архаики, сохранившуюся под слоем позднейших патриархальных смыслов. Если же ему попадает в русском эпосе мотив или образ, который невозможно «подтянуть» к законам матриархата, то учёный трактует его как яркое проявление отрицания матриархата на заре патриархального строя («сестра братьев Петровичей ... подвергается жестокой экзекуции братьями-патриархами» [38, с. 16]). В результате любой эпический факт можно приспособить для подтверждения теории автора.

Будучи состарены В. В. Чердынцевым на тысячи лет, ценности эпического сознания

русского народа трактуются учёным как обрывки разрозненных, противоречивых архаичных смыслов. В результате идейно-художественное целое былины распадается. Например, ценностный концепт «неупадчивости», воздержания от блуда, который утверждается в былине о Садке, Чердынцев трактует как архаичный ритуал воздержания от близости в первую брачную ночь и полагает, что соблюдение этого ритуала является «необходимым условием возвращения Садка из потустороннего мира» [38, с. 19].

Если согласиться с В. В. Чердынцевым, то возникает вопрос: зачем было герою выбирать самую некрасивую из дочерей морского царя, если он планировал воздерживаться только в первую ночь, а уже начиная со второй ночи собирался насладиться любовью молодой жены? С христианской точки зрения герою лучше выбрать некрасивую («паршивую», «шелудивую» Чернавку) для того, чтобы избежать соблазна – потому что женатый Садко отнюдь не влюблён в Чернавку и, напротив, скорбит по оставленной в Новгороде жене. Смысл поступка Садка совершенно ясен слушателю-христианину, однако этот смысл теряется, если допустить, вслед за В. В. Чердынцевым, что речь идёт о матриархальном ритуале воздержания только в первую ночь.

Пытаясь усмотреть в былинах черты ритуального самоубийства вождя, В. В. Чердынцев указывает на былинного Дуная и князя Михаила, а также тщательно отбирает редчайшие, единичные (то есть не попавшие в традицию) варианты песен, где сводят счёты с жизнью Алёша Попович и Добрыня Никитич. Учёного не смущает то, что во всех этих случаях духовная мотивация героя очевидна: это смятение от горя (Дунай, князь Михаил) или позора (Алёша, Добрыня). Едва ли можно согласиться с тем, что

позднейшее внедрение столь мощных мотиваций произошло для маскировки архаического ритуального смысла. В былинах самоубийство всегда имеет отрицательные ценностные координаты; их невозможно сблизить с ритуальным самоубийством во благо рода, имевшим по определению положительное ценностное значение.

Приведённые примеры указывают на слабость структуралистского подхода и его несовместимость с анализом смыслов и ценностей эпоса. Ещё в 1959 году об этом писала У. С. Конкка: «сюжетная схема заслоняет собой живое художественное произведение, часто насильно подводя под одну рубрику произведения, совершенно различные по своим идейно-художественным устремлениям» [16, с. 13]. Исследователь предупреждала, что «произведения, совершенно противоположные друг другу по духу, по идейной направленности, могут иметь одну и ту же сюжетную схему» [16, с. 13], и приводила в качестве примера сказку про великого грешника (разбойника). При внешнем сходстве сюжетной схемы этой сказки, бытовавшей у разных племён и в разные исторические эпохи, у каждого народа было различное понимание иерархии грехов и преступлений, совершаемых героем и его жертвой [16, с. 14].

Как можно видеть, У. С. Конкка указывала на ценностный анализ фольклора как на верное средство предупредить насильственное сближение «сюжетных схем». Тем не менее, как писал В. П. Аникин, с середины 1960-х годов «фольклористы некоторых академических институтов ... поддались соблазну усвоения приёмов структуралистической лингвистики», что привело к «неразличению ими формы воплощения содержания (язык, речь) и самого содержания (результата художественного “предметного” мышления)» [15].

Сопротивляемость былинного материала не позволяла с лёгкостью подводить ценностный анализ эпоса к заранее заданным «этнографическим» результатам. Исследователям приходилось изобретать некий промежуточный код, чтобы в процессе кодирования и декодирования можно было разорвать естественные смысловые связи, лишить эпические мотивы идейных, ценностных координат. В таком «очищенном» виде былинную фактуру удобно было раскладывать по полочкам любимой теории.

Популярная в стане неомифологов концепция «эпического знания», «эпического подтекста» [12; 25] сама по себе была продуктивной: она подводила советских учёных к пониманию того, что былина сказывалась в определённом информационном поле, которое тоже было частью традиционной культуры. Как справедливо указывал В. В. Блажес, «цементирующим началом», «связывающим воедино разносюжетные и разножанровые элементы» эпоса, является «мироощущение эпического певца», «весь комплекс традиционных национальных воззрений, сущность народного мироощущения» [8, с. 79]. Но если «за текстом» былины существовало некое связанное с ней «знание», то его структура, как можно предположить, отражала, скорее, актуальную систему ценностей традиционной аудитории, нежели девальвированные обрядовые смыслы глубокой древности.

Такое «мета-знание» позволяло слушателю мгновенно (непосредственно в акте коммуникации с певцом) и безошибочно присваивать ценностные координаты любому поступку героя. Отслеживая изменение этих координат и применяя к былинным событиям духовные законы реального мира (в христианском понимании), традиционная аудитория могла не только предугадывать развитие сюжета, но и осмысливать его

предысторию, а также – сопоставлять смыслы разных былин, улавливать общие «духовные законы» эпической вселенной. Кроме того, воспринимая одновременно с текстом былины его «подстрочный перевод» на язык ценностей, будущий певец постигал и «сердцем» запоминал духовный смысл песни, неизменный для всех её вариантов.

Б. Н. Путилов справедливо призывал рассматривать эпические мотивы «в более широком кодовом значении ... как отражение определённой мировоззренческой и культурно-бытовой системы» [30]. Однако он подразумевал мировоззренческую систему глубокой древности с её «реальной обрядовой практикой» [30]. Получалось, что эти архаичные (и реконструируемые применительно к истории славян) обряды навязывали былине систему давно забытых ценностей. Однако именно они, по убеждению Б. Н. Путилова, являлись «внутренней пружиной» эпических событий и позволяли «на свой манер интерпретировать истоки героизма и морального поведения персонажей» [28; 31, с. 33].

Пытаясь отыскать в былинах черты древних обрядов, Б. Н. Путилов уверенно препарировал материал, выделяя из живой ткани эпоса «сюжетные схемы». Он обнаружил в русском эпосе «сюжеты о сватовстве», причём двух типов. Во-первых, это «песни о героической борьбе жениха за невесту», в основе которых лежит «концепция той стороны свадебного обряда, которая связана с женихом», а во-вторых, это – другой тип песен «о борьбе невесты против ненавистного ей брака» [30, с. 79].

Результаты ценностного анализа былин подводят к противоположному выводу: ни в одной из старин нет ни воспевания «героической борьбы за невесту», ни попыток невесты избежать свадьбы. Михайла Потык не сватается, но приезжает за данью; Добрыня

поневоле поддаётся натиску Настасьи; Маринка тоже пытается женить на себе Добрыню против его воли; Дунай ищет невесту не себе, но своему князю, свою же будущую супругу он встречает в поле; Садко уже женат и всеми силами стремится избежать связи с дочерью морского царя. Коварную интригу Алёши, отбивающего жену у побратима, нельзя назвать «героической борьбой за невесту»; «сватовство» Ивана Годиновича оборачивается предательством невесты и её казнью. Даже борьба Хотена Блудовича за прекрасную Чайну связана с необходимостью восстановления чести хотенковой матушки. Наконец, Завава Путятична не только не пытается избежать свадьбы, но сватается сама.

Тему охоты Б. Н. Путилов трактует как «метафору», связанную с обрядом сватовства, и находит «сюжетную реализацию этой метафоры в былине о Михайле Потыке (невеста – Марья – Лебедь Белая, жених – охотник)» [30, с. 79]. Однако, как следует из большинства вариантов былины о Потыке, Лебедь прилетает к Михайле по собственной инициативе, и, как слушатель выясняет со временем, не Михайло охотится на невесту, но – наоборот: Лебедь Белая пытается очаровать его, чтобы свести в могилу (и избавить своего отца от выплаты дани, за которой, собственно, и прибыл Потык).

Подобные натяжки, вызванные недостатком аксиологического анализа, стали маркером инициационной школы – впрочем, они производили большое впечатление на студентов и молодых учёных, восторженно воспринимались в свободомыслящих интеллигентских кругах – на фоне наметившегося застоя «исторической» школы, а также пугающих рецидивов классового подхода в советском эпосоведении.

В ряду явлений последнего рода выделим работу В. И. Игнатова с многообещаю-

щим заглавием: «Мировоззрение русского народа в эпических произведениях» (1972). Автор пытался доказать, что не только исторические песни, но и былины отразили ценности классовой борьбы, причём преимущественно «идеологию населения, которое бежало на юг и составило основную массу отрядов Болотникова» [14, с. 125]. В. И. Игнатов полагал, что ему удалось раскрыть «агитационную направленность эпической поэзии, её политическую и воспитательную роль» [14, с. 4], и на этом основании утверждал, что «традиционный эпос» служил «важнейшим идейным оружием в борьбе» с врагами, в том числе «внутренними» [14, с. 124].

Попытку аксиологического анализа былин находим также в исследовании В. П. Адриановой-Перетц (1974), однако и эта работа пронизана идеей борьбы с «внутренними» врагами, в частности – атеистическим пафосом. Автор бездоказательно приписывала христианству изобретённые ею самой концепты «пассивных добродетелей» (фатализм и нежелание «преодолевать препятствия»), чтобы затем указать на их отрицание в эпосе как на приметку антирелигиозного мировоззрения. По её мнению, на христианской «идеологической основе вырастал тип героя, который и в личных, и в общественных столкновениях побеждал покорностью, а не борьбой, тип, принципиально отличный от наделённого здоровым жизнеутверждающим мировоззрением героя устной сказки и героической былины» [2, с. 26].

Объективный ценностный анализ былин скорее всего привёл бы В. П. Адрианову-Перетц к осознанию того, что смирение и покорность воле Божией не снижает, а повышает активность русского эпического героя, принимающего богатырскую миссию деятельной любви (жалости-сострадания). В былине «покорность» воле Божией про-

является в том, что всю свою энергию герой направляет не на достижение личных целей (добыча, почести, женитьба и т.п.), а на исполнение миссии сострадания, «работы богатырской».

«Пассивности», которая якобы свойственна христианскому мировоззрению, В. П. Адрианова-Перетц противопоставила ключевую, на её взгляд, ценность эпоса, это – «активная роль человека в ходе исторических событий» [2, с. 62], которая и обеспечивает «здоровый оптимизм народного творчества» [2, с. 8–9].

На этом основании учёный пришла к тому же выводу, что и сторонники инициационной теории: в основе мировоззрения русского эпического певца лежит дохристианская система ценностей. Христианский Бог, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, не действует в былинах, напротив, «в представлении народного эпоса победа всегда добывается руками воина-богатыря, его мужеством» [2, с. 27].

Мы помним, что в схватке с Сокольников Илья остаётся в живых исключительно благодаря Божьей помощи; Алёша не может победить Тугарина до тех пор, пока не прибегает к молитве Богу; только благодаря Николе богатый гость Садко избегает вечно-го плена в чертогах морского царя; именно Никола помогает побратимам отыскать Потыка, которого «запечатала» в камень неверная жена-колдунья; святые Кузьма и Демьян обеспечивают Вавиле победу над Царём Собакой; наконец, покаянная молитва Богородице избавляет русских богатырей от смерти в битве с «силой неизвестной».

Очевидно, активная роль Бога в былинной истории – сущностный атрибут эпического мировоззрения, его невозможно объяснить «наносным слоем чуждых народу представлений», внедрявшихся «через христианскую проповедь и через самих пред-

ставителей господствующего класса [2, с.24]. Как можно видеть, попытка аксиологического анализа былины и в этом случае свелась к подбору эпической фактуры под заранее известные выводы.

В исследовании Ю. И. Смирнова (1974) находим ещё один вариант использования аксиологического анализа в целях «классовой оценки» русского эпоса. Автор утверждал, что наиболее ценными в русском эпосе являются наблюдения народа о характере классовой психологии феодалов. Эти наблюдения, по мысли исследователя, народ передавал из поколения в поколение, чтобы использовать его на практике («в том числе посредством мятежей и восстаний» [35, с. 4]).

Получалось, что наиболее значимы для народа те образы, которые наделены типическими чертами, отражающими психологию эксплуататоров. Это князь Владимир, аристократ Добрыня, поповский сын Алёша, богатый гость Садко, зажиточный земледелец Микула Селянинович, помогающий феодалу Вольге подавить восстание «мужичков». Если принять точку зрения автора, то русский эпос представится нам собранием пронизанных классовой ненавистью, часто сатирически заострённых воспоминаний народа о господских «нравах» (ссоры побратимов меж собой, любовные интриги, хвастовство, устранение соперников и т.п.). Против такого предположения, на наш взгляд, свидетельствуют многочисленные проявления сердечного участия эпического певца в судьбе перечисленных выше героев.

Даже в случаях негативной оценки поведения богатырей мы чувствуем любовь к ним повествователя. Так, заключение Добрыней нравственно неприемлемого мирного договора со Змейей (договора, обрекающего русских пленников на смерть в неволе)

эпический певец оправдывает тем, что богатырь был ещё «младёшенек» и «глупёшенек». Невозможно предположить негативное отношение певца к Добрыне в момент, когда он плачется матушке о своей «бесталанности», или – классовую ненависть к князю Владимиру, когда тот (один во всём Киеве) приходит плакать на свежую могилу заживо погребённого Михаила Потыка.

Одним из главных принципов былинной поэтики является, по нашему мнению, продуцирование эмоционального «резонанса» в душе слушателя, достижение симпатии по отношению к герою за счёт сближения отдельных элементов ценностных центров героя и слушателя. Эти моменты симпатии («со-страстия») корректируют ценностный центр слушателя, утверждая в его сознании соответствующий концепт эпического мировоззрения. Допустить, что в эти катарсические моменты аудитория былинного певца воспринимает героя как классового врага, на наш взгляд, невозможно.

Откровенно провальные попытки применения классового подхода к анализу былин сопровождались в научном дискурсе 1970-х годов бездоказательными рассуждениями о том, что фольклор есть «выразитель мировоззрения трудовых масс», «идеологии и художественных вкусов трудового народа» [32, с. 6–7], а основными «идеями» эпоса являются «необходимость защиты русской земли», «непокорность» и «непримиримость» [17, с. 138, 169]. На этом фоне выгодно смотрелись новые работы представителей инициационной школы. В них утверждалось, в частности, что «эпос развивается из шаманского мифа» [20, с. 300], истоки глубинной семантики эпоса обнаруживались «в континууме мифологических верований, отчасти закреплённых в ритуально-магической практике» [23, с. 196]. В 1974 году вышли в свет «Исследования в обла-

сти славянских древностей» В. В. Иванова и В. Н. Топорова. Авторы полагали, что в смысловой глубине русского эпоса залегают сюжеты «основного мифа», отражающего ритуалы, связанные с культом языческого бога-громовержца.

Такой подход, по сути, уничтожал перспективы ценностного анализа русского эпоса, поскольку подразумевалось, что собственный смысл былин (в том виде, в котором они дошли до нас) является наносным, испорченным. Мотивация Алёши Поповича, возмущённого поведением княгини Апраксии, позорящей князя и публично подвергающей бесчестью институт законного брака, уже не имеет в глазах исследователя ценности – это лишь позднейший, «наносной» смысл, от которого былинку нужно «очистить», чтобы показать под ним фрагменты реконструируемого «основного мифа». Реконструкторы как бы уничтожали сам объект исследования – былинку как художественное произведение, имеющее собственный смысл, вполне доступный певцу и традиционной аудитории и не нуждающийся в «раскодировании» учёных.

Если принять точку зрения В. В. Иванова и В. Н. Топорова, то приходится признать, что вопрос о мотивации героя – исходный и ключевой пункт аксиологического анализа – абсурден. Потому что у былинного героя, в понимании авторов, отсутствует реальная мотивация, его действия не вызваны внутренними либо внешними причинами, но лишь иллюстрируют протокол древних ритуалов («выбор девушки» и «обливание её водой, сопровождаемое песнями магического свойства», «приготовление особой куклы, которую хоронят или топят», «действия, имитирующие изгнание змей», «добывание огня», «ритуальное пиршество», «захоронение покойника» и т.д. [13, с. 106–107]).

Впрочем, даже раздробив русский эпос на сюжетные схемы, лишив его собственных смыслов и ценностных координат, «очистив» героев от внутреннего мира и собственных мотиваций, расколов эпическую вселенную на элементы бинарных оппозиций, исследователи не смогли убедительно иллюстрировать свою гипотезу былинным материалом. Русский эпос сопротивлялся теоретической схеме, противопоставлявшей героя-громовержца («верх – огонь – герой мифа») хтоническому противнику («низ – вода – змей»). В былинах змей (Тугарин) почему-то оказывается наверху и напоминает громовержца, а герой мифа (Алёша) – прикован к земле и прибегает к помощи водяной стихии (дождевой тучи). Былина размещает Соловья Разбойника (которого авторы объявляют «змеем – рогатым соколом») не внизу, но наверху древа, а героя (Илью Муромца) – внизу. Крайне неудобно для реконструкторов и то, что Змея нападает на Добрыню сверху, а Добрыня спасается в воде (он плавает лучше Змеи и уходит от противника на глубину) – что не вяжется с его ролью мифического героя-змееборца. Наконец, когда мы вспоминаем, что былинный «низ» (мать сыра земля) отказывается принимать в себя кровь змеиную, начинает казаться, что предложенная исследователями система оппозиций разваливается.

На помощь учёным вновь приходил приём объяснения нестыковок – теория инверсии черт архаического образа. Этот приём, впрочем, не объясняет «необрядового» поведения былинных героев в нередких случаях, когда это поведение противоречит логике «основного мифа». Действительно, сложно объяснить тот факт, что Илья Муромец во многих вариантах былины проникается жалостью к детям Соловья Разбойника. Герой не только оставляет отпрысков Соловья в живых, но даже запрещает князю

Владимиру присвоить награбленное Соловьём добро, чтобы «соловейкиным» детям не пришлось пойти по миру просить подаяния. Поскольку В. В. Иванов и В. Н. Топоров приписывают Илье Муромцу генетическое родство с языческим богом-громовержцем «основного мифа» [13, с. 166], возникает вопрос: известны ли этнографам случаи, чтобы языческое божество проявляло жалость к детям поверженного противника и отказывалось от присвоения добычи? И если это не характерно для примитивного мифа, то правомерно ли считать «наносной» столь характерную мотивацию эпического героя, связанную с христианским ценностным концептом сострадательной любви-жалости, плохо совместимым с языческим этосом [о жалости в языческом и христианском этосе см.: 1]?

В былинах об Илье Муромце концепт жалости к противнику является ключевым: достаточно вспомнить знаменитую заповедь родителей Ильи Муромца «не помысли зла на татарина», прощение разбойничков-станичников или стремление Ильи перевоспитать Соловья Разбойника, ради чего злодея отправляют на покаяние в монастырь. Этот концепт не вписывается в систему бинарных оппозиций примитивного мифологического сознания, реконструируемого авторами «Исследования в области славянских древностей». Утверждать, что все варианты былины, в которых герой проявляет сострадание, «испорчены» позднейшим христианским влиянием, это значит, по сути, отказаться от объекта исследования, потому что в этом случае учёным придётся работать с единственным (и на наш взгляд, нетрадиционным) вариантом, в котором Илья выступает в роли безжалостного изувера [11, с. 7–16].

Успех книги В. В. Иванова и В. Н. Топорова способствовал появлению множе-

ства публикаций, авторы которых пытались установить связь былинных сюжетных схем с тем или иным гипотетическим обрядом славянской древности.

Э. В. Померанцева полагала, что былинный Садко сделался пленником морского царя потому, что не совершал ритуальных жертвоприношений [25, с. 163] (выше мы говорили о том, что рассмотрение ценностных координат сюжета позволяет выявить более простой смысл: Садко находится во власти морского царя, который сделал его богатым).

Далее Э. В. Померанцева утверждала, что в основу былины легли те же мотивы, которые находим в «быличках о демонических существах», и перечисляла эти мотивы, намереваясь доказать тем самым близость былинного сюжета суеверным рассказам о жертвах водяному дьяволу. Однако перечень «общих» мотивов, составленный Э. В. Померанцевой, не содержал ключевых сюжетообразующих мотивов былины – ни мотива разрывания струн (вопреки воле морского царя), ни мотива избрания самой некрасивой из дочерей поддонного владыки. Ценность сострадания-жалости к тонущим корабельщикам, равно как и ценность воздержания от прелюбодеяния, не вписывалась в теоретическую схему исследователя.

Под редакцией Э. В. Померанцевой вышла книга Ю. И. Юдина «Героический эпос», автор которой, стремясь «подтянуть» былинные сюжеты к реконструируемым протоколам архаичных ритуалов, подчёркивал, что образы Добрыни, Ильи Муромца «не раскрываются изнутри», потому что «эта неразработанность заключена в самом художественном задании былины» [40, с. 38–39]. Имелась в виду «заданность» исхода древнего ритуала независимо от того, что происходит в душе героя; учёный на-

зывал это «предопределённостью будущих событий» в былине. «Эпический психологизм» свойствен, по мнению исследователя, лишь некоторым героям (Алёша, Василий Буслаевич) и является «позднейшим» привнесением.

Пытаясь выявить «типические черты» богатырей, Ю. И. Юдин справедливо (вслед за О. Миллером) отмечает «самоотверженность» Ильи Муромца, однако не понимает природы этого качества (былинный концепт богатырской силы как «тяжкого бремени», ответственного служения и «передаривания» своего таланта [21, с. 803–804]) и потому полагает, что «нравственное чувство справедливости и богатырского долга» является «ничем не мотивированным свойством богатыря» [40, с. 66].

Недостаток ценностного анализа привёл исследователя к ряду ложных выводов. Так, учёный цитирует Илью Муромца, когда тот отпускает трёх «царей неверных» и наказывает «пойти по своим местам» и рассказать, что «свята-та нонь Русь не пуста стоит», ещё есть на Руси «сильные богатыри» (Григорьев, III, 56). На этом основании Юдин полагает, что Илья «гордится тем, что очистил дорогу к Киеву» и «осознаёт большое общегосударственное значение своих подвигов» [40, с. 44]. Между тем в системе ценностей былины важное место занимает самобытный концепт «славы», понимаемой как молва о русском богатырстве, которая распространяется по свету и предупреждает захватнические походы иноземных царей (с этой целью богатыри и хвастают об уже совершённых подвигах на пиру у князя Владимира). Наказ Ильи Муромца трём «царям неверным» направлен на достижение именно этой цели, однако Ю. И. Юдин смешивает былинный ценностный концепт коллективной славы русского богатырского рода – с пониманием индивидуальной славы ге-

роя античного эпоса и индивидуальной чести западноевропейского эпического героя.

Плач Добрыни перед дальним походом учёный трактует весьма неожиданно: как проявление возмущения «тем унижением, которое содержится в характере поручения» [40, с. 57] князя Владимира. Вероятно, этой ошибки можно было избежать, если бы Ю. И. Юдин предпринял исследование эпического концепта «таланта-участи». Это могло бы привести его к выводу о том, что герой плачет от осознания собственной «глупости» (заключение мира со Змеёй), за которую теперь ему приходится расплачиваться.

Между тем в самый разгар популярности инициационной теории вышла работа Д. В. Балашова, в которой автор – едва ли не впервые в истории советского эпосоведения – осуществляет аксиологический анализ конкретной былины. Исследуя эпические песни о Дунае, он обращает внимание на то, что в этой песне в центре внимания певца и слушателя оказывается не подвиг героя (подвига в этой песне попросту нет), но – внутренний мир человека и разворачивающаяся в нём духовная борьба.

Наблюдение Д. В. Балашова о том, что в русском эпосе «центр тяжести сместился в сторону личности» [5, с. 125], является, на наш взгляд, подлинным прорывом к предметному исследованию былин – сквозь толщу стереотипов советской науки, отказывавшейся признавать психологизм эпоса. Не классовая борьба, не религиозный протест и не абстрактный патриотизм, даже не следы древнейших ритуалов, но – жизнь человеческого духа, драматизм внутренней борьбы предлагалось отныне считать главным смыслом русского эпоса.

Д. В. Балашов, анализируя поступок Дуная, пытается выстроить иерархию ценностей эпического сознания русских: он предполагает, что «по суровым воззрениям пред-

ков потомков богатырского рода дороже стоил, чем женщина-жена, и жена ценилась как мать в первую очередь» [5, с. 104]. Представления об иерархии ценностей, на наш взгляд, являются важнейшей частью «эпического знания». Как нам представляется, открытие Д. В. Балашовым «эпического психологизма» оказалось возможным потому, что мировоззрение исследователя не было чуждо традиционной системе ценностей, сохранявшейся у некоторых крестьян на Русском Севере. Ценностный центр Д. В. Балашова как слушателя (как известно, на Печоре ему удалось записать несколько былин от последних живых носителей) был близок по своей структуре ценностному центру традиционной аудитории эпического певца. Восприятие исследователя в данном случае обогащалось естественным для традиции восприятием аксиологического подтекста (ценностных координат) былинных событий.

Перспективы предметного изучения ценностного центра эпического героя, открывшиеся перед былиноведением в связи с описанным выше методологическим «переворотом Балашова», вскоре померкли – по мере укрепления позиций неомифологической школы. В очередной работе Б. Н. Путилов утверждал, что ценностным маркером эпического героя является «следование традиционным обычаям или несоблюдение их, исполнение либо нарушение каких-то норм, обрядовых правил». По мнению учёного, сюжетные мотивы, отражившие следование ритуалам или их нарушение «выполняют важнейшую идеологическую функцию, несут идейный смысл, через них может совершаться нравственный суд над персонажами либо получать оценку какое-то явление» [27, с. 213].

Нет смысла приводить здесь многочисленные примеры того, что в былинном мире

запреты и уговоры, как правило, нарушаются именно «положительными» героями: Добрыня едет к морю, несмотря на матушкину заповедь; он же демонстративно нарушает ритуал поведения в шатре Дуная, Садко не выполняет обет о постройке церкви после спора с Великим Новгородом и т.д. Эти примеры бессмысленно приводить потому, что открытый последователями В. Я. Проппа «закон» инверсии черт мифического героя и его противника, позволял трактовать нарушение ритуала положительным героем эпоса как верную приметку соблюдения этого самого ритуала в якобы более древней, но позднее искажённой версии сюжета.

И всё же ценностные координаты многих былинных мотивов не оставляют, на наш взгляд, возможности для такого объяснения. Что побуждает Илью нарушить добровольно возложенную на себя заповедь не кровавить сабли в день Святой Пасхи? Он нарушает обет из сострадания («жалости») к людям в осаждённом городе (вместо того, чтобы радоваться светлому празднику, жители города на пасхальной службе в храме плачут, «каются-причащаются», готовясь к скорой смерти от «тёмной силушки»). Былина показывает высочайшую ценность сострадания – подобно тому, как эта ценность утверждается в евангельском сюжете о Спасителе, позволившем взалкавшим ученикам собирать колосья в день субботний. «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Марк, 2. 23-27) – эти слова Христа выражают суть выбора, сделанного эпическим героем: нарушение «мёртвой» заповеди в данном случае есть абсолютно значимый элемент содержания быliny и не может объясняться «инверсией» некогда существовавшего сюжета, в котором герой успешно соблюдал ритуальный запрет братья за оружие. Формула Б. Н. Путилова о том, что «строгое следование этим правилам ... входит в кодекс

нравственных норм, характеризующих истинного героя» [27, с. 213], не применима к сюжету русского эпоса.

Показательна неудачная попытка Путилова описать былинный концепт жалости через понятие «гуманности», которую Добрыня якобы проявляет по отношению к Змею, когда заключает с ним мир и становится его «крёстным братцем» [27, с. 236].

В данном случае удивляет неспособность исследователя прочитать аутентичный ценностный код сюжета: заключение мира со Змеей оценивается эпическим певцом однозначно негативно, Добрыня назван «глупёшеньким». Не миролюбие и «гуманность» проявляет герой, как это кажется Б. Н. Путилову, но жестокосердие по отношению к пленникам Змеи («русским полоннам»), томящимся в её пещерах, а также – уклонение от богатырской миссии. Сердце героя в этом случае не «разгорается», как должно разгораться «неутерпчивое сердце богатырское».

Традиционная аудитория понимает, что герой совершает ошибку, даже преступление, – и будет наказан впоследствии, что и происходит. Кроме того, «гуманность» Добрыни ведёт к тому, что предсказание «святых отцов» о победе героя над Змеей останется неисполненным и будет трактовано как ложное («святые отцы писали – прописались»), что эпической аудиторией прочитывается как «бесчестье».

Можно предположить, что в рассмотренном нами случае свобода предметного исследования былинного концепта была скована диктатом инициационной догмы: исследователю важно было показать, что герой и его противник – не враги на самом деле, но лишь партнёры, акторы древнего ритуала, связанного с проглатыванием и изверганием его участника. Однако сближение «сюжетных схем» не убедительно

потому, что и в этом случае различие мотиваций былинного героя и актора-змееборца из примитивного обряда представляется очевидным.

Неудачи на поприще аксиологического анализа былин выглядят парадоксально по контрасту с достижениями учёных, исследовавших в 1970-х годах систему античного мировоззрения, ценности средневековой эстетики, русского и европейского романа.

В 1979 году М. А. Лифшиц описал ключевые концепты древнегреческого языческого этоса [18, с. 61–91] (свобода, храбрость; жадность, неразборчивость в средствах и гордость). В частности, учёный сделал наблюдение о том, что мифологические сюжеты повествуют «о поступках жестоких, грязных, нелепых, эротически-вольных или грубо-чувственных», и эти действия «приписываются существам, требующим преклонения или почтительного страха», – богам и героям. Аксиологическая «разорванность» античного мифа («боги, всей своей властью гарантирующие моральное поведение смертных, живут в атмосфере постоянных нарушений нравственного порядка» [18, с. 61–91]) контрастирует с этической монолитностью русского эпоса, где ценностный центр певца возвышается над ценностным центром любого героя (и потому нет героев, пребывающих вне нравственного суда аудитории). Привычка сравнивать эпосы разных народов в данном случае могла быть полезной – однако соответствующих исследований не появилось.

В 1977 увидел свет труд С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы», в котором содержится предметное и точное исследование ценностей античности в сравнении с аксиологическими концептами православной византийской цивилизации. В частности, учёный выявля-

ет различие между «статуарно-замкнутым и массивно-целостным» античным представлением о человеке и пониманием мучительного «раздвоения внутри личности» в христианстве.

Если бы эпосоведы применили исследовательский метод С. С. Аверинцева к ценностной системе русского эпоса, то они бы сделали ряд важнейших выводов – однако и эта возможность была упущена.

В 1979 году вышел сборник работ (в том числе ранее не издававшихся) М. М. Бахтина по эстетике словесного творчества [7]. Теория этического мира как единого ценностного пространства, определения ценностных центров автора и героя, метод исследования художественного произведения как истории взаимодействия этих ценностных центров и другие открытия выдающегося учёного можно было бы применить для исследования русского эпоса. К сожалению, этого не произошло. Продолжалось увлечение сравнительной фольклористикой, «квазинаучными генетическими обобщениями» [7, с. 13].

Объём статьи позволяет упомянуть лишь некоторые из многочисленных работ начала 1980-х, в которых былинный материал раскраивался по лекалам инициационной школы – без оглядки на ценностные координаты эпических сюжетов. Д. В. Мачинский усматривал в былине о Дунае следы «обрядового утопления русами младенцев в Дунае» [19, с. 156]. Б. А. Успенский сближал с «хтоническим» змеем Велесом эпического Николу [37, с. 83], а заодно и Микулу Селяниновича [37, с. 54] (в первом случае исследователь игнорирует тот факт, что в былине о Садко «седатый» Никола противопоставит морскому царю в битве за душу героя, а во втором – опирается на авторскую версию былины, созданную Л. Н. Толстым на основе испорченного прозаического переска-

за [22])¹. И. Я. Фроянов и Ю. И. Юдин, реконструируя обряд инициации через пожирание «драконом», утверждали, что древнейшим и «правильным» вариантом былины «Добрыня и Змея» является тот, в котором антагонисты заключают мир (по мнению авторов, убийство Змея якобы осуждается в былинах – хотя даже поверхностное знакомство с вариантами этой песни убеждает в обратном: Добрыня называется «глупёшеньким» за то, что заключает мир).

Симптоматична уверенность, с которой Н. Г. Черняева, пользуясь указателем сюжетов Томпсона, относила эту былинку к типу «Спасение невесты от дракона» [39, с. 271]. В этой песне нет ни невесты, ни дракона (Запава не является невестой героя; герой сражается с «женской» особью змеиной породы), но главная проблема – в несовместимости ценностных координат. Попытка отнесения русского сюжета к международному типу напоминает манипуляции с прокрустовым ложем: оригинальные, наиболее интересные, ценные с точки зрения содержания и поэтики мотивы отсекаются. А именно: мотив уклонения героя от богатырской миссии и заключение мира со Змеёй; предложение Змеёй герою «золота, коня и себя» в качестве выкупа; отказ героя от связи с освобождённой пленницей.

¹ Л. Н. Толстой в своей «Азбуке» отождествляет молодого «пахарька» Микулу Селяниновича со старцем Николой, опираясь на единственный случай такого сближения, зафиксированный в устном народном творчестве, – на прозаическую побывальщину, записанную П. Н. Рыбниковым от кижского крестьянина Леонтия Богданова. Эту путаную богатырскую сказку, которую ни при каких условиях нельзя назвать былинной, П. Н. Рыбников излагает в сноске как дополнительный материал. Самого Богданова собиратель считает певцом неважным: «Плохие, неполные варианты былин, забывчивость, какое-то недосказывание слов, разбитый голос – вот его недостатки, которые побудили собирателя воспользоваться не всем записанным от него материалом» [24, с. 317].

Для удобства препарирования былины Н. Г. Черняева полагала возможным первый и второй бой со змеем считать отдельными сюжетами, которые впоследствии соединились в сознании певцов.

Ценностный анализ, возможно, убедил бы учёного в обратном, а именно – в связности двучастного сюжета: первая часть повествует о «преступлении» героя, вторая – о его «наказании» и о том, как он исправляет ошибку. Расчленение былины, как нам представляется, похищает смысл песни – зато облегчает сближение обрывков сюжета с типовыми схемами из указателя Аарне Томпсона.

Былинку «Добрыня и Маринка» Н. Г. Черняева связывала с мотивом G 264. La Belle Dame Sans Merci (ведьма соблазняет мужчин любовными предложениями и затем покидает или уничтожает их) [39, с. 272] – вопреки тому, что былинная Маринка имеет целью не уничтожить Добрыню, но выйти за него замуж. Старину про Дуная и Настасью исследователь расчленяла на мотивы Thompson T 58 («Сватовство к сильной и красивой невесте»), F 565 («Женщины-воины – амазонки»), H 345 («Испытание жениха: одолеть принцессу в силе»), H 331.4 («Испытание жениха: стрельба»), H 332.11 («Испытание жениха: поединок с невестой») [39, с. 276].

Сомнительность такого сближения очевидна, и дело тут даже не в натяжках (князь Владимир сватается не к сильной невесте, а к «обычной» Апраксии; к «сильной» Настасье никто не сватается и т.п.). В подобранные Н. Г. Черняевой типовые сюжетные схемы не «вписывается» главный смысл былины (хвастовство Дуная (в былинке «Молодец и королева»), его блудная связь с королевной оборачиваются хвастовством Настасьи после брака и смертью детей, зачатых в блуде).

Как можно видеть, сравнительно-типологический метод позволял представителям инициационной школы выявить и классифицировать только стандартные узлы былинной композиции, играющие техническую роль и легко соотносимые с «общими местами» фольклорной поэтики разных на-

родов. При этом уникальное идейно-художественное содержание былин не «вписывалось» в классификации типовых сюжетных схем и оставалось за рамками смелых типологических сопоставлений, которыми так богаты работы российских эпосоведов 1970-х годов и начала 1980-х.

Примечания

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Москва : Coda, 1997. 343 с.
2. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1974. 171 с.
3. Аникин В. П. Как распутать путы // Вопросы литературы. 1964. № 6. С. 128–131.
4. Аникин В. П. Русский богатырский эпос : пособие для учителя. Москва : Просвещение, 1964. 191 с.
5. Балашов Д. В. Из истории русского былинного эпоса («Потык» и «Микула Селянинович») // Русский фольклор. Том. XV. Социальный протест в народной поэзии. Ленинград : Наука, 1975. С. 26–54.
6. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. С. 447–483.
7. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примечания С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. Москва : Искусство, 1979. 423 с.
8. Блажес В. В. Содержательность художественной формы русского былевого эпоса : учебное пособие по спецкурсу для студентов филологических факультетов / МВ и ССО РСФСР. Уральский государственный университет имени А. М. Горького. Свердловск : Уральский университет, 1977. 80 с.
9. Богатырев П. Г. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов // Исследование по славянскому литературоведению и фольклористике : Доклады советских учёных на IV Международном съезде славистов / Академия наук СССР. Советский комитет славистов ; ред. канд. филол. наук А. Н. Робинсон. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 211–251.
10. Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве // Советская этнография. 1954. № 4. С. 117–131.
11. Былина, якобы записанная «со слов крестьянина» И. А. Ядовиным и сообщенная в редакцию «Москвитянина» учителем из Шенкурского уезда Никифором Борисовым // Москвитянин. 1843. Часть 6, 11. С. 7–16.
12. Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. Москва : Наука, 1971. С. 7–46.
13. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. Москва : Наука, 1974. 342 с.
14. Игнатов В. И. Мировоззрение русского народа в эпических произведениях начала XVII века. Ростов на Дону : Изд-во Ростовского университета, 1970. 154 с.
15. Кафедра русского устного народного творчества: история и сотрудники. Публикация на сайте филологического факультета МГУ. [Электронный ресурс]. URL.: <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/hist&sotr/f1.htm>
16. Конкка У. С. «Финская школа» о сказке // Вопросы литературы и народного творчества. Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. XX: Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск : Госиздат Карельской АССР, 1959. С. 3–29.
17. Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество : учебник для филологических специальностей университетов. 2-е издание, испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1983. 448 с.
18. Лифшиц М. А. Мифология древняя и современная. Античный мир. Мифология и эстетическое воспитание // Собрание сочинений : в 3 томах. Москва : Изобразительное искусство, 1984-. Том I. 1984. С. 61–91.
19. Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север : Проблемы этнографии и фольклора : [сборник статей] / АН СССР, Институт

- этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая ; [отв. ред. К. В. Чистов, Т. А. Бернштам]. Ленинград : Наука : Ленинградское отд-ние, 1981. С. 156.
20. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / [Академия наук СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького]. Москва : Наука, 1976. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
 21. Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское : Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом народного русского эпоса. Санкт-Петербург : тип. Н.Н. Михайлова, 1869. 895 с.
 22. Миронов А. С. Авторские «былины» Л. Н. Толстого как определяющий фактор искажённой рецепции эпоса в российском эпосоведении, педагогике, искусстве конца XIX – начала XX в. // Вестник РГГУ. 2018.
 23. Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество : [сборник статей] / АН СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького, Венгерская академия наук, Институт литературоведения ; [ред. коллегия: Ю. Я. Барабаш (отв. ред.) и др.]. Москва : Наука, 1977.
 24. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым : [Ч. 1–4] / [сост.] П. Н. Рыбников ; [изд., авт. предисл.] П. Безсонов, Д. Хомяков. Москва : Типография А. Семена, 1861–1867. Часть 1: Народные былины, старины и побывальщины : собственность собирателя. 1861. 524 с.
 25. Померанцева Э. В. Народные верования и устное народное поэтическое творчество // Фольклор и этнография : [сборник статей] / отв. ред. д-р филол. наук Б. Н. Путилов ; АН СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленинград : Наука. Ленинградское отд-ние, 1970. С. 158–168.
 26. Путилов Б. Н. История одной сюжетной загадки (былина о Михайле Казарине) // Вопросы фольклора : [сборник статей] : [посвящён памяти М. К. Азадовского] / Томский государственный педагогический институт ; [ред. доц. Я. Р. Кошелев]. Томск : Изд-во Томского университета, 1965. С. 9–21.
 27. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Академия наук СССР, Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1976. 242 с.
 28. Путилов Б. Н. Об эпическом подтексте (на материале былин и юнацких песен) // Славянский фольклор : [сборник статей] / [отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова]; АН СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва : Наука, 1972. С. 3–17.
 29. Путилов Б. Н. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе // Славянский и балканский фольклор : [сборник статей] / АН СССР, Институт славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1971. С. 75–94.
 30. Путилов Б. Н. Эпос и обряд // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. Б. Н. Путилов ; АН СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 7–81.
 31. Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса = Essays on the Theory and History of the Slavic Epos. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
 32. Русское народное поэтическое творчество : пособие для вузов / под общ. ред. проф. П. Г. Богатырева. 2-е издание, доп. и испр. Москва : Учпедгиз, 1956. 620 с.
 33. Рыбаков Б. А., Новикова А. М. Былины // Русское народное поэтическое творчество : учебное пособие / под ред. А. М. Новиковой. 2-е издание. Москва : Высшая школа, 1978. С. 198–199.
 34. Садков корабль стал на море // Новгородские былины / Изд. подгот. [и статью написали] Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. Москва : Наука, 1978. С. 212–217. (Литературные памятники).
 35. Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции / АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Москва : Наука, 1974. 263 с.
 36. Смолицкий В. Г. Былина о Дунае // Славянский фольклор и историческая действительность : сборник статей / отв. ред. А. М. Астахова и др. ; Академия наук СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Институт русской литературы. Москва : Наука, 1965. С. 109–131.
 37. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей : (Реликты языкачества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва : Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

38. Чердынцев В. В. Черты первобытно-общинного строя в былинах // Где, когда и как возникла былина? : Посмертный сборник. Москва : Эдиториал УРСС, 1998. С. 22–23.
39. Черняева Н. Г. Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск : Карелия, 1981. 310 с.
40. Юдин Ю. И. Героические былины. (Поэтическое искусство). Москва : Наука, 1975.

References

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury [Poetics of the early Byzantine literature]*. Moscow, Publishing house “Coda”, 1997. 343 p. (In Russian)
2. Adrianova-Peretts V. P. *Drevnerusskaya literatura i fol'klor [Old Russian literature and folklore]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1974. 171 p. (In Russian)
3. Anikin V. P. Kak rasputat' puty [How to untangle a bundle]. *Voprosy literatury [The problems of literature]*. 1964, no. 6, pp. 128–131. (In Russian)
4. Anikin V. P. *Russky bogatyrsky epos [Russian heroic epic]*. Moscow, Publishing House “Prosveshchenie”, 1964. 191 p. (In Russian)
5. Balashov D. V. Iz istorii russkogo bylinnogo eposa (“Potyk” i “Mikula Selyaninovich”) [From the history of the Russian epic (“The Potyk” and “Mikula Selyaninovich”)]. In: *Russkiy fol'klor. Tom XV. Sotsial'nyy protest v narodnoy poezii [Russian folklore. Vol. XV Social protest in folk poetry]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1975. Pp. 26–54. (In Russian)
6. Bakhtin M. M. Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana) [Epos and novel (On the methodology of the study of the novel)]. *Voprosy literatury i estetiki [The problems of literature and aesthetics]*. Moscow, Publishing house “Imaginative literature”, 1975. Pp. 447–483. (In Russian)
7. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Moscow, Art Publishing House, 1979. 423 p. (In Russian)
8. Blazhes V. V. Soderzhatel'nost' khudozhestvennoy formy russkogo bylevogo eposa [Content of the artistic form of the Russian epic]. Sverdlovsk, Publishing house of the Ural State University, 1977. 80 p. (In Russian)
9. Bogatyrev P. G. Nekotorye zadachi sravnitel'nogo izucheniya eposa slavyanskikh narodov [Some tasks of comparative study of the epos of Slavic peoples]. In: Robinson A. N., ed. *Issledovanie po slavyanskomu literaturovedeniyu i fol'kloristike. Doklady sovetskikh uchenykh na IV Mezhdunarodnom s'yezde slavistov [Study on Slavic Literary Studies and Folklore Studies. Reports of Soviet Scientists at the IV International Congress of Slavists]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. Pp. 211–251. (In Russian)
10. Bonch-Bruevich V. D. V. I. Lenin ob ustnom narodnom tvorchestve [V. I. Lenin about oral folk art]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. 1954, no. 4, pp. 117–131. (In Russian)
11. Bylina, yakoby zapisannaya “so slov krest'yanina” I. A. Yadovinyim i soobshchennaya v redaktsiyu “Moskvityanina” uchitelem iz Shenkurskogo uyezda Nikiforom Borisovym [Bylina, allegedly recorded “according to a peasant” by I. A. Yadovin and reported to the editor of “Moskvityanin” by a teacher from Shenkursky district Nikifor Borisov]. *Moskvityanin*. 1843, part 6, 11. Pp. 7–16. (In Russian)
12. Gatsak V. M. Epicheskiy pevets i yego tekst [Epic singer and his text]. In: *Tekstologicheskoe izucheniye eposa [Textual study of the epos]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1971. Pp. 7–46. (In Russian)
13. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues of text reconstruction]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1974. 342 p. (In Russian)
14. Ignatov V. I. *Mirovozzrenie russkogo naroda v epicheskikh proizvedeniyakh nachala XVII veka [World view of the Russian people in the epic works of the beginning of the XVII century]*. Rostov, Publishing house of the Rostov State University, 1970. 154 p. (In Russian)
15. Kafedra russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva: istoriya i sotrudniki. Publikatsiya na sayte filologicheskogo fakul'teta MGU [Department of Russian folklore: history and staff. Publication on the website of the Philological Faculty of Moscow State University]. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~folk/old/hist&sotr/f1.htm> (In Russian)

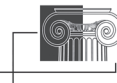

16. Konkka U. S. “Finskaya shkola” o skazke [“Finnish School” about a fairy tale]. In: *Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva. Trudy Karel’skogo filiala AN SSSR. Vypusk XX: Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva [Questions of literature and folk art. Proceedings of the Karelian branch of the USSR Academy of Sciences. Issue XX: Questions of literature and folk art]*. Petrozavodsk, State Publishing house of the Karelian ASSR, 1959. Pp. 3–29. (In Russian)
17. Kravtsov N. I., Lazutin S. G. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo [Russian oral folk art]. 2nd edition. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1983. 448 p. (In Russian)
18. Lifshits M. A. Mifologiya drevnyaya i sovremennaya. Antichnyy mir. Mifologiya i esteticheskoe vospitanie [Mythology is ancient and modern. Antique world. Mythology and aesthetic education]. *Sobranie sochineniy, v3 tomakh, tom 1 [Collection works, in 3 vol., vol. 1]*. Moscow, Fine Art Publishing House, 1984. Pp. 61–91. (In Russian)
19. Machinsky D. A. “Dunay” russkogo fol’klora na fone vostochnoslavianskoy istorii i mifologii [“Danube” of Russian folklore against the background of Eastern Slavic history and mythology]. In: Chistov K. V., Bernshtam T. A., eds. *Russkiy Sever: Problemy etnografii i fol’klora. Sbornik statey [Russian North: Problems of Ethnography and Folklore. A collection of articles]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1981. P. 156. (In Russian)
20. Meletinsky E. M. *Poetika mifa [Poetics of Myth]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1976. 407 p. (In Russian)
21. Miller O. F. *Il’ya Muromets i bogatyrstvo kiyevskoe: Sravnitel’no-kriticheskie nablyudeniya nad sloevym sostavom narodnogo russkogo eposa [Ilya Muromets and the Kiev Bogatyrdom: Comparative Critical Observations on the Layered Composition of the Popular Russian Epos]*. St. Petersburg, 1869. 895 p. (In Russian)
22. Mironov A. S. Avtorskie “byliny” L. N. Tolstogo kak opredelyayushchiy faktor iskazhonnoy retseptsii eposa v rossiyskom eposovedenii, pedagogike, iskusstve kontsa XIX – nachala XX veka [The author’s “epics” of L. N. Tolstoy as the determining factor of the distorted reception of the epos in Russian epic studies, pedagogy, and art of the late XIX – early XX century]. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2018. (In Russian)
23. Neklyudov S. Yu. O funktsional’no-semanticheskoy prirode znaka v povestvovatel’nom fol’klоре [On the functional and semantic nature of the sign in narrative folklore]. In: Barabash Yu. Ya., etc. ed. *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo. Sbornik statey [Semiotics and artistic creativity. A collection of articles]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1977. (In Russian)
24. Rybnikov P. N., comp. *Pesni, sobrannyye P. N. Rybnikovym. V4 chastyakh. Chast’ 1. Narodnye byliny, stariny i pobyval’shchiny: sobstvennost’ sobiratelya [Songs collected by P. N. Rybnikov. In 4 parts. Part 1. Folk epic, antiquities and pastor: the property of the collector]*. Moscow, Typography of the A. Semen, 1861. 524 p. (In Russian)
25. Pomerantseva E. V. Narodnye verovaniya i ustnoye narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Folk beliefs and oral folk poetry]. In: Putilov B. N., ed. *Fol’klor i etnografiya. Sbornik statey [Folklore and ethnography. A collection of articles]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1970. Pp. 158–168. (In Russian)
26. Putilov B. N. Istoriya odnoy syuzhetnoy zagadki (bylina o Mikhayle Kazarine) [The Story of a Story Puzzle (epic about Mikhail Kazarin)]. In: Koshelev Ya. R., ed. *Voprosy fol’klora. Sbornik statey [Folklore problems. A collection of articles]*. Tomsk, Publishing house of the Tomsk State University, 1965. Pp. 9–21. (In Russian)
27. Putilov B. N. *Metodologiya sravnitel’no-istoricheskogo izucheniya fol’klora [Methodology of comparative historical study of folklore]*. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1976. 242 p. (In Russian)
28. Putilov B. N. Ob epicheskom podtekste (na materiale bylin i yunatskikh pesen) [On the epic subtext (on the material of epic and youthful songs)]. In: Putilov B. N., Sokolova V. K., eds. *Slavyansky fol’klor. Sbornik statey [Slavic folklore. A collection of articles]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1972. Pp. 3–17. (In Russian)
29. Putilov B. N. Syuzhetnaya zamknutost’ i vtoroy syuzhetnyy plan v slavyanskom epose [The plot isolation and the second plot plan in the Slavic epic]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy fol’klor. Sbornik statey [Slavic and Balkan folklore. A collection of articles]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1971. Pp. 75–94. (In Russian)

30. Putilov B. N. Epos i obryad [Epos and Rite]. In: Putilov B. N., ed. *Fol'klor i etnografiya. Obryady i obryadovyy fol'klor [Folklore and ethnography. Rites and ritual folklore]*. Leningrad, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1974. Pp. 7–81. (In Russian)
31. Putilov B. N. *Essays on the Theory and History of the Slavic Epos*. St. Petersburg, Published by Center "Petersburg Oriental Studies", 1999. 288 p. (In Russian)
32. Bogatyrev P. G., ed. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Russian folk poetry]*. 2nd edition. Moscow, 1956. 620 p. (In Russian)
33. Rybakov B. A., Novikova A. M. Byliny. In: Novikova A. M., ed. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Russian folk poetry]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1978. Pp. 198–199. (In Russian)
34. Sadkov korabl' stal na more [Sadko' ship became the sea]. In: Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G., comp. *Novgorodskie byliny [Novgorod epics]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1978. Pp. 212–217. (In Russian)
35. Smirnov Yu. I. *Slavyanskije epicheskie traditsii: Problemy evolyutsii [Slavic Epic Traditions: Problems of Evolution]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1977. 263 p. (In Russian)
36. Smolitsky V. G. Bylina o Dunaye [Bylina about the Danube]. In: Astakhova A. M., ed. *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'. Sbornik statey [Slavic folklore and historical reality. A collection of articles]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1965. Pp. 109–131. (In Russian)
37. Uspensky B. A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey (Relikty yazychestva v vostochnoslavyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo) [Philological investigations in the field of Slavic antiquities (Relics of paganism in the East Slavic cult of St. Nicholas the Wonderworker)]*. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University, 1982. 245 p. (In Russian)
38. Cherdyn'tsev V. V. Cherty pervobytno-obshchinnogo stroya v bylinakh [Traits of the primitive communal system in epic]. *Gde, kogda i kak vznikla bylina? Posmertnyy sbornik [Where, when and how did the epic come about? Posthumous collection]*. Moscow, Editorial URSS, 1998. Pp. 22–23. (In Russian)
39. Cherdyn'tsev V. V. *Russkie epicheskie pesni Karelii [Russian epic songs of Karelia]*. Petrozavodsk, 1981. 310 p. (In Russian)
40. Yudin Yu. I. *Geroicheskie byliny. (Poeticheskoe iskusstvo) [Heroic epics. (Poetic art)]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1975. (In Russian)

*

«Р ИСКНУТЬ МИРОМ ДЛЯ БОГА», ИЛИ ОБ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Исследование выполнено за счёт гранта
Российского научного фонда (проект № 19-18-00100)

УДК 130.2 (091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10206

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Москва

В статье рассматривается религиозно-философское мировоззрение Л. Н. Толстого в контексте понятия анархизма. Сложность проблемы связана с двойственностью позиции Толстого: обличения насилия власти и призыва к непротивлению насилию силой. Первое позволяет увидеть в нём духовного оппозиционера, тотально разоблачающего культуру, науку, политику и право как производное государственной власти. Второе обнажает этическую, духовную и экзистенциальную альтернативу жизни, представленную не только в публицистике, но и в художественных текстах. Способность жить христианскими идеалами не формально, но практически становится заветной мечтой Толстого и одновременно приобретает черты революционного нигилизма в глазах власти и общества. Толстой при этом стоит на позициях философского идеализма, веря в возможность разумного сознания каждого, направленного на ненасильственное преобразование всех.

Ключевые слова: Толстой, христианство, разумное сознание, анархизм, свобода.

S. M. Klimova

National Research University Higher School of Economics, the Russian Government,
Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russian Federation

“RISKING PEACE FOR GOD”, OR TOWARD ANARCHIST IDEAS OF LEO TOLSTOY

The article discusses the religious and philosophical outlook of L. N. Tolstoy in the context of the concept of anarchism. The complexity of the problem is determined by the duality of Tolstoy's position: denouncing the violence of power and calling for non-resistance to force. The first allows one to see him as a spiritual oppositionist who totally condemns culture, science, politics and law as institutions of power. The second exposes an ethical, spiritual and existential alternative to life, presented not only in political essays, but also in literary texts. The ability to practically live by Christian ideals becomes Tolstoy's cherished dream, and at the same time it acquires the features of revolutionary nihilism in the eyes of the government and society. With this, Tolstoy stands on the positions of philosophical idealism, believing in the possibility of everyone's rational consciousness, aimed at the non-violent transformation of all.

Keywords: Tolstoy, Christianity, Intelligent consciousness, Anarchism, Freedom.

КЛИМОВА СВЕТЛАНА МУШАИЛОВНА – доктор философских наук, профессор Школы философии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Москва

KLIMOVA SVETLANA MUSHAILOVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the School of Philosophy,
the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

e-mail: sklimova@hse.ru

© Климова С. М., 2019

Для цитирования: Климова С. М. «Рискнуть миром для Бога», или Об анархических идеях Л. Н. Толстого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 71–84. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10206

«Меня причисляют к анархистам,
но я не анархист, а христианин.
Мой анархизм есть только применение
христианства к отношениям людей.
Тоже с антимилиитаризмом,
коммунизмом, вегетарианством».
Л. Н. Толстой

Введение

Общим местом в исследовательской литературе стало утверждение о мировоззрении Л. Н. Толстого как анархическом [см.: 7; 16; 17; 20] или христианско-анархическом [см.: 18, pp. 22–40; 19, pp. 89–103; 22]. Многие сравнивают его идеи с анархистскими проектами европейских просветителей В. Годвина, Т. Пейна, А. Смита или русских, например, П. А. Кропоткина. Безусловно, в этих теориях много сходного и в критике государства, и в идеалах будущего общества. Например, Кропоткин, подобно Толстому, выступал против государственного насилия и в конечном счёте против террора революционеров. Взаимопомощь и солидарность были для него движущими силами истории. Эти идеалы, как и идея национализации земли, почерпнутая у Дж. Генри, также роднила Кропоткина с Толстым. Но и расхождения между ними были принципиальными.

Толстого анархизм манил и отталкивал. В своих *Дневниках* он неоднократно подчёркивал, что, несмотря на всю привлекательность лозунгов анархизма, для него непримлемы сопряжённые с этим способы решения проблем. Под влиянием американской литературы Толстой пишет: «12 января 1889 – Читал и вчера и нынче книгу об Американском социализме: о двух партиях: интернациональной и социалистической. Анар-

хисты совсем правы, только не в насилии. Удивительное затмение. Впрочем, об этом предмете мне думается, как думалось, бывало, о вопросах религии, то есть представляется необходимым и возможным решить, но решения ещё нет» (13, т. 50, с. 22)¹. Кропоткин в своих размышлениях как будто задаёт ему полемический вопрос о том, как добиться справедливости каким-либо иным способом, кроме революционного, то есть насильственного и агрессивного: «Кто же это должен сделать? Царь? Парламент? Парламент будет победой буржуазии, опять господ. Это может сделать только революция, а тут мы со Львом Николаевичем расходимся» [9, с. 169].

Между тем интерес Толстого не означал его принадлежности к анархическому течению. Толстой принципиально несовместим с любым политическим направлением, тем более связанным с агрессией, переворотами или захватом власти. Иными словами, справедливость, «добытая кровью и жертвами», не привлекала его ни в какой плоскости. Толстой неоднократно подчёркивал этико-религиозную основу своей жизненной позиции. Такая позиция, безусловно, была острополемиической и критической по отношению к власти, но однозначно не была

¹ Далее все ссылки на работы Толстого даются по 90-томному ПСС, в круглых скобках, номер [13], том и страница.

нигилистической или революционной в политическом смысле.

Несмотря на это, до сегодняшнего дня Толстой многими воспринимается как нигилист и критикуется в свете традиционных интеллигентских клише «отца большевизма» [15], «отравителя колодцев жизни» [2], апологета революционной справедливости и «зеркала» политической борьбы начала века [8, с. 206–213]. Несмотря на появившуюся литературу о его революционных взглядах [10], современная интерпретация Толстого в качестве анархиста косвенно подтверждает его «разрушительную роль» в событиях 1917 года, политизируя его религиозно-философские суждения и тем самым уводя от понимания толстовского мировоззрения.

В чём причина такого упорного желания учёных отнести его к лагерю анархистов и описать его сознание в традиционной политологической терминологии? Насколько эти оценки правомерны, зависит от понимания его религиозного учения, философской позиции и правды художественного слова, ярко выражающего убеждения Толстого. Именно они являются базисным основанием для всех остальных интерпретаций, в том числе морального, политического и экономического порядка. Именно они позволяют уточнить ответ на вопрос: был ли Толстой анархистом, и о какой «разновидности» анархизма можно говорить в его случае?

Идеалистическое учение Толстого о государстве и человеке

Тема соотношения правового и этического всегда была в поле зрения Толстого. Ещё в университете, будучи студентом, он пишет учебный трактат, сопоставляя идеи «Духа законов» Монтескьё и «Наказ» Екатерины II. В нём он требует «проверки» всех

правовых законов нравственными выводами. Это требование станет самым важным в его жизни и приведёт к печальному заключению о том, что правовое не выдерживает проверки нравственным ни исторически, ни актуально; общие правила жизни, как и общепринятая культура, – ненадёжные основания для личного совершенства людей. Он не нашёл ни одного государства, которое бы ставило интересы граждан выше интересов власти, где бы политика и этика были тождественны. Поэтому Толстой категорически отвергает все типы государственного устройства, не увидев перспектив и в будущих типах возможного государственного устройства.

Основание для подобного рода выводов лежит в его собственном *представлении о государстве и всех его институтах как о корне и воплощении всеобщего зла*, которое необходимо разрушить¹. Взгляды Толстого с очевидностью демонстрируют соединение двух противоположных тезисов. *Первое* – источник зла в жизни людей лежит в области *легитимных суждений и права*, то есть цивилизации, представленной в насильственных формах государства, культуры, обслуживающей идеологию, церкви, формальном деспотизме законов. *Второе* – искоренение зла связано с *этической и религиозной мыслью* и метанойей чувств и жизни самого субъекта. Речь идёт исключительно о духовном преображении человека, его работе над самим собой, самопознании и устранении внешнего зла в процессе внутреннего его уничтожения. Даже при беглом сопоставлении посылки и вывода мы

¹ Этот парадокс, выраженный в знаменитой формуле *Carthago delenda est*, исследован самим Толстым (см. работы с аутентичным названием в 37 томе). Идеи Толстого о разрушении «Карфагена» попали также в оптику современных исследований [см.: 21, pp. 181–211].

видим, что обличение государства даже косвенно не предполагает призывов к безвластию анархического толка.

Насилие всегда остаётся насилем и злом, чем его ни прикрывай. Оно не только не было приемлемо для Толстого практически, но он не хотел допустить реализации подобной мысли даже гипотетически, в словесном пафосе полемики. М. Гельфонд выделила три определения насилия у Толстого, показала их связь и отличие от феномена зла. Для Толстого все формы насилия – государственное, революционное или личное – тождественны, если действия направлены на принуждение другого [5, с. 251–255].

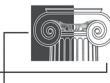
Чтобы государственное зло было разрушено, требуется интеллектуальное и нравственное усилие в понимании каждым человеком не только самого феномена зла, но и способов его преодоления. Человек должен перестать его множить практически, служить насильственному строю вольно или невольно, включаться в агрессивную риторику. Но самое главное, он должен перестать его оправдывать законами необходимости или тотального порядка.

Толстой здесь явно декларирует идеалистический субъективный подход, утверждая идею первичности изменения или преобразования сознания, которое непременно скажется и на изменении жизни в целом. Сознание перейдёт в «дело», то есть идея неучастия во зле станет делом практического отстранения человека от злых дел государства. Когда процесс развития людей дойдет до высшей точки, за которой уже изменение жизни станет необратимым, государство вынуждено будет изменить свою политику в отношении к насилию и агрессии. «Если представить себе прогресс, как движение четверугольного тела посредством двух прикрепленных к двум передним углам постронок, то положение наше теперь подобно

тому, которое приняло бы движимое тело, когда одна сторона продвинулась бы вперед несоразмерно с другой. Делать больше нечего, как продвинуть отставший конец наравне с опередившим ... Продвинувшийся конец **есть разумное сознание** ... Остаётся одно: соответственно сознанию продвинуть действительность» (13, 27, с. 535).

Если мы ищем близких Толстому по духу теоретиков такой позиции, то это, скорее, будут не анархисты, но американские гуманисты XIX века. В основании этой версии гуманизма, как и у Толстого, лежит отрицание каких-либо «общественных» договоров с государством, неприятие идеи «естественного» права государства «присваивать» свободу и совесть человека в обмен на гарантированную собственность и безопасность; для них также было неприемлемо насилие как способ решения любых проблем. Интересно, что Н. Бердяев [3] и Вяч. Иванов [6] замечают, что толстовская религиозность связана с глубоким пониманием американской культуры и желанием «протянуть руку Америке». Важно, однако, то, что сравнение Толстого с Уитменом здесь проводится не в пользу Толстого. «В духовном учительстве Толстого, – пишет Вяч. Иванов, – есть черты англосаксонского проповедничества. В широких просторах Америки, где свой человек такой утвердитель жизни и вместе обесцениватель старых ценностей Уитман, свой человек и отрицатель-обесцениватель Толстой» [6, с. 315]. Это сказано с явным упрёком мыслителю, который не признавал соборность и коллективизм русского народа.

В отличие от устоявшихся клише, встраивающих идеи Толстого в русскую религиозную философию и славянофильство, мы покажем, что духовная мысль Толстого перекликается с социально-гуманистическими и религиозными поисками и Востока,

и Запада. Тем более, «анархизм» Толстого был вдохновлён не анархическим движением в нашей стране, но во многом американскими теориями гражданского неповиновения и личностных свобод. Их политические протесты и были яркими протестами людей, осознающих свою личную ответственность прежде всего *перед собой*, своей совестью за все безобразия политики страны.

Как писал американский писатель и философ, представитель американского трансцендентализма Г. Д. Торо: «лучше подвергнуться наказанию за неповиновение государству, чем подчиниться ему. В последнем случае я бы чувствовал себя ничтожеством» [14]. Торо действительно практически сумел решить важнейшие проблемы своей страны, опираясь лишь на «разумное сознание» – самое мирное «оружие» человека. Это был наглядный пример того, как сознание изменяет бытие практически, как идея может стать движущей силой истории.

Не будучи последовательницей Торо или Ганди, тем не менее в XX веке нечто похожее провозглашала немецко-американская философ Х. Арендт, которая любила повторять мысль Сократа о том, что лучше «несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» [1, с. 110], призывая вернуться к идеалам греческих полисов – очагов непринудительной активности человека, соединённого скрепой личной ответственности перед собой и другими.

Именно этот этический критерий «пассивного неучастия во зле» стал начальным ракурсом изменения взгляда на природу и сущность государства в XX веке. Именно он оказался тем основанием, которое позволило многим людям в постфашистской Германии ответственно осмыслить свою (не)причастность режиму, опираясь не на законы причинности, но на кантовскую деонтоло-

гию, требование остаться человеком вопреки фатальной пред-заданности бытия.

При этом сам Толстой, в свою очередь, стал примером для М. Ганди¹, американского правозащитника XX века М. Л. Кинга, толстовцев, пацифистов, вегетарианцев и многих людей, вовлечённых в практики пассивного гражданского неповиновения антигуманным законам и действиям властей.

Но если его предшественники делали упор на практики общественного поведения и принцип справедливости, требовавший узаконить права всех, то для Толстого важнее всего были субъективные и религиозные основания жизни каждого, в итоге способствующие всеобщему преобразованию и созданию христианского общества, основанного на принципах добровольности, свободы, любви и взаимного служения.

«Анархическое» учение Толстого нельзя понять без его тезиса о человеке, который, в отличие от государства, «от природы добр» и изначально свободен, хотя зачатки извращённого ума есть и у него. Однако зачатки не равны самому злу; разрушительный механизм запускается тогда, когда человек, подчиняясь безличным бюрократическим законам, силе власти (или власти силы), живя по инерции (бездумно), оказывается на грани уничтожения или самоуничтожения. Во многом способствует этому процессу наличная культура, которая, вопреки общепринятому мнению, не является, по Толстому, основательницей или носительницей подлинных ценностей. Напротив, культура, искусство, церковь, наука «обслуживают» государство, закрепляя его статус незыблемого и вечного флага человека человеческой жизни, забирая у человека глав-

¹ Переворотом для М. Ганди стал толстовский трактат «Царство Божие внутри вас», после чтения которого он сформулировал свой знаменитый принцип «ненасильственного сопротивления».

ное – его личное понимание и ответственность за свою жизнь и поступки. Интуитивно Толстой показал некоторые моральные истоки формирования массового сознания и человека в XX веке.

Толстому казалось, что *путь* исправления или развития человека *прост*: он должен начать самостоятельно мыслить и жить, руководствуясь кантовским понятием долга, выйти из состояния «несовершеннолетия». Даже зная существо проблемы и понимая причину зла, человек не имеет право на «клишированность» поступка; каждый раз он должен заново решать, как поступать в каждом конкретном случае. Этот акт в философии традиционно называется мышлением, которое, по Толстому, всегда должно быть согласовано с совестью. Недаром многие видели в его учении «сократический момент культуры» [6]. Подобно Сократу, он «наивничал» (остранялся, по выражению В. Шкловского) по поводу самых сложных вопросов бытия: например, почему христиане живут, не исполняя заповедей Христа, или как поступать при нападении врага на твой дом. Подобно античному философу, он всегда оставался верен себе и голосу Бога «в себе». Решение не может быть дано заранее. Ответа просто нет, пока нет ситуации, в которой только и понимает человек самого себя и мир вне себя.

Нагляднее всего эту мысль Толстой демонстрирует в своих художественных текстах. Его работы наполнены примерами проявления христианской жизни (разумного сознания) в самых тяжёлых условиях существования – на войне («*Хаджи Мурат*»), в плену («*Война и Мир*»), в тюрьмах и на каторге («*Воскресенье*», «*За что?*»), в пространствах внешней несвободы («*Божеское и человеческое*»). Художественное наглядно и образно доказывает то, что противоречиво демонстрирует нам Толстой в своём

учении – способность человека быть настоящим христианином в невыносимых условиях жизни.

В практической же жизни это означало осознанный выбор участия или неучастия в делах, согласных или противных душе человека. Толстой верил в принцип неучастия в государственных институтах, во власти, в его зло-деяниях. И связывал он это не с желанием разрушить *таким способом* государство, но со стремлением спасти самого человека, его подлинное духовное «Я» от удушающей липкой лжи культуры, многочисленных «ширм», условностей, законов и символов, которыми цивилизация заслонила человека от самого себя, невольно превращая его в «автомат» мыслей и действий. Этот тезис стал практическим воплощением толстовского теоретического учения о *непротивлении злу насилием*.

Многие и здесь увидели явный анархический призыв к развалу власти путём пассивного саботажа. Между тем речь идёт всё о той же метанойе, призванной изменить мир в духовном преображении. «Этика Толстого носит радикальный характер и вытекает из метафизики. Именно ориентация на духовный мир делает невозможным примирение с несовершенством мира материального» [12, с. 40]. Человек выходит с одиночным пикетом не потому, что хочет разрушить государство, а потому что стремится отстоять своё исконное право на свободу слова или чувство протеста. Чаще всего мирные демонстрации призваны привлечь внимание на какие-то проблемы, а не свергнуть власть или захватить её. Здравый смысл здесь не лучший помощник понимания ситуации. У государства в руках вся мощь репрессивных средств – у человека лишь способность к самостоятельному мышлению и исконному праву оставаться собой.

Как отмечает американская исследовательница Инесса Меджибовская: «Само-совершенствование структуры должно быть направлено на поиск способа направления структурных потоков вне внутренних и внешних подпорок. Здоровье общественной структуры может быть сохранено необходимыми поправками, которые разумное сознание рекомендует как главный разработчик. Это и есть мирная форма разрушения (государства. – *моё С. К.*) как несправедливого существования, как дисбаланса между сознанием и реальностью, о чём Толстой просит благословения у Бога» [21, p. 185].

Неполитическая политика Толстого

Когда-то Торо задал сакраментальный вопрос: «Восемнадцать столетий назад был написан Новый Завет, но, возможно, у меня и нет права судить об этом, где же тот законодатель, у которого хватило бы ума и таланта использовать свет, отбрасываемый этим Заветом на науку законодательства?» [14]

Таким «законодателем», потребовавшим свет Завета направить на освещение текущей политической жизни, оказался Лев Николаевич Толстой. Он соединил в своём учении критику власти и субъективное исправление собственной жизни и открыл возможность размышлений о феномене *неполитической политики*. Поняв суть его позиции, мы поймём, насколько она соответствует дискурсу анархизма.

Явление неполитической политики, или неполитической власти, находится сегодня в стадии начального изучения. Но уже сейчас ясно, что его можно определить как тип неформального добровольного объединения людей вне государственных институций на основании общих (чаще всего этико-правовых) интересов объединяющейся группы. Для Толстого это был действенный способ представить преимущество мо-

ральных и религиозных суждений человека (жить не по лжи, а по совести) перед легальными формами и законами. Однажды поняв истину «непротivления злу насилием», он никогда ей не изменял в дальнейшем.

Зло государства связано с узакониванием насилия, исторически ставшего легитимным инструментом власти быть «уздой» для всех и каждого и одновременно гипнотическим Левиафаном. Этот гипноз был разоблачён в важнейшем трактате Толстого «Царство Божие внутри вас» (1890–1893). Об этом же он пишет в своих *Дневниках*: «30 апреля. Москва. 89. Встал в 8. Ничего не писал, только просмотрел вчерашнее. Пошёл к солдатам. [...] Думал: вот семь пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман суеверия, траты. 2) Войско, разврат, жестокость, траты. 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза. 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города. 5) Фабрики – убийство жизни. 6) Пьянство. 7) Проституция» (13, 50, с. 76).

Но вот интересный поворот. От интимной записи, публичного слова осуждения, трактата о неучастии во «зле» он переходит к его *носителям* в своих письмах «во власть». Например, в письме 1902 года к Николаю II он пишет о том же, о чём шла речь в «Царстве Божиим внутри вас». Но зачем он обратился к самодержцу со словами о недопустимости самодержавия, к «олицетворению зла» со словами его изобличения? Его письма, безусловно, мирная акция протеста, попытка разумного предотвращения грядущего насилия, в том числе и над самодержцем. Не признавая власть, он пытается с ней разговаривать. И это не совпадает с оппозиционными протестами либералов, которым он не сочувствовал, ибо их обращение к власти было построено на языке требований либерализации законов. Тем более – это не ультиматум радикалов, которые

не готовы договариваться ни в каких формах, кроме террористических. Толстой пытается выстраивать диалог с властью, пробуждая в царе человека-христианина.

В указанном письме он делает всё возможное, чтобы убедить Николая II поразмыслить, обратиться к совести, к самому себе. Он постоянно напоминает царю о том, что тот всем людям – брат во Христе, что он не просто символ власти, но и реальный со-работник Бога. Потому Толстой и настаивает на добровольном отказе от власти путём сознательной демократизации и реформирования России, уничтожения «права земельной собственности», уравнивания людей в свободах. Он ищет слова-предупреждения грядущего кровопролития и насилия, рекомендаций к спасению страны и отдельно человека – Николая II. Он взывает к кантианской доброй воле Николая, веря в победу этики должностования над этикой ответственности. Эти меры «... несомненно уничтожат всё то социалистическое и революционное раздражение, которое теперь разгорается среди рабочих и грозит величайшей опасностью и народу, и правительству ... Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но ещё больше Ваша ответственность перед Богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь...» (13, 73, с. 190).

Письмо-акция написано за три года до первой революции. Оно было воспринято властью как чудачество писателя. Власть боялась «юридически» трогать Толстого (что его даже раздражало) и предпочитала просто игнорировать его слова, используя своё вечное клише о «сумасшествии» выжившего из ума гения.

Моральным основанием для написания этого письма стало толстовское требование

«говорения правды» перед лицом верноподданной лжи окружающих царя исполнителей, а фактически – творцов убийственных законов. Казалось бы, ничего не изменилось после протестов и воззваний Толстого. Между тем изменилось очень многое. В его наивности было столько правды, что после его обращения нельзя было жить по-прежнему. Нужно было или согласиться, или полностью опровергнуть.

«Опровержение Толстого», без сомнения, более умными оппонентами¹, часто подаётся без учёта разоблачения им лжи существования зла, рядящегося в одежды добра. Самоочевидную мысль о том, что нельзя жить вне государства, власть облекает в ложный вывод о том, что нельзя жить без *наличного* государства. Сам факт человека, облечённого властью, становится способом его легитимного права на «истину в последней инстанции». Толстой подвергал сомнению именно эту посылку оправдания «статусом» и законом необходимости, ибо она стала способом оправдания бюрократической системы в целом и любого беззакония «святостью законов» системы и её носителей.

С одной стороны, Толстой был уверен, что народ, который потерял уважение к власти, одновременно перестал верить в необходимость «какого бы то ни было правительств» (13, 38, с. 165). И кажется, что это – почти революционный приговор.

С другой стороны, это неуважение родилось из-за агрессивной и злой природы государства, самое себя обрекающего на

¹ Эти слова звучат без иронии, но с грустью. Хочу напомнить высказывание В. Анисимова, который написал в газете «Вечер» (28 августа 1908 года) статью «Три лика», в которой с горечью заметил, что педагогическая, военная и бюрократическая интеллигенция всегда ставила двойки Л. Н. Толстому за «глупость» и «незнание предмета».

разрушение (*Carthago delenda est*). Однако, несмотря на страстный и негативный в отношении к государству тон, выводы Толстого всегда аполитичны: «человек на все предъявляемые к нему требования правительства всегда отвечает только одно: “Со мной, – отвечает такой человек, – можете, пока сила в ваших руках, делать, что хотите, записать, сослать, казнить. Я знаю, что не могу противиться вам и не буду, но знаю и то, что не могу и не буду также и участвовать во всех дурных делах ваших, чем бы вы ни оправдывали, ни прикрывали их и чем бы ни угрожали мне”» (13, 38, с. 168–169). Эти слова, почти дословно повторяют идею Торо о «неповиновении-неучастии» и заставляют задуматься, каким образом можно соединить личное неучастие и категорическое требование «разрушить Карфаген», чтобы разрушение не стало насилием или (само)уничтожением, а было восстановлением достоинства человека перед лицом Левиафана. Возможный ответ может прояснить и природу толстовского анархизма.

В конце жизни Толстой всё больше сомневался в том, что у человека есть шанс на безгосударственное существование. В *Дневниках* 1889 года он писал: «Читал об Америке, Duc de Noailles. Взгляды самые дикие, но в связи со статьёй Добровольского описание несправедливостей демократии заставило думать: Ну, хорошо, ну, не будет договора, не будет правительство поддерживать прав, что ж будет? Люди или по привычке будут стремиться к установлению этих прав насилием, или просто будут делать то, что они делают и делали, отстаивать насилием свои выгоды, продолжительность исключительного владения (собственность) и будут придумывать для неё оправдания. Будет хуже (курсив мой. – С. К.). Правда ... Договор и собственность есть ложь. Но как освободиться от нее? ... *Политического из-*

менения социального строя не может быть (курсив мой. – С. К.). Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путём пойдет это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы всё знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только не для себя» (13, 50, с. 41–42).

Так что же делать?

После первой революции Толстой с отчаянием начинает понимать почти необратимое дело зла, совершённое революционерами и властью. И зло это стало практически, в том числе и потому, что царская власть не сделала никаких выводов, продолжая политику репрессий и угнетения своего народа.

Тем не менее Толстой до конца жизни надеялся, что всё можно поправить усилием сознания, доброй волей, энергией заражения, даже если кажется, что всё безнадежно упущено. Вот *запись от 15 февраля 1909 года*: «3) Религиозно нравственное положение народа ужасно, как будто нет выхода. Но он есть, только во времени. Наелся дурной, вредной пищи или напился пьян, и мучаешься, и кажется, что нет выхода, потому что *сейчас* действительно нет выхода, но выход есть. Желудок переварит, организм переработает, так и в этом. 4) Какое ужасное зло сделано революционной литературой: указать прежде не сознаваемое, спокойно переносимое зло и предложить, как единственное средство избавления, средство, не избавляющее, а увеличивающее зло – это ужасно жестоко. И это самое сделано революционерами с народом» (13, 57, с. 26). Похоже, что это было окончательное избавление от просветительских иллюзий. Тем не менее он до конца боролся за человека.

Толстой не только не анархист, он разоблачитель революционеров, которые без-

нравственно пробудили инстинкты народа, но не с целью исправления зла в себе, а с целью его закрепления в других формах насилия. Он прекрасно понимал, что революционеры установят другую власть насилия, и свободы не будет. Но он надеется всё же на победу человека над безумием насилия.

Революционной справедливости Толстой противопоставляет народную правду. Он до конца верил, что русский народ будет спасён за все страдания не социальными переворотами и встречным социальным насилием, но по-христиански, отступая от политических проектов всеобщего счастья в со-работничестве с Богом, добровольно реализуя его практический замысел.

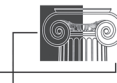
У Толстого были идеи, сближающие его с проектами неполитической жизни. Жизнь по-божьи – значит противоположно политическим союзам, кружкам и партиям. В истинном понимании христианства, по Толстому, заложена альтернатива искусственному объединению и насильственно обретаемому счастью в коллективах. «Вместо угроз наказания за неисполнение правил, которые выставлялись прежними законами, как религиозными, так и государственными, вместо приманки наград за исполнение их, учение это призывало к себе только тем, что оно истина ... Исполнение учения – только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему – подражания Христу, и внешнему – *установления царства божия* (курсив мой. – С. К.). Больше или меньше благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения» (13, 28, с. 41).

В контексте сказанного можно предположить, что под «царствием Божиим» следует понимать не соборное, всеединое, небесное или коммунистическое объединение, но

добровольное собрание отдельных людей, связанных христианским образом жизни и христианскими ценностями. Это – союзы, отделённые от государственных форм и созданные по «англосаксонским образцам», схожие по наполнению с американскими движениями за трезвость, против войн, рабства, репрессивных пенитенциарных практик, смертной казни. Союзы, которые основаны на нравственной жизни «вокруг Христа», должны были формироваться не насильственно или искусственно, но естественно, в исконном стремлении человека менять себя и на основе тяги одного человека к другому, благодаря «заразительным примерам всей жизни людей» (13, 26, с. 450). Христос и его жизнь становятся для Толстого критерием отличия истинного от ложного, этического от легитимного.

1888 и 1889 годы, когда идеи нового христианства обретают свою объединительную полноту, становятся самыми продуктивными в наследии Толстого. «Закончены “Крейцера соната” и “Плоды просвещения”, написан “Дьявол”, начато “Воскресение” и на том же гребне художественной волны создан в самом начале 1890 года первый черновик повести “Отец Сергей”» [9]. Этот подъём оказался связан и с кругом чтения того периода. Заглянув в *Дневники*, узнаём, что Толстой читает в это время один известный американский журнал. Любопытна запись от 2, 3, 4 января 1889 года, после ежедневного чтения американского журнала “Advance Thought”: «мысли шевелятся» (8, 50, с. 20). Ещё любопытнее запись от 4 января: «Поздно встал, читал Advance Thought и думал. Кажется, уяснил себе, что *должен* я написать “пришествие царствия” и, если потянет, то могу писать начатое и другое» (13, 50, с. 20).

Под влиянием идей американских гуманистов и при отстаивании христианско-

го мировоззрения, Толстой и его последователи создали проект формирования негосударственных способов объединения, которые можно на языке религии назвать «христианское братство», а на языке политической культуры представить как «прообразы» гражданских союзов неполитического объединения людей. Важнейшими стали повседневные практики жизни, направленные не на завоевание (власть), а на утверждение общественно значимых человеческих ценностей. Имея в своей основе религиозные мотивы спасения отдельного «Я», они, однако, стали основой создания таких общих движений, как вегетарианство, пацифизм, борьба за отмену смертной казни и т.д.

Прообразы гражданских союзов весьма оригинально представлены в художественном творчестве Толстого. Здесь они связаны не с политической, но с *экзистенциальной оппозицией* государству ряда обществ, субкультур и даже народов в России в то время. Они возникают внутри государственной системы, существуют по её законам, но живут (насколько возможно) – по законам христианской жизни (любви, братства, дружбы), в состоянии внутренней свободы (выбора). Например, жизнь угнетённых народов Кавказа; солдатский и офицерские «миры» людей, оторванных от «внешнего мира» во время баталий и походов; жизнь заключённых на каторгах, в тюрьмах и т.д. – представляют собой пограничные миры, в которых проявляется новое – *полемическое* (Хайдеггер) – состояние жизни. Они «условно»-анархичны (парадоксально свободны от цивилизационных условностей) и противоположны заданным рамкам культуры, законам, безличным правилам жизни в государстве. В статусе «свободных» люди оказываются именно здесь – в самых несвободных состояниях и локу-

сах; в остальных они предельно зависимы от государственной системы и власти [23]. Именно в этих пространствах появляется возможность проявить самостоятельность мысли, поступка или нравов. Война, каторга, борьба за выживание ставят человека по ту сторону общепринятых правил и готовых знаний. Только за пределами большого «мира» (светской культуры) человек проявляет свою подлинную сущность. Художественное наглядно доказывает то, что противоречиво демонстрирует нам Толстой в своём учении – способность человека быть христианином в невыносимых условиях жизни.

Заключение

Размышляя о жизни человека вне принуждения властью, Толстой реализовывает свои доминантные идеи о диалектике свободы и необходимости. Свобода – это содержание жизни каждого, а необходимость – форма, в которую облечена жизнь всех. Анархия как квинтэссенция индивидуальной свободы может у Толстого обрести лишь характер морального выбора как жить и что делать человеку, знающему, что его жизнь всецело в руках Бога. Его анархизм нельзя подвести под какую-то политическую систему или учение, кроме субъективистского и практического христианства.

Толстой не любит государство очень по-русски. Пояснить это легко словами Николая Бердяева: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире ... Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа» [2, с. 4]. Здесь речь идёт о вечно критическом в русской душе по отношению к любой власти, о русской оппозиционности официальной идеологии

при любых законах и управлении. При этом Толстой далёк от разрушения власти каким-либо иным способом, кроме внутренней работы человека с самим собой за спасение своей души. Можно сказать, что на этой почве он вступил в неравный бой со всей государственной системой – её культурой, литературой, религией и наукой. Всем утилитарным ценностям внешней жизни он противопоставляет самоценность внутреннего усовершенствования, нравственного

роста человека. В этой заботе о себе и противопоставлении миру он отчаянно ригористичен; в этом и проявляется его подлинный персоналистический анархизм. Саморазвитие – то, что выводит человека за пределы своего животного «Я» в мир другого – мир любви, братства, взаимопомощи, мир Бога. «... Каждый из нас живёт только в той мере, в какой устанавливает Царство божие вне себя и совершенствует себя внутри себя» (13, 18, с. 184).

Примечания

1. Арендт Х. Некоторые вопросы моральной философии // Ответственность и суждение / перевод с английского Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 83–205.
2. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины : Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. Москва ; Петроград, 1918. С. 123–139.
3. Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом : сборник статей / сост. С. М. Романов ; ред. В. И. Толстой. Тула : Изд-во Ясная Поляна, 2002. С. 362–383.
4. Бердяев Н. А. Судьба России / [послел. К. Ковалева]. Москва : Советский писатель, 1990. 346 с.
5. Гельфонд М. Л. Сила зла и зло силы. (Проблема соотношения понятий зла и насилия в нравственно-религиозном учении Л. Н. Толстого) // Лев Николаевич Толстой / ред. А. А. Гусейнов, Е. П. Щедрина. Москва : Политическая энциклопедия, 2014. С. 248–277. (Философия России первой половины XX века).
6. Иванов Вяч. И. Лев Толстой и культура // Русские мыслители о Льве Толстом : сборник статей / сост. С. М. Романов ; ред. В. И. Толстой. Тула : Изд-во Ясная Поляна, 2002. С. 309–322.
7. Кропоткин П. А. Моральный выбор Толстого // Русская литература. Идеал и действительность : Курс лекций / [пер. с англ. В. Батурина]. Москва : Век книги, 2003. С. 317–330.
8. Ленин В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полное собрание сочинений : в 55 томах. Москва : Издательство политической литературы, 1968. Том 17. С. 206–213.
9. Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904–1910 : «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого : в 4 книгах / ред. В. Р. Щербина (гл. ред.). Москва : Наука, 1979. Книга II.
10. Опунская Л. Д. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1889 год. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/opunskaia-materialy-1886-1892/1889-god-tvorcheskogo-podema.htm>
11. Петровицкая И. В. Лев Толстой – публицист и общественный деятель. Москва : Икар, 2013. 630 с.
12. Прокопчук Ю. В. Мироззрение Л. Н. Толстого и духовно-мистическая философия П. П. Николаева. Москва : Проспект, 2016. 270 с.
13. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах / под общ. ред. В. Г. Черткова. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1934–1958.
14. Торо Г. О гражданском неповиновении. URL: http://lib.ru/INPROZ/TORO/s_nepowinowenie.txt
15. Франк С. Л. De profundis // Из глубины : Сборник статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. Москва ; Петроград, 1918. С. 307–320.
16. Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма / пер с нем. Б. М. Яковенко. Москва : АСТ, 2009. 351 с.
17. Биек О. Leo Tolstoj. *Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand*. Berlin, 1905. 125 s. (In Deutsch)
18. Christoyannopoulos A. Leo Tolstoy on the State: a Detailed Picture of Tolstoy's Denunciation of the State Violence and Deception. *Anarchist Studies*. 2008, vol. 16, № 1. Available at: <https://www.questia.com/library/p150825/anarchist-studies/i2505055/vol-16-no-1-2008> (In English)

19. Guseinov A. A. Faith, God and nonviolence in the teaching of Leo Tolstoy. *Russian Studies in Philosophy*. 1999, no. 38 (2), pp. 89–103.
20. Hopton T. Tolstoy, God and Anarchism. *Anarchist Studies*. 2000, no. 8, pp. 27–52. (In English)
21. Medzhibovskaya I. Three attempts on Carthage: Tolstoy's designs of Nonviolent Destruction. *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 180–212. (In English)
22. Morris B. *Tolstoy and Anarchism (Spunk Library)*. Available at: <http://www.spunk.org/library/pubs/freedom/ravcn/sp001746.html> (In English)
23. Orwin D. T. What is Good According to Tolstoy? And How Good Can I be? *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 37–53. (In English)

References

1. Arendt H. [Arendt Hannah] Nekotorye voprosy moral'noy filosofii [Some questions of Moral philosophy]. In: *Otvetstvennost' i suzhdenie [Responsibility and Judgment]*. Moscow, Gaidar Institute Press, 2013. Pp. 83–205. (In Russian)
2. Berdyaev N. A. Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. In: Askoldov S. A., Berdyaev N. A., Bulgakov S. A., etc. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]*. Moscow, Petrograd, 1918. Pp. 123–139. (In Russian)
3. Berdyaev N. A. Vetkhiy i Novyy Zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo [Old and New Testament in Tolstoy's religious mind]. In: Romanov S. M., comp., Tolstoy V. I., ed. *Russkie mysliteli o L'Ve Tolstom. Sbornik statey [Russian thinkers about Leo Tolstoy. A collection of articles]*. Tula, Publishing house "Yasnaya Polyana", 2002. Pp. 362–383. (In Russian)
4. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]*. Moscow, Publishing house "Soviet writer", 1990. 346 p. (In Russian)
5. Gelfond M. L. Sila zla i zlo sily. (Problema sootnosheniya ponyatiy zla i nasiliya v npravstvenno-religioznom uchenii L. N. Tolstogo) [The Power of Evil and Evil of Power (The problem of the correlation of notions of evil and a violence in the moral and religious teaching of Leo Tolstoy)]. In: Guseynov A. A., Shchedrina E. P., eds. *Lev Nikolaevich Tolstoy*. Moscow, ROSSPEN Publishers, 2014. Pp. 248–277. (In Russian)
6. Ivanov Vyach. I. Lev Tolstoy i kul'tura [Leo Tolstoy and Culture]. In: Romanov S. M., comp., Tolstoy V. I., ed. *Russkie mysliteli o L'Ve Tolstom. Sbornik statey [Russian thinkers about Leo Tolstoy. A collection of articles]*. Tula, Publishing house "Yasnaya Polyana", 2002. Pp. 309–322. (In Russian)
7. Kropotkin P. A. Moral'nyy vybor Tolstogo [Tolstoy's Moral choice]. In: Kropotkin P. A. *Russkaya literatura. Ideal i deystvitel'nost'. Kurs lektsiy [Russian literature. Ideal and reality. A course of lectures]*. Moscow, Publishing house "Vek knigi", 2003. Pp. 317–330. (In Russian)
8. Lenin V. I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii [Leo Tolstoy as a mirror of the Russian Revolution]. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy. V. 55 tomakh, tom 17 [Full composition of writings, in 55 vol., vol. 17]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1968. Pp. 206–213. (In Russian)
9. Makovitsky D. P. *U Tolstogo, 1904–1910: "Yasnopolyanskiye zapiski" D. P. Makovitskogo. V. 4 knigakh, kniga 2. [At Tolstoy, 1904–1910: "Yasnaya Polyana notes" by D. P. Makovitsky. In 4 books, book 2]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1979. (In Russian)
10. Opul'skaya L. D. *L. N. Tolstoy. Materialy k biografii s 1886 po 1889 god [L. N. Tolstoy. Materials to the biography from 1886 to 1889 year]*. Available at: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/opul'skaya-materialy-1886-1892/1889-god-tvorcheskogo-podema.htm> (In Russian)
11. Petrovitskaya I. V. *Lev Tolstoy – publitsist i obshchestvennyy deyatel' [Leo Tolstoy-publicist and public figure]*. Moscow, Publishing house "Ikar", 2013. 630 p. (In Russian)
12. Prokopchuk Yu. V. *Mirovozzrenie L. N. Tolstogo i dukhovno-monisticheskaya filosofiya P. P. Nikolaeva [The Worldview of L. N. Tolstoy and the Spiritually Monistic Philosophy of P. P. Nikolaev]*. Moscow, Publishing house "Prospekt", 2016. 270 p. (In Russian)
13. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy. V. 90 tomakh [Full composition of writings, in 90 vol.]*. Ed. by Chertkov V. G. Moscow, Leningrad, Publishing house "Imaginative literature", 1934–1958. (In Russian)

14. Toro G. *O grazhdanskom nepovinenii [Civil disobedience]*. Available at: http://lib.ru/INPROZ/TORO/s_nepowinowenie.txt (In Russian)
15. Frank S. L. De profundis. In: Askoldov S. A., Berdyaev N. A., Bulgakov S. A., etc. *Iz glubiny: Sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]*. Moscow, Petrograd, 1918. Pp. 307–320. (In Russian)
16. Eltsbakher P. *Anarkhizm. Sut' anarkhizma [Anarchism. The essence of Anarchism]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2009. 35 p. (In Russian)
17. Вiek O. Leo Tolstoi. *Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand*. Berlin, 1905. 125 s. (In Deutsch)
18. Christoyannopoulos A. Leo Tolstoy on the State: a Detailed Picture of Tolstoy's Denunciation of the State Violence and Deception. *Anarchist Studies*. 2008, vol. 16, № 1. Available at: <https://www.questia.com/library/p150825/anarchist-studies/i2505055/vol-16-no-1-2008> (In English)
19. Guseinov A. A. Faith, God and nonviolence in the teaching of Leo Tolstoy. *Russian Studies in Philosophy*. 1999, no. 38 (2), pp. 89–103.
20. Hopton T. Tolstoy, God and Anarchism. *Anarchist Studies*. 2000, no. 8, pp. 27–52. (In English)
21. Medzhibovskaya I. Three attempts on Carthage: Tolstoy's designs of Nonviolent Destruction. *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 180–212. (In English)
22. Morris B. *Tolstoy and Anarchism (Spunk Library)*. Available at: <http://www.spunk.org/library/pubs/freedom/ravcn/sp001746.html> (In English)
23. Orwin D. T. What is Good According to Tolstoy? And How Good Can I be? *Tolstoy and Spirituality*. Ed. P. Cicovacki, H. N. Grek. Boston, 2018. P. 37–53. (In English)

*

ДВА ВЗГЛЯДА НА ДИАЛЕКТИКУ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ: ЕВРАЗИЙЦЫ 1920-х ГОДОВ И М. А. ЛИФШИЦ

УДК 1(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10207

Р. Р. Вахитов

Башкирский государственный университет

Статья посвящена концепциям евразийцев 1920-х годов (П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского, Н. Н. Алексеева) и советского философа М. А. Лифшица, в которых взаимосвязь восточного и западного в русской культуре рассмотрена в качестве диалектического единства. Особое внимание уделено соотношению патриархальной религиозности народа и атеизма и материализма русской западной интеллигенции. Согласно концепции евразийцев, в русской культуре можно выделить архаическую веру русских крестьян (вера без знания) и соединённую с научным мировоззрением веру религиозной интеллигенции в лице славянофилов и В. С. Соловьёва (единство веры и знания). Противоположный культурный мир – это мир знания без веры в лице либералов, и даже марксистов-«меньшевиков», с их «теплохладным» отношением к этическим ценностям и признанием относительности истины. Особое место занимают атеисты и материалисты революционного направления, у которых культ знания противоречиво соединяется с верой в абсолютные ценности, но в безрелигиозной форме. Мих. Лифшиц как марксист связывает высший органический синтез науки и безрелигиозной веры в абсолютные ценности с линией, идущей от Чернышевского к Ленину. Евразийцы видят в ленинизме извращённое сочетание веры и знания, в противоположность органическому единству веры и знания, а значит, восточного и западного в русской культуре у славянофилов и В. С. Соловьёва. Этим определяется их оценка Октябрьской революции и дальнейшего развития России, в котором евразийцы предполагают очередной рывок – от «фидеистического марксизма» к православно-евразийской идеологии в советской России.

Ключевые слова: евразийцы, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, М. А. Лифшиц, русская культура, Запад, Восток, вера, разум.

R. R. VakhitovBashkir State University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
Zaki Validi str., 32, 450074, Ufa, The Republic of Bashkortostan, Russian Federation

TWO VIEWS ON THE DIALECTIC OF RUSSIAN CULTURE AND HISTORY: EURASIANS OF THE 20S AND M. A. LIFSHITS

The article is devoted to the concepts of the Eurasians of the 1920th (P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy, P. P. Suvchinsky, N. N. Alekseev) and the Soviet philosopher M. A. Lifshits, in which the relationship

ВАХИТОВ РУСТЕМ РИНАТОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета
VAKHITOV RUSTEM RINATOVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, the Faculty of Philosophy and Sociology, the Bashkir State University

e-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

© Вахитов Р. Р., 2019

of Eastern and Western in Russian culture is considered as a dialectical unity. Special attention is paid to the relationship between the patriarchal religiosity of the people and the atheism and the materialism of the Russian Westernist intelligentsia. According to the concept of Eurasians, in the Russian culture one can distinguish the archaic faith of Russian peasants (faith without knowledge) and the faith of religious intelligentsia in the person of the Slavophiles and V. S. Solovev (unity of faith and knowledge). The opposite cultural world is a world of knowledge without faith in the face of liberals, and even Marxist “Mensheviks”, with their “lukewarm” attitude to ethical values and the recognition of the relativity of truth. Atheists and revolutionary materialists, in whom the cult of knowledge is controversially combined with a belief in absolute values, but in a non-religious form, occupy a special place. As a Marxist, Lifshits connects the highest organic synthesis of science and non-religious belief in absolute values with the line from Chernyshevsky to Lenin. Eurasians see in Leninism a perverse combination of faith and knowledge, as opposed to the organic unity of faith and knowledge, which means Eastern and Western in Russian culture, among Slavophiles and V. S. Solovev. This determines their assessment of the October Revolution and the further development of Russia, in which Eurasians assume another breakthrough – from “fideistic Marxism” to Orthodox-Eurasian ideology in Soviet Russia.

Keywords: Eurasians, P. N. Savitsky, N. S. Trubetskoy, M. A. Lifshitz, Russian culture, West, East, faith, reason.

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Два взгляда на диалектику русской культуры и истории: евразийцы 1920-х годов и М. А. Лифшиц // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 85–96. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10207

Наличие в русской культуре, наряду с элементами культур европейских народов, особенностей цивилизаций Востока отмечали многие. Сегодня, как сто и даже двести лет назад, это связывают с пониманием настоящего и будущего нашей страны. Но попыток показать, как именно соотносятся и взаимодействуют восточный и западный элементы нашей культуры и истории, было, увы, немного. Наиболее внушительны, по нашему мнению, лишь две. Первую предприняла группа эмигрантских учёных-гуманитариев, назвавших себя евразийцами (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. П. Карсавин, П. П. Сувчинский, Н. Н. Алексеев и другие). В 1920-х годах они выступили в печати русского зарубежья с сериями статей, сборников и книг, в которых рассматривали различные аспекты русской культуры, экономики, политики, истории.

Вторую, на наш взгляд, продуктивную попытку решения этой проблемы предпринял советский философ-марксист Михаил

Александрович Лифшиц (1905–1983). В 1943 году он выступил с циклом лекций о русской культуре, которые были опубликованы лишь после его смерти. В них он подробно рассмотрел диалектику азиатских и европейских элементов русской дореволюционной и послереволюционной культуры [2]. Однако различные идеи подобного рода разбросаны по всем его работам, начиная с самых ранних, написанных в конце 1920-х годов, и кончая последними, датированными началом 1980-х.

Следует отметить то, что и евразийцы, и Мих. Лифшиц были диалектиками. Все они указывали на диалектические взаимопревращения и синтез восточного и западного начал в развитии русской культуры, особенно в высшей точке русской истории, какой была Октябрьская революция 1917 года.

Восточный и западный элементы русской культуры имеют разные проявления и взаимопереходы. Возьмём для примера два.

С одной стороны, это религиозность как специфическая черта русского простонародья петербургского периода, что характерно для типичных «восточных», традиционных обществ. А с другой стороны, материалистические убеждения русской революционной интеллигенции – своего рода авангарда западничества в русском обществе XIX – начала XX века. Возможен ли между этими элементами русской жизни и культуры синтез и какого рода? Какой ответ на этот вопрос дают евразийцы, какой ответ даёт Мих. Лифшиц? И что в итоге для нас проясняется в судьбе России в XX веке?

Евразийцы о диалектике западного и восточного начал в русской культуре, интеллигенции и революции

Евразийцы 1920–1930-х годов, вслед за славянофилами, указывали на то, что в результате реформ Петра I русские разделились на два слоя, между которыми образовался «трагический разрыв». Первый слой – подавляющее большинство, народ, который практически не был затронут реформами и сохранил формы старой московско-византийской культуры. Второй слой – образованное меньшинство, прежде всего – представители государства и интеллигенция, которые перенимали черты европейской культуры и цивилизации, но зачастую внешние и поверхностные.

Собственно, в этой констатации ничего оригинального нет. Но новаторство евразийцев было связано с тем, что исконная московско-византийская культура, согласно их убеждениям, по многим своим интенциям была близка культурам туранских народов Евразии, или, проще говоря, культурам народов Востока.

Таким образом, разрыв между европеизированной верхушкой и патриархальным

простонародьем оказывался противостоянием европейской и азиатской культур. Евразийцы в своей декларации 1926 года с сочувствием приводят мнения иностранцев о русской исконной культуре: «... иностранцы (европейцы. – *Р. В.*) не смешивают русскую культуру ни с европейской, ни со славянством. Они воспринимают Москву, русский быт, русское искусство, русский психический уклад как “Азию”, хотя, конечно, отличают эту “Азию” от Индии или Китая. Для иранцев же русские – преемники Турана» [8, с. 38].

Одной из важных особенностей, сближающей русских с народами Востока, и прежде всего с туранцами, евразийцы считали религиозность: «Славянофилы правы, поскольку связывают проблему культуры с религией и русскую культуру – с судьбами Православия» [6, с. 38], и далее: «Евразийский (русский. – *Р. В.*) традиционализм особенный ... Ему ценна лишь живая и абсолютно значимая форма. А есть ли такие формы вне истинной религии? ... евразиец ... и ценит традицию, как родственный ему туранец ... и остро ощущает её относительность ...» [8, с. 42–43]. Иначе говоря, согласно евразийцам, для русских, пока европеизация не насадила среди них атеизм и материализм, всегда была свойственна тяга к абсолютному, выражающаяся в религиозности, причём такой, что она может поколебать традиционализм, общий для всех народов Востока.

Один из главных идеологов евразийства Петр Николаевич Савицкий различает культурные миры России петербургского периода именно по отношению к религии. Первый мир – это русский народ, оставшийся верным православию, и «истинно народная» линия в среде европеизированной интеллигенции, представленная славяно-

филами, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, В. С. Соловьёвым. Вот он – синтез восточного и западного начал в той части религиозной интеллигенции, которая была далека от революции. Савицкий пишет о ней: «В русском XIX веке явственно различимы два обособленных преемства. Одно обнимает занимающуюся в 30–40 годах зарю русского религиозного творчества. Рождаясь из недр некоего древнего духа, с трудом преодолевая покровы окружающей среды, религиозное озарение вспыхивает в позднем Гоголе, славянофилах ... Брезжащий свет разгорается в творчестве Достоевского, Владимира Соловьёва и тех, кто был и есть с ними. Как наследие XIX века, Россия обретает достояние нравственно-совестной и богословской мысли, достояние, поистине составляющее в выборе и сопоставлении – канон книг русских учительных ...» [8, с. 113–114].

Противостоящий первому второй культурный мир дореволюционной России – это мир интеллигентов-западников, просветительских деистов и материалистов, революционных демократов XIX века, а также следующих за ними марксистов. Это линия, представленная А. Н. Радищевым, Н. Г. Чернышевским, Д. И. Писаревым, М. И. Михайловским, В. И. Лениным: «... иное преемство, сказывающееся в судьбах русской культуры: преемство, начатое просветителями – обличителями XVIII и первой половины XIX века, идущее через Добролюбова, Писарева, Михайловского к просветителям-правителям большевистской эпохи; преемство позитивного мировоззрения, идолопоклонства “науке”, преемство не скепсиса только, а “нигилизма” в отношении к “вненаучным” началам человеческого бытия; преемство не улыбки авгуров, но громкого смеха кощунственных» [8, с. 114].

По мнению евразийцев, атеистически настроенные интеллигенты – воплощение западничества, и в этом качестве они закономерно двигаются в сторону революции. В самой русской европеизированной интеллигенции евразийцы обнаруживают два мира. В самой интеллигенции это противостояние «исконного», восточного, религиозного полюса русской дореволюционной культуры и заимствованного, западнического, связанного с атеизмом и материализмом. Савицкий подчёркивает полную противоположность этих миров: «Скажут, быть может: “два различных направления общественной мысли”; сказав, ошибутся: не два направления, но два разных исторических образования, два отдельных исторических мира!» [8, с. 114].

Вместе с тем П. Н. Савицкий как идеолог евразийства указывает на удивительное диалектическое превращение одного полюса в другой, причём в тот самый момент, когда один из них, да ещё и тот, который вызывает у Савицкого неприязнь и отторжение, казалось бы, окончательно победил. Речь идёт о победе социалистической революции в России, которая, на первый взгляд, вроде бы воплотила замыслы революционной части западнической интеллигенции. Тем не менее Савицкий пишет: «В качестве попытки сознательного осуществления коммунизма, этого отпрыска “европейских развитий”, русская революция есть вершина, кульминационный пункт ... В то же время в судьбах русской революции обнаруживается величайшая *contradiction historique*¹: построенная в умысле как завершение “европеизации” революция, как осуществление фактическое, означает выпадение России из рамок европейского бытия» [8, с. 116].

¹ *Contradiction historique* – историческое противоречие (лат.).

При этом о «выпадении России из европейского бытия» в результате большевистской революции Савицкий писал весьма показательно и ранее, в статье «Поворот к Востоку»: «Россия перед войной и революцией “была современным цивилизованным государством западного типа, правда, самым недисциплинированным и беспорядочным из всех существующих” (Г. Д. Уэльс). Но в процессе войны и революции “европейскость” России пала, как падает с лица маска. И когда мы увидели образ России, не прикрытый тканью исторических декораций, – мы увидели Россию двуликой ... Одним лицом она обращена в Европу, как европейская страна ... Но другим ликом она отвернулась от Европы ... Уэльс рассказывает, что “Горького гнетёт, как кошмар, страх перед поворотом России к Востоку ...”. “России к Востоку”. Но сама Россия не есть ли уже “Восток”?...» [8, с. 136].

Н. С. Трубецкой в «Наследии Чингисхана» указывает на то же самое: «Как это ни странно, но именно теперь, когда правительство России прилагает все усилия к тому, чтобы привить России мировоззрение, созданное типичными представителями европейского духа ... несмотря на это, стихийное национальное своеобразие и неевропейское, полуазиатское лицо России-Евразии более чем когда-либо выступает наружу. Проступает наружу, “прёт из всех щелей”, несмотря на всю интернационалистическую и противонационалистическую декорацию ... Россия подлинная, Россия историческая, древняя ... настоящая русско-туранская Россия-Евразия...» [9, с. 286].

Итак, согласно Савицкому и Трубецкому, революция, которую возглавили большевики, являет собой кульминацию развития западнической линии в русской культуре, которая начинается с Петра I и идёт

через русских просветителей XVIII века, через революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Д. И. Писарева к В. И. Ленину. Основатели евразийства оценивают эту линию резко отрицательно – как торжество самого грубого западнического материализма, который несовместим с исконной культурой русского народа. И вот, когда, казалось бы, материалистическое и нигилистическое западничество восторжествовало, всё оборачивается крахом «русской Европы», обнажением настоящего восточного лица России и возрождением былой подспудной народной традиции. Причём речь идёт не только о том, что гипертрофическое западничество уничтожило само себя, а о том, что именно оно превратилось в свою противоположность.

В манифесте «Евразийство (опыт систематического изложения)» всё это сказано более чётко: «Она (революция. – Р. В.) – глубокий и существенный процесс, который даёт последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, искажившим великое дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии» [8, с. 52]. Выходит, что в революции есть и нечто такое, что замутнено западническими влияниями и не осознаётся самими большевиками. В чём же состоит это положительное значение большевистской революции? Евразийцы много писали о государственностроительстве большевиков, о демотии Советов, в которых они видели положительный смысл. Но у поставленного вопроса есть и духовно-религиозный аспект, о котором говорит другой основатель евразийства Петр Петрович Сувчинский. Вероятно, он в наибольшей степени среди евразийцев был наделён даром диалектика: «Большевики удивительно сумели придать жизненность своей мёртвой док-

трине, поставить её под знаки извращённого религиозного фанатизма и героического лжеидеализма» [7, с. 222].

Согласно евразийцам, победа большевиков, наследников и представителей русских западников, материалистов, борцов с религией, церковью, верой, привела к утверждению государства, основанного на вере в идею. Коммунисты оказались большими идеалистами (пусть и с приставкой «лже»), чем чиновники петербургской России, которые руководствовались в большей степени прагматическими интересами, а религию «загнали» в узкие рамки бюрократически-государственного православия. Победа безверия, утверждают евразийцы, обернулась торжеством веры. Но как такое стало возможным?

Евразийцы на этот вопрос прямого ответа не дают, но он и так понятен из характеристики радикального русского революционного материализма, которая была дана П. Н. Савицким в «Двух мирах»: русский материализм – это «идолопоклонство науке». Идолопоклонство ведь тоже форма веры, хоть и извращённая. Иными словами, русские революционные материалисты, атеисты и нигилисты XIX века и их наследники – русские марксисты – принципиально отличаются от западных буржуазных материалистов. Последние – теплохладные критики, ни во что не верящие, опирающиеся только на разум и признающие только относительные ценности. Причём таких можно встретить и среди русских западников, которых Савицкий именуется сторонниками «позитивного мировоззрения». В отличие от них, характерный тип русского материалиста – это фанатичный поклонник абсолюта, верующий в него страстно и мечтающий эту веру повсюду насадить. Вот только абсолют у него не Бог, а созданные человеком, посю-

сторонние предметы – наука, техника, образование, прогресс.

Таким образом, два культурно-исторических мира – православно-народно-славянофильский и нигилистически-западнически-интеллигентский, которые описывает П. Н. Савицкий, представляя их как полные противоположности, на деле имеют между собой нечто общее. Писарев и Ленин в чём-то бессознательно близки бородатому крестьянину, верящему в «мужицкого Христа», и славянофилу, толкующему о гармонии разума и веры, хотя эта близость сложная, противоречивая и по преимуществу бессознательная. Евразиец Н. Н. Алексеев в книге «Пути и судьбы марксизма» отмечал эту диалектическую близость в ленинизме: «В ленинизме западный социал-демократ и ученик Маркса скрестился с “взбунтовавшимся славянофильством” ...» [1, с. 64]. Алексеев рассуждает о «догматичности» и «фидеистичности» ленинского марксизма, его требовании принимать на веру учение Маркса и Энгельса и о том отторжении, которое испытывал Ленин по отношению к марксизму II Интернационала, воспринявшему «... в себя известную долю того научного скепсиса, который не отделим от исповедания научных истин и который отсутствует при исповедании моральной или религиозной веры» [1, с. 56]. Как видим, по Н. Н. Алексееву, в марксизме Ленина также по-своему уживаются научно-философское мировоззрение с истовой и даже фанатической верой, хоть и безрелигиозной.

Собственно, потому что эти «два мира» – диалектические противоположности, не только борющиеся, но и образующие единство, стало возможным то *contradiction historique* в судьбах русской революции, на которое указывал П. Н. Савицкий. При этом евразийцы различают разные формы рели-

гиозной веры как на одной, так и на другой стороне. Ведь одно дело – наивная детская вера патриархального русского крестьянства, своего рода вера без знания, тот «древний дух», из недр которого родилась русская «вероучительная» художественная литература, и другое дело – вера славянофилов и В. Соловьёва как синтез продуманной, просвещённой православной веры и науки, пусть и перенятой с Запада, но являющейся общечеловеческой ценностью¹. Савицкий и другие евразийцы оценивали такой синтез веры и знания, религии и науки как наиболее органический.

«Миру веры» в России, как уже говорилось, противостоял «мир науки и Просвещения», где, помимо «чистых» учёных-позитивистов, воплощающих своего рода «науку без веры», были те, кто олицетворял «идолопоклонство науке». Здесь перед нами тоже синтез веры и знания, который был свойствен русской революционной интеллигенции. Но, по мнению евразийцев, это уже не гармонический, а дурной синтез веры и разума. В «фидеистическом марксизме», если использовать терминологию Мих. Лифшица, мы имеем дело с какофоническим единством противоположностей, а не с «акротос», то есть золотой серединой, симфоническим единством [3].

Евразийцы верили, что дурной синтез веры и разума имеет перспективу превратиться в «золотой», и связывали это событие опять же с революцией, которая, по их общему мнению, не закончилась Октябрем и созданием СССР, а должна была завершиться третьим последним аккордом, ко-

¹ Общечеловеческий характер западных науки и техники Савицкий отстаивал с самого появления евразийства, со своей рецензии «Европа и Евразия», где он не только характеризует Россию как Евразию, но и критикует избыточный культурный релятивизм брошюры Н. С. Трубецкого «Европа и человечество».

торый превратит советское государство в православно-евразийскую идеократию. При этом государство останется советским, избавившись от остатков западнической культуры и цивилизации. В этом и состоит суть диалектики: движение вниз, до самой последней точки, неожиданно возносит к противоположной стороне, как при движении по поверхности ленты Мёбиуса. На нечто похожее указывал ещё Платон, согласно которому к идеальному государству философов можно прийти только через тиранию – худшее из государственных устройств.

М. А. Лифшиц о ленинизме как синтезе западной культуры и народного стремления к Абсолюту

Советскому философу М. А. Лифшицу принадлежит концепция русской культуры и истории, которая отчасти напоминает евразийскую, но сущностно ей противопоставит. В своих лекциях 1943 года Мих. Лифшиц критикует Г. В. Плеханова за абстрактное противопоставление восточного и западного полюсов русской культуры и показывает их диалектические превращения. Особенно впечатляют его рассуждения о том, что всечеловечность, интернационализм русской культуры, её стремление к идеалу равенства сформировались не только вопреки азиатскому деспотизму русского самодержавного государства, но и отчасти благодаря ему.

Среди черт простонародной, русской, архаичной традиции, которая «действительно имеет известные корни в восточных элементах истории» [4, с. 91], советский философ отмечает радикальность «... русского крестьянина, который ... стремился к коренному глубокому решению общечеловеческих, социальных, нравственных вопросов» [4, с. 92]. Надо ли добавлять, что в до-революционную эпоху он стремился к это-

му на путях религиозного мировоззрения, потому что иного русский крестьянин, не затронутый западным Просвещением, и не знал. Религии Мих. Лифшиц совсем не сочувствует, она проходит у него под грифом «азиатского сплошного быта» и «ядовитого цветка», но философ, который признавал, что и азиатский деспотизм отчасти способствовал выработке прогрессивных и демократических черт русского национального характера, мог нечто подобное признать и за народной религиозностью. Как эта народная религиозность, предполагающая своеобразный путь поиска правды в «реакционных формах», может быть связана с ленинизмом на противоположном европейском полюсе русской культуры?

По замечанию Мих. Лифшица, «ленинизм не случайно вырос именно на почве русской культуры» [4, с. 19]. Подобно евразийцам, он видит в ленинизме завершение традиции революционных демократов – Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, но оценивает их творчество, в отличие от религиозных мыслителей евразийской школы, всецело положительно. В статье о философских взглядах Чернышевского Мих. Лифшиц, пользуясь словами Ленина, пишет о его «мужицком демократизме». Ленин указывал на «мужицкий демократизм» как на черту оригинальную и, безусловно, положительную, на которую могут и должны опереться большевики. Таким образом, уже в движении революционеров-демократов Мих. Лифшиц, вслед за Лениным, видит соединение западной культуры и народных идеалов. И тот же синтез противоположностей восточного и западного Мих. Лифшиц, по сути, усматривает в ленинизме в его теоретическом и практическом воплощении. Но что общего между ленинизмом и православным консерватизмом русского кре-

стьянства? Общим здесь было, прежде всего, стремление к Абсолюту, которым для народа всегда являлся Бог, а в ленинизме это Истина.

Очевидно, что, по Мих. Лифшицу, ленинизм формируется на пересечении низовой народной стихии и интеллигентской западной культуры, в которой мы, опираясь на евразийцев, уже выделили два направления. И это касается не только демократии, но и вопроса истины. Русским крестьянам были ближе и понятнее «фидеистический» ленинский марксизм с верой в абсолютную истину, пусть и безрелигиозную, чем интеллигенты-меньшевики, которые, подобно идеологам II Интернационала, признавали только относительные истины науки. Ведь и крестьяне верили в абсолютную истину, но облечённую в формы народного, фольклорного православия. Мих. Лифшиц вспоминал, как, будучи ещё подростком, он прочитал книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и вынес оттуда, что главное в марксизме – тезис о существовании абсолютной истины. А сколько ещё подростков того времени – детей крестьян и рабочих, будущих советских философов, писателей, инженеров, читали эту книгу и соглашались с Лениным в его критике сторонников эмпириокритицизма, прежде всего А. Богданова. В определённом смысле им помогало религиозное воспитание, благодаря которому реальное существование абсолютных истины, добра и красоты, как и реальное существование природы, было самоочевидным.

Мих. Лифшиц писал, что «человеком, который вернул абсолютному его реальное содержание, его законную связь с материалистической философией, был Ленин. Противники остро почувствовали новизну этой постановки вопроса, и, например, А. Богданов в полемике с Лениным иронически на-

звал его марксизм “абсолютным”» [6, с. 568]. Характерная черта ленинизма, таким образом, состоит в защите абсолютных ценностей от субъективизма и релятивизма разного рода, когда сам марксизм пытались превратить в вульгарно-социологическую теорию, сводящую идеалы человеческого духа и культуры к узко и превратно понятым классовым интересам, а если говорить точнее – к классовым эгоизмам.

Мих. Лифшиц, вслед за Лениным, был убеждён, что живое единство этики и науки в марксизме разрывают, когда пытаются разделить наследие Маркса на абстрактную этическую проповедь, где идеалы лишь «регулятивные идеи», а коммунизм следует понимать в духе Э. Бернштейна: «движение – всё, конечная цель – ничто», и на научную, а именно: политэкономическую и социологическую теорию, да ещё понятую убого-позитивистски – как набор гипотез, каждая из которых будет отброшена, когда обнаружатся противоречащие ей новые факты. И заслуга Ленина состояла в том, что в борьбе с ревизионизмом такого рода он вновь соединил в марксизме науку, этику и эстетику, показав, что наука не может быть этически нейтральной, учёный верит в истину и стремится к ней, подобно тому как настоящий художник не исполняет социальный заказ, а верит в идеал красоты и стремится к нему.

Как уже было сказано, всё это касается не только теоретической стороны ленинизма, но и практической. Мих. Лифшиц часто приводит в пример последние статьи Ленина, где тот, критикуя пролеткультовцев, указывает, что марксизм – это завершение многотысячелетней духовной эволюции человечества и что коммунист должен вобрать всё лучшее, что создала предшествующая культура, в том числе и буржуазная. В этом Ленин видел залог победы социализма в отста-

лой аграрной стране, где в общем-то базиса для социалистической революции не было и его необходимо было ещё создать.

Иными словами, учение В. И. Ленина об абсолютной истине – это не отвлечённая метафизика. От существования абсолютной истины и абсолютных ценностей у Ленина зависит быть или не быть в России социализму, напрасна или не напрасна была русская революция и, говоря ещё шире, – имеет ли смысл общественный прогресс, а также имеют ли смысл искусство, наука, борьба за социальную справедливость? Если правы такие сторонники социалистической революции, как А. Богданов и пролеткультовцы, если истина, красота, добро, справедливость – лишь относительные ценности и отражение узких, относительных классовых интересов, тогда после победы трудящихся над угнетателями ничего не изменится. Это значит, что место одного частного классового интереса занимает другой частный классовый интерес и человечество ни на йоту не продвигается к торжеству социальной справедливости. Да и сама эта справедливость невозможна: для рабочего социализм справедлив, а для капиталиста, которого революция лишила собственности, – очень даже несправедлив.

Мих. Лифшиц по понятным причинам относился к религии отрицательно и даже, похоже, с неприязнью. Но слово «вера» в его лексиконе встречается нередко и употребляется в сугубо положительном ключе. В предисловии к книге «Карл Маркс. Искусство и общественный идеал» Мих. Лифшиц полусхематично сравнивает свои марксистские убеждения с верой апостола Петра в Христа – мол, если автор книги ошибётся в трактовке марксизма, то это не вера его ложна, а «молитва слаба». В книге «В мире эстетики» Мих. Лифшиц пишет о своём сорат-

нике по борьбе с вульгаризаторами марксизма в 1930-е годы Игоре Ильине: «Игорь Ильин – человек твёрдой веры. Он не меняет свой клад на мелкую монету приспособления к той или другой влиятельной силе ...» [5, с. 311]. Там же, излагая основные мысли марксизма на примере взглядов Вильгельма Либкнехта, Мих. Лифшиц пишет о «безрелигиозной вере в истину» [5, с. 260].

Таким образом, не религия, но вера, по Мих. Лифшицу, вполне совместима с научным подходом и подлинно критической рациональностью. Понятно, что Лифшиц не согласился бы с определением Алексеевым ленинизма как «фидеистического марксизма». Но, возможно, он заметил бы, что оно не совсем ложно и что в нём отражено то, что Ленин исходил из «живого благотворного убеждения»¹ во всеобщую абсолютную истину. И с этим, на наш взгляд, связана известная горячность и страстность Ленина в спорах и на страницах книги «Материализм и эмпириокритицизм», которую ставят Ленину в вину сторонники позитивистского идеала науки, предпочитающие вежливые и скучные дебаты. Но Ленин не мог дебатировать вежливо и скучно, если речь шла о самом главном – существовании истины и справедливости, как не может богослов сохранять спокойствие и солидность, когда ему говорят: «давайте только допустим, что Бог – не добро, а зло и рассмотрим аргументы...».

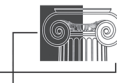
Напомним, что евразиец П. Н. Савицкий объяснял выпадение России из пространства европейской просвещенческой культуры как раз в момент кульминации западничества и объяснял это тем, что большевики сумели «оседлать» и использовать

¹ Термин М. А. Лифшица, которым философ характеризовал ленинский марксизм.

народную стихию, желание людей сбросить послепетровское бюрократически искусственное государство. В стане русского марксизма меньшевики были уверены в реакционности такой крестьянской массы, в то время как В. И. Ленин, а вслед за ним Мих. Лифшиц, признавал противоречивую природу русского крестьянства. В этом вопросе они мыслили как раз диалектически, признавая, что в реакционной форме могло выражаться и прогрессивное, революционное содержание (как в случае глубинного демократизма «мужицкого черносотенства»).

Тем не менее раскол между большевиками и меньшевиками был настолько велик, что во время Гражданской войны в стане «белых» уживались меньшевики-марксисты и самые реакционные монархисты. Мих. Лифшиц пишет об этом в лекциях по русской культуре: «... и те силы, которые мы свергли в 1917 году, представляли собой соединение элементов петровского и допетровского типа. Но здесь – в обоих случаях – в их худшем варианте: ложное западничество, ложный отказ от народного, своего, исторически сложившегося типа жизни, с одной стороны, а с другой – та косность, те элементы азиатского “сплошного быта”, неподвижность, которые нужно было сломать, чтоб поднять народ на высоты гражданской и политической жизни» [4, с. 100–101].

Как видим, достоинство двух концепций русской культуры, евразийцев 1920–1930-х годов и М. А. Лифшица, состоит в понимании сложной диалектической взаимосвязи «русской Европы» и «русской Азии» в дореволюционной культуре, не только борьбы, но и единства этих противоположностей. В этом свете в обеих концепциях Октябрьская революция 1917 года предстаёт

закономерным процессом развития этого противоречивого единства. Их различие, однако, в том, что в «фидеистическом марксизме» большевиков евразийцы видели какофоническое единство восточного и западного в русской культуре, а потому надеялись на ещё один рывок в русской истории – от «фидеистического марксизма» к православно-евразийской идеологии в советской России. У Мих. Лифшица порождённый революцией синтез восточного и западного элементов русской культуры, при своей диалектической противоречивости, наиболее органичный, хотя остаётся нужда в укре-

плении союза между социалистической демократией марксистской партии и «глубинным демократизмом» крестьянства.

То, как трансформировалось диалектическое единство восточного и западного на этапе нашей истории и культуры, именующем «сталинизмом», евразийцы и Михаил Лифшиц тоже понимают по-разному. К этой эпохе евразийцы и Лифшиц испытывали амбивалентное отношение. В её сложной диалектике, в силу различия позиций, они определяли в качестве достижений противоположные результаты. Но всё это уже тема отдельного исследования.

Примечания

1. Алексеев Н. Н. Пути и судьбы марксизма: от Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Берлин : Издание евразийцев, 1936. 102 с.
2. Арсланов В. Г. Русская идея марксиста Мих. Лифшица // Лифшиц М. А. Очерки русской культуры. Москва : культура ; Академический проект, 2015.
3. Лифшиц М. А. Что такое классика? : онтогносеология, смысл мира, «истинная середина». Москва : Искусство XXI век, 2004. 495 с.
4. Лифшиц М. А. О русской культуре и её мировом значении // Очерки русской культуры. Москва : культура ; Академический проект, 2015.
5. Лифшиц М. А. В мире эстетики. Статьи 1969–1981 гг. Москва : Изобразительное искусство, 1985. 318 с.
6. Лифшиц М. А. Мифология древняя и современная : [Избранные работы]. Москва : Искусство, 1980. 582 с.
7. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / С. Ю. Ключников (сост.). Москва : Беловодье, 1997. 525 с.
8. Савицкий П. Н. Континент Евразия. Москва : Аграф, 1997. 461 с.
9. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Москва : Аграф, 1999. 554 с.

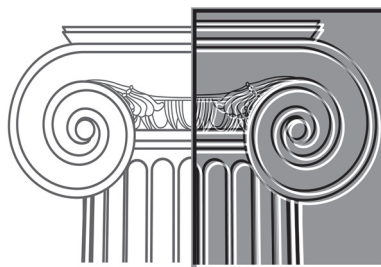
References

1. Alekseev N. N. *Puti i sud'by marksizma: ot Marksa i Engel'sa k Leninu i Stalinu* [Ways and Fates of Marxism: From Marx and Engels to Lenin and Stalin]. Berlin, Izdanie evraziytsev, 1936. 120 p. (In Russian)
2. Arslanov V. G. Russkaya ideya marksista Mih. Lifshitsa [Russian idea of the Marxist Mich. Lifshits]. In: Lifshits M. A. *Ocherki russkoy kul'tury* [Sketches of Russian culture]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2015. (In Russian)
3. Lifshits M. A. *Chto takoe klassika? : ontognoseologiya, smysl mira, "istinnaya seredina"* [What is a classic? : ontognoseology, the meaning of the world, "the true middle"]. Moscow, Art Publishing House, 2004. 495 p.
4. Lifshits M. A. O russkoy kul'ture i ee mirovom znachenii [About Russian culture and its world significance]. In: Lifshits M. A. *Ocherki russkoy kul'tury* [Sketches of Russian culture]. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2015. (In Russian)
5. Lifshits M. A. *V mire estetiki. Stat'i 1969–1981 gg.* [In the world of aesthetics. Articles 1969–1981]. Moscow, Publishing house "Izobrazitel'noe iskusstvo", 1985. 318 p. (In Russian)
6. Lifshits M. A. *Mifologiya drevnyaya i sovremennaya* [Ancient and modern mythology]. Moscow, Art Publishing House, 1980. 582 p. (In Russian)

7. *Russkiy uzel evraziystva. Vostok v russkoy mysli. Sbornik trudov evraziytsev. [Russian knot of Eurasianism. East in Russian thought. Collected Works of Eurasians].* Moscow, Publishing house “Belovodye”, 1997. 525 p. (In Russian)
8. Savitsky P. N. *Kontinent Evraziya [Continent Eurasia].* Moscow, Publishing house “Agraf”, 1998. 461 p.
9. Trubetskoy N. S. *Nasledie Chingiskhana [Heritage of Genghis Khan].* Moscow, Publishing house “Agraf”, 1998. 461 p. (In Russian)

*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КУЛЬТУРА: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

И НТЕРНЕТ-МЕМ

КАК НОВАЯ ФОРМА МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:004.738.5

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10208

О. А. Бударина

Московский государственный институт культуры

Автор рассматривает политическую и социальную рекламу как некоммерческую коммуникацию, в доставлении сообщений которой большую роль играют каналы передачи информации. Предметом анализа становится современная политическая и социальная интернет-реклама и её новые формы, возникающие благодаря техническим возможностям современных интернет-медиа. Автор обратился к анализу сообщений только одного интернет-ресурса – WhatsApp мессенджера – в течение 2018 года. Проанализированы несколько сотен сообщений-мемов на актуальные темы повестки дня. Автор приходит к выводу, что интернет-мемы – это новая форма для создания сообщений в политической и социальной рекламе. Мемы – это и способ выражения общественного мнения, и новое явление массовой культуры.

Ключевые слова: политическая реклама, социальная реклама, каналы рекламной коммуникации, интернет-реклама, интернет-мемы, общественное мнение, массовая культура.

O. A. Budarina

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, Khimki city, Moscow region, Russian Federation 141406

INTERNET MEME AS A NEW FORM OF MASS CULTURE

The author considers political and social advertising as non-commercial communication, in the delivery of messages which play important role channels of information. The subject of the analysis is the modern political and social Internet advertising and its new forms arising due to the technical capabilities of modern Internet media. The author turned to the analysis of messages of only one Internet resource-WhatsApp messenger during 2018. Several hundreds of meme messages on topical issues of the agenda were analyzed. The author comes to the conclusion that Internet memes are a new form for creating messages in political and social advertising. Memes are both a way of expressing public opinion and a new phenomenon of mass culture.

Keywords: political advertising, social advertising, channels of advertising communication, Internet advertising, Internet memes, public opinion, mass culture.

Для цитирования: Бударина О. А. Интернет-мем как новая форма массовой культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 98–106. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10208

БУДАРИНА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, декан факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств Московского государственного института культуры

BUDARINA OLGA ALEKSEEVNA – Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Dean of the Faculty of Media and Audiovisual Arts (MAIS), the Moscow State Institute of Culture

e-mail: o.budarina@inbox.ru
© Бударина О. А., 2019

Появление массовой культуры стало возможным только в результате создания и роста возможностей средств массовой информации, а сегодня – благодаря развитию массовых коммуникаций в целом, в том числе рекламы. Автор хотел бы остановить своё внимание на некоммерческой рекламе, точнее двух её видах – политической и социальной.

Очень часто один и тот же рекламный продукт несёт в себе признаки этих двух видов рекламы одновременно. В последнее время политическая и социальная реклама, распространяемая через различные медиаканалы: рекламные щиты, телевидение, радио, становится всё профессиональнее, но, увы, скучнее. А вот Интернет даёт большие возможности для творчества, и в этой среде появляются новые формы рекламы, в том числе политической и социальной. Они рождаются прямо у нас на глазах и нуждаются в практическом освоении и теоретическом осмыслении, поскольку оказывают сильное влияние на общественное мнение. У рекламы всегда есть заказчик и исполнитель. Но у тех образцов, которые мы встречаем в Интернете, за редким исключением, идентифицировать авторство практически невозможно. Массовость этого явления также требует анализа.

Политическая и социальная реклама, как известно, это формы непрямо́й коммуникации. И для них важен канал передачи информации. В древности – это дошедшие до нас скульптурные памятники, папирусы, надписи на стенах Помпей в Италии, потешные листки или лубки в России, газеты, рекламные тумбы, а позже радиореклама, рекламные баннеры, затем телевизионная и, наконец, интернет-реклама, появившиеся друг за другом во всех цивилизованных странах.

Учёные по-разному определяют политическую и социальную рекламу, делая акценты на том или ином качестве этого многоаспектного явления.

Авторитетный учёный и политтехнолог, автор книги «Политическая реклама» Е. В. Егорова-Гантман подчёркивает опосредованный характер политической рекламы: «... это коммуникация с помощью СМИ и других средств связи с целью повлиять на установки людей в отношении политических объектов или субъектов» [1, с. 16]

Известный украинский исследователь Е. В. Ромат указывает на некоммерческий характер и влияние на массовое сознание этого типа рекламы, сопровождающей политическую деятельность: «Политическая реклама представляет собой тип некоммерческой рекламы, целью которой является формирование определённых психологических установок в сознании граждан и массовом сознании, которые способствуют реализации гражданских прав и свобод членов общества, а также достижению целей субъектами политической деятельности в их борьбе за политическую власть или за её удержание» [5, с. 67].

Некоммерческий характер рекламы и её влияние на общество подчёркивает тот же автор в определении социальной рекламы: «Социальная реклама представляет собой один из типов некоммерческой рекламы, целью которой является формирование определённых психологических установок, которые способствуют достижению общественно значимых целей на различных уровнях: от отдельных социальных групп до масштаба общества в целом» [5, с. 59].

О значении социальной рекламы в жизни общества говорит исследователь Г. Г. Николаишвили: «Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на при-

влечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям. Предназначение социальной рекламы – гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей. Миссия социальной рекламы – изменение поведенческих моделей в обществе» [4, с. 9].

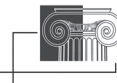
Как известно, одной из тенденций в современном обществе является его усталость от рекламы. Рекламисты всячески стараются избежать навязчивости, придумывают всё новые и новые креативные технологии, но эффективность коммерческой рекламы во всём мире падает, всё чаще рекламные компании обращаются к паблик рилейшнз и другим маркетинговым технологиям. Но эта тенденция не относится к социальной рекламе. О том, что её недостаточно в информационном пространстве, говорят и профессионалы, и публика. У политической рекламы, конечно, есть навязчивость, но она всё-таки связана с электоральными циклами и поэтому периодически вызывает даже большой интерес у публики. В любом случае некоммерческая реклама служит решению проблем общества, будь то отказ от нездорового образа жизни, выбор достойного представителя наших интересов, напоминание о ценности родного языка или важности сохранения исторических памятников.

Об этой особой роли некоммерческой рекламы, её прямой связи с культурой говорит известный учёный Н. Г. Чаган: «Реклама – один из возможных институтов трансляции духовной ценности, которая наследует определённые средства – культурные универсалии (слово, знаки, символы и т.п.). Наиболее ярко эта идея получает своё развитие в социальной и политической рекламе, широко использующей сакральный фон символов и мифов, традиционно включающих универсальные мотивы (“доброе ста-

рое время”, “русская душа”, “русский характер”, “матушка Россия” и т.п.» [8, с. 98]. И представляется интересным сегодня то, что эти процессы всё больше охватывают некоммерческую рекламу в виртуальном пространстве.

XX век и начало XXI века принесли нам увеличение коммуникационных каналов: это радио, телевидение и, наконец, Интернет. Известный культуролог А. Я. Флиер утверждает, что «виртуальная реальность ведёт свой генезис отнюдь не от компьютера и даже не от схоластической философии, а из самых глубин первобытности – от начала символической деятельности человека, с создания системы символов» [7, с. 172]. Французский социолог и политолог П. Шампань (1945–1973) в середине XX века указывал на то, что современная политика практически полностью переместилась из реального пространства в виртуальное. Заметим, что в годы его жизни ещё не был изобретён Интернет и социолог виртуальностью называл политические игры [9, с. 286]. Французский социолог Г. Дебор аналогичное явление называл спектаклем. Известные мыслители XX века Р. Барт, Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн полагали, что большинство социально-политических и культурных процессов стали виртуальными, в частности, массовые коммуникации.

Канадский философ Маршалл Маклюэн сделал СМИ самостоятельным объектом исследования и прозорливо предсказал тенденции их развития. Как известно, он называл все средства передачи информации медиа: «Медиум есть само послание» [3, с. 10]. Действительно, мы являемся свидетелями того, что современные технические возможности в области передачи информации порождают новые формы информации: блоги, лонгриды, мемы и т.д.

Остановимся на последнем явлении. Само понятие «мем» весьма молодо, но уже используется неоднозначно. Слово «мем» появилось в качестве аналогии термина «ген» в биологии и было предложено в последней четверти XX века английским биологом Ричардом Докинзом, который полагал, что культура человечества передаётся с помощью культурных единиц – мемов, которые могут носить словесный, изобразительный, ритуальный характер и передавать идеи так же, как гены передают наследственность. Учёный создал науку меметику, которая сегодня не получила развития, а вот термин прижился. Но он употребляется в более практическом смысле в сети Интернет: *«Интернет-мем (англ. Internetmeme) – в средствах массовой информации и бытовой лексике название информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в интернет-среде посредством распространения в Интернете всеми возможными способами (по электронной почте, в мессенджерах, на форумах, в блогах и др.)...*

Мемами могут считаться как слова, так и изображения. Словом, любые, в том числе и визуальные, сегменты Интернета, высказывания, картинки, видео или звуко-ряд, который имел значение и распространялся во Всемирной паутине»¹.

Автор статьи обратилась к анализу сообщений только одного интернет-ресурса – WhatsApp мессенджера. Он появился в 2009 году, с 2014 – принадлежит Facebook Inc, с 2016 года стал бесплатным и его используют в мире свыше миллиарда человек.

Методами включённого наблюдения и контент-анализа автору статьи удалось собрать и проанализировать несколько сотен сообщений в WhatsApp мессенджере.

¹ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/200168>

Анализ показал, что, помимо развлекательных мемов, мемов-приветствий и поздравлений, советов, пейзажных зарисовок, большое распространение получили сообщения именно политической и социальной рекламы и в большей степени в жанре карикатуры.

Сегодня в Интернете есть много работ художников-карикуристов В. Ложкина, А. Меринова, С. Елкина, И. Горбань и В. Горбань, В. Кукса и других и масса ресурсов, демонстрирующих карикатуры, в том числе политические, и социальные. Но, несмотря на обилие предложений, мемы в мессенджерах, и в частности в WhatsApp, имеют свою нишу и широкое распространение.

Тематика политических и социальных мемов соответствует повестке дня происходящих в стране событий. Ниже приведены примеры пяти главных тем года, получивших самое большое распространение в мессенджере.

1. **Олимпиада в Пхёнчхане**, куда наши спортсмены были допущены под флагом Олимпийского комитета, вызвала бурю недовольства российских болельщиков, которое вылилось в соответствующие карикатуры. Среди них сложно было выбрать те, которые использовали бы нормативную лексику. И, несмотря на спортивную тематику, эти сообщения носили характер политической рекламы: болельщики как могли защищали свою страну, изображая, например, российский флаг, заменяя его флагом Российской империи. Настоящий творческий и пассионарный взрыв произошёл в исследуемой интернет-среде в связи с золотой Олимпийской медалью, которую выиграла наша сборная по хоккею у немецкой команды в финальном матче. Тут и фото рыдающей Меркель, и Сталин, боксирующий падающего нацистского фюрера Гитлера с надписью 4:3, и рос-

сийский флаг над Рейхстагом, древко которого имеет форму хоккейной клюшки, и т.д.

Как всегда в рекламе, мы задаёмся вопросом: кто заказчик этой рекламы и на какие целевые аудитории она рассчитана? На первый вопрос ответить мы можем только гипотетически: это может быть государство, это могут быть некие структуры, это могут быть отдельные люди. А какие целевые аудитории будут потреблять этот продукт? Немецкие болельщики или немецкие политики? Конечно, нет. Эти мемы рассчитаны на российского пользователя Интернета, и цель такого массового некоммерческого творчества – самоутверждение через самоидентификацию: «Вы не пускаете нас на Олимпиаду под нашим флагом? Вот вам флаг Российской империи. Мы – россияне, мы русские, с нами нельзя не считаться!».

В работах учёных начала XXI века, в частности Д. В.Иванова «Виртуализация общества. Версия 2.0» [2], утверждается, что процесс виртуализации общества порождает кризис идентичности. Действительно, человек в реальной жизни и его образ в социальных сетях – это разные личности. Виртуальное пространство позволяет конструировать, трансформировать и даже симулировать идентичность.

Не возражая сделанным выводам относительно отдельной личности, хотелось бы отметить, что и спустя полтора десятилетия мы наблюдаем потребность российского общества в национальной самоидентификации, которая становится возможной в результате социального взаимодействия в виртуальной реальности. И происходит она не на уровне отдельной личности, а на уровне некоторых групп, образующихся вокруг предмета интересов, в данном случае спорта, или политики, как в следующем примере.

2. Вторя актуальная тема года – **выборы Президента России**. Авторы мемов не только делятся на сторонников и противников, есть здесь место и мягкому юмору на тему выборов и кандидатов.

К мягкому юмору можно отнести картину Васи Ложкина, на которой изображены постоянные персонажи его творчества коты, смотрящие из-за кремлёвской стены на одно горящее окно на фоне звёздного неба с надписью: «Не спит». Работы именно этого художника часто расходятся как мемы в Интернете.

Здесь и плакат «За Прежнева», где в кителе генсека Брежнева изображён Путин. Этот плакат в равной мере может усилить чувства сторонников стабильности и обострить чувства жаждущих перемен. К юмору, переходящему в иронию, относится и видео с канала ТНТ и распространённое в мессенджере с двойником нашего президента, рассуждающего «Зачем мне Facebook? Если у меня есть ФСБбук?»

Мемы против кандидатуры В. В. Путина – это и фото якобы бюллетеня с вопросом: «Вы не против, чтобы В. В. Путин стал вновь Президентом Российской Федерации?». И два варианта ответов на него: «Да, я не против» и «Нет, я не против».

Тема выборов не обходится без большого количества роликов. Здесь и иллюстрация песни С. Слепакова «Обращение к народу» от имени премьера Д. Медведева: «... Я рад сообщить вам итоги прошедших лет. Всё хорошо, только денег нет ... Хорошего вам настроения ...».

Надо отметить, что фраза «денег нет», опрометчиво сказанная пару лет назад премьер-министром, стала настоящим мемом, то есть популярной темой, повторяющейся по разным конкретным поводам и в онлайн, и в офлайн-среде.

Ну и, наконец, мемы и видео, созданные в поддержку выборов как таковых и кандидата В. В. Путина.

Витязь с хрестоматийной картинки на распутье у камня с надписью: «Никуда не ходи! Иди на выборы!!!». И видео, вызвавшее много споров, но, несомненно, сделанное очень талантливо, с актёром Сергеем Буруновым «17 марта 2018 года 22:15», в котором в гротескной форме и с большим юмором прогнозируется будущее в случае, если избиратели проигнорируют выборы. Есть и смешная пародия на известную песню чукотского певца Кола Бельды «А Володя лучше».

Надо сказать, к чести политтехнологов действующего Президента, никакой другой прямой агитации за него в мессенджере не было. «Канонизация кандидата приводит к его политической смерти ещё до выборов» [1, с. 12].

Интересен плакат в советской стилистике, на котором к известному слогану тех лет – «Все на выборы!» – добавлена надпись: «Избрали президента США, изберём и президента России!». Нашему народу не откажешь в чувстве юмора, часто переходящему в иронию или сарказм. Вот и в этом случае в коротком слогане доведено до абсурда утверждение о российском влиянии на выборы Президента США.

3. Третья тема посвящена празднику всех россиян – **9 мая**. И здесь и листок из старого календаря с надписью: «Самый дорогой листок», и любимые герои, и очень трогательные видео, в которых сравниваются ценности тех, кто пережил войну, и их потомков. Но есть и жёсткая сатира в виде фото беседующих Меркель и Путина и подпись: «Володя, мы не приедем на парад. – Это правильно, шествие пленных мы и не планировали».

Конечно, День Победы всегда консолидировал российское общество. Но шествие «Бессмертный полк» последних лет поражает своей массовостью, выходом за государственные границы. В них активно участвуют не только жители России и стран СНГ, но и те, кто покинул страну в 1990-х годах, которых она не устраивала, которые не связывали с ней своё будущее и будущее своих детей, а сегодня гордятся российской и советской историей. Это тоже ответ на вопрос: «Кто те, кого мы чтим и на кого хотим быть похожи? Кто мы? Мы их потомки». Обращение к собственной истории, уважение к ней – ещё один признак ухода от кризиса идентичности.

4. Конечно, бурю творчества вызвал **Чемпионат мира по футболу**. Казалось бы, это спортивное событие, а не политическое. Не тут-то было. В ментальности русского человека – видеть во всех событиях политическую подоплёку. Трое упитанных болельщика (двое мужчин и женщина) в русских кокошниках, жующие на трибуне бутерброды, облетели не только все социальные сети и мессенджеры, но даже были показаны в репортаже телеканалов и стали действительно мемом в более широком смысле – актуальной темой. Моментально были раскуплены кокошники во всех сувенирных лавках, российские болельщики таким образом проявляли свою русскую идентичность. Другим мемом стало исполнение русской народной песни «Калинка-малинка моя». И это пение, как и игра в русский образ в кокошнике, была подхвачена зарубежными гостями чемпионата. Но и, конечно, портрет тренера Станислава Черчесова в берете кубинского революционера Че Гевары с подписью «Черчесов», где первые две буквы выделены красным цветом. Мем назвал новую черту имиджа, сложившуюся у тренера в ходе

чемпионата, – революционер в российском футболе. Тот самый случай, когда с помощью политической рекламы формируется имидж. Обычно он формируется с помощью технологий связей с общественностью.

5. Последняя актуальная и для 2018, и 2019 годов тема по количеству произведённого контента превзошла все вышеназванные, и посвящена она *пенсионной реформе*. Буря недовольства вылилась прежде всего в социальной интернет-рекламе. Но эта горячая тема – пример, когда два типа рекламы: социальная и политическая, не могут быть разграниченными. Досталось всем: Президенту, членам правительства, отвечающим за социальную сферу, Пенсионному фонду России, премьер-министру, конечно, припомнили фразу, ставшую тематическим мемом: «Денег нет, но вы держитесь». Появилась при обсуждении этой жизненно важной темы и ещё одна разновидность мемов – демотиваторы. Вот фото в чёрной рамке, на котором премьер склонился над микроскопом, а ниже надпись: «Премьер Медведев рассматривает пенсию россиян».

Демотивационный постер, или демотиватор, – это агитационный плакат, размещённый в Интернете. Структурно демотиватор состоит из визуального компонента, помещённого в рамку с широкими чёрными полями и сопровождаемого лозунгом, выполненным крупным белым или жёлтым шрифтом. Демотиваторы появляются для того, чтобы передать атмосферу несправедливости и возмущения, которые царят в обществе. Их, как и вообще мемы, могут целенаправленно создавать и политические оппозиционеры. Так, за пабликом «Ёшкин Крот», который размещает в социальных сетях и мессенджерах свои профессионально сделанные, дорогостоящие видео, стоит Михаил Ходорковский, которому финанси-

ми помогает Госдепартамент США. Интернет-среда – это, конечно же, поле битвы в информационной войне, в которой используются все средства, и в том числе политическая и социальная реклама. Но оплаченные ресурсы в мессенджерах – это весьма небольшая часть сообщений.

Обилие, разнообразие и уровень исполнения мемов на тему пенсионной реформы всё же демонстрирует массовое авторство жителей России. Кроме того, увлечённость людей новыми технологиями по созданию текстового, фото-, аудио- и видеоконтента свидетельствует о новом явлении в массовой культуре, о котором писала известный исследователь рекламы В. В. Учёнова: «В сфере массовой культуры вообще, в её рекламном ответвлении, в частности, ищут возможности творческой самореализации люди самого различного творческого потенциала и креативных данных. Главная задача основной продукции массовой культуры – развлекать и доставлять удовольствие, отвлекаясь от напряжения и однообразия повседневности» [6, с. 223].

Шквал сообщений на тему пенсионной реформы от горького юмора, иронии до сатиры и сарказма был обрушен в Интернете и, в частности, мессенджере. И, надо отметить, что это тот самый канал, с помощью которого люди могут проявлять свои творческие способности, создавая картинки и видео, могут использовать его для анонимного выражения собственных очень критических мнений. А для властных структур подобные ресурсы служат источником анализа состояния общественного мнения. И, возможно, меры по смягчению положений пенсионной реформы Президентом России были предприняты с учётом мониторинга в том числе социальных сетей и мессенджеров.

Таким образом, в середине первого десятилетия XXI века в сети Интернет получило распространение такое явление, как мем. Термин употребляется в двух значениях: 1) любое изображение или текст, распространяемый любым способом в сети Интернет; 2) популярные фразы, картинки, видео и аудиоролики, получившие распространение и в онлайн, и в оффлайне и ставшие актуальной темой повестки дня.

Мемы, распространяемые в Сети, создаются не только официальными структу-

рами, различными сообществами, но и отдельными гражданами. Кроме приветствий, поздравлений, зарисовок природы и т.д., мемы стали новой формой политической и социальной интернет-рекламы. Это позволяет считать их одной из форм выражения общественного мнения.

Многочисленные проявления творчества людьми-непрофессионалами при создании рекламных баннеров, видео, слоганов и т.д. – это новое явление в массовой культуре.

Примечания

1. Егорова-Гантман Е., Пleshakov К. Политическая реклама. Москва : Никколо М, 1999. 240 с.
2. Иванов Д. В. Виртуализация общества = Virtualization of society : Версия 2.0 / [Центр «Петербургское востоковедение»]. Санкт-Петербург : ПБ, 2002. 213, [4] с. : ил., табл.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. 462, [2] с.
4. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Аспект Пресс, 2008. 191 с.
5. Ромат Е., Сендеров Д. Реклама: теория и практика : [основные типы рекламы, рекламная коммуникация, реклама в маркетинговых технологиях, система управления рекламой]. 8-е издание. Москва [и др.] : Питер, 2013. 505 с. : ил., табл.
6. Учёнова В. В. Реклама и массовая культура. Служанка или госпожа? : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Журналистика» и «Реклама». Москва : ЮНИТИ, 2012. 248 с. : цв. ил.
7. Флиер А. Я. Некультурные функции культуры. Москва : МГУКИ, 2008. 272 с.
8. Чаган Н. Г. Рекламные коммуникации в социокультурном пространстве // Культура и рынок: современные тенденции. Москва : Классика – XXI, 2009. 224 с.
9. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / перевод с фр. под ред. Н. Г. Осиповой. Москва : Socio-Logos, 1997. 317 с.

References

1. Egorova-Gantman E., Pleshakov K. *Politicheskaya reklama [Political advertising]*. Moscow, Published by Center for political consulting “Niccolo M”, 1999. 240 p. (In Russian)
2. Ivanov D. V. *Virtualization of society. Versia 2.0*. St. Petersburg, Published by Center “Petersburg Oriental Studies”, 2002. 213 p. (In Russian)
3. Maklyuen M. [McLuhan Herbert Marshall] *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. Perevod V. G. Nikolaeva [Understanding Media: External Human Extensions. Translation by V. G. Nikolaeva]*. Moscow, Publishing house “KANON-press-C”, Zhukovsky, Publishing house “Kuchkovo Pole”, 2003. 462 p. (In Russian)
4. Nikolayshvili G. G. *Sotsial'naya reklama: teoriya i praktika [Social advertising: theory and practice]*. Moscow, Publishing house “Aspect Press”, 2008. 191 p. (In Russian)
5. Romat E., Senderov D. *Reklama: teoriya i praktika [Advertising: Theory and Practice]*. 8nd edition. Moscow, St. Petersburg, PITER Publishing House, 2013. 505 p. (In Russian)
6. Uchenova V. V. *Reklama i massovaya kul'tura. Sluzhanka ili gospozha? [Advertising and popular culture. Servant or mistress?]*. Moscow, Unity-Dana Publishing House, 2012. 248 p. (In Russian)

7. Flier A. *Nekul'turnye funktsii kul'tury [Uncultural functions of culture]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Art, 2008 272 p. (In Russian)
8. Chagan N. G. Reklamnye kommunikatsii v sotsiokul'turnom prostranstve [Advertising communications in the social and cultural space]. In: *Kul'tura i rynek: sovremennye tendentsii [Culture and market: modern trends]*. Moscow, Publishing house "Classica 21", 2009. 224 p. (In Russian)
9. Champagne P. *Faire l'opinion le nouveau jeu politique*. Paris, Minuit, 1990. (In Rus. ed.: Shampan P. [Champagne Patrick] *Delat' mnenie: novaya politicheskaya igra. Redactor perevoda N. G. Osipova [Do opinion: a new political game. Translation editor N. G. Osipova]*. Moscow, Publishing house "Socio-Logos", 1997. 317 p.) (In Russian)

*

D ЖАЗ КАК «НЕСОВЕРШЕННОЕ» ИСКУССТВО: ИМПРОВИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ ПРЕКРАСНОГО И БЕЗОБРАЗНОГО

УДК 7.01:785.161

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10209

М. С. Резанцева

Московский государственный институт культуры

В статье исследуется джазовая музыка в целом и джазовая импровизация в частности как проявление эстетической диалектики прекрасного и безобразного. Неочевидная красота, «несовершенство» джаза для воспитанного на классической европейской гармонии слуха анализируется сквозь призму фундаментального эстетического представления о форме и бесформенности. Также рассматривается перманентный дионисийский контекст джаза, связанный с его фольклорными корнями сложного (афроевропейского) генеза. В результате становится очевидным, что джазовое «несовершенство» гармонии, ритма и мелодики является не случайным проявлением безобразного вследствие недостаточности техники, но неотъемлемым эстетическим признаком джаза. А открытость художественного текста джаза поддерживает идею о том, что центральной точкой фокуса при анализе джаза сквозь призму современной эстетической системы должна становиться диалогичная соразмерность прекрасного и безобразного.

Ключевые слова: джаз, импровизация, прекрасное, безобразное, художественный текст.

M. S. Rezantseva

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
 Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

JAZZ AS THE “IMPERFECT” ART: IMPROVISATION IN THE CONTEXT OF DIALECTIC OF THE BEAUTIFUL AND THE UGLY

In the article jazz music in general and jazz improvisation in particular are investigated as manifestations of the aesthetic dialectic of the beautiful and the ugly. Jazz sounds “imperfect” for the hearing brought up on classical European harmony, and this imperfection, this un obvious beauty is analyzed through the prism of the fundamental aesthetic idea of form and formlessness. In addition the author considers the permanent Dionysian context of jazz, associated with its folklore roots of a complex Afro-European genesis. Author concludes that jazz “imperfection” of harmony, rhythm and melody is not a random manifestation of the ugly due to lack of technique, but an essential aesthetic feature of jazz. The openness of the jazz artistic text supports the idea that the dialogical proportion of the beautiful and the ugly should be the central point of focus of analysis of jazz through the prism of a modern aesthetic system.

Keywords: jazz, improvisation, beautiful, ugly, artistic text.

РЕЗАНЦЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

REZANTSEVA MARIYA SERGEEVNA – graduate student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: rouxardent@gmail.com

© Резанцева М. С., 2019

Для цитирования: Резанцева М. С. Джаз как «несовершенное» искусство: импровизация в контексте диалектики прекрасного и безобразного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 107–112. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10209

Существует точка зрения, согласно которой есть три вида музыкального творчества: композиция, исполнение и импровизация. Проблемы композиции и исполнения достаточно хорошо изучены в музыкознании, искусствоведении и психологии. Проблема же импровизации представлена двухмерно: это либо полное её неприятие, аргументирующееся обычно недостаточным уровнем профессионализма исполнителя, либо распространённое в современной постмодернистской культуре мнение, что импровизация есть единственно верный способ создать понастоящему эмоционально насыщенное и, как следствие, ценное произведение.

Обычное понимание стилеобразующей особенности джазовой музыки – импровизации – связано с этимологией самого термина: латинское *improvisus* означает «непредвиденный», «неожиданный», «внезапный». Однако в современном эстетическом дискурсе проблема лежит гораздо глубже. Вот как характеризует импровизацию, например, современный американский джазовый критик и историк джаза Тед Джойя: «Импровизация, как может показаться, обречена быть бледной тенью совершенства, которого достигает композиторская музыка. Ошибки вкрадываются не только в форму, но и в технику. В искреннем творческом порыве импровизатор достигает уровня выразительности, с которым может не справиться технически. Конечный результат часто сочетает мгновения редкой красоты с техническими ошибками и бессмысленными пассажами» [7]. Соответственно, мы предполагаем, что такое неизбежное «несовершенство» джаза, по сути, представляет собой проявление диалектики прекрас-

ного и безобразного, и это постоянное внутреннее противоречие, присущее джазовой музыке, является его неотъемлемой чертой.

Джаз – это музыкальный жанр, который возник на границе XIX–XX веков в США, синтезировав в себе традиционную африканскую и европейскую музыкальную культуру. Самыми яркими чертами джазового синтаксиса являются импровизация, сложный синкопированный ритм и такая особая форма ритмической фактуры, как свинг. Характерной особенностью джаза является также полиритмия, несовпадение ритмических акцентов мелодической линии и акцентов основного метра пьесы, повышенная эмоциональность. Именно эмоциональную сторону эстетики джаза следует рассмотреть в первую очередь.

Истоки джазового искусства лежат в смеси полуимпровизационных форм народного творчества чёрного населения Америки и фольклорно-бытовой музыки белых выходцев из Великобритании. В фольклорном художественном творчестве носителем художественного содержания всегда до той или иной степени является сам деятельностный процесс, корни этого вида творчества лежат в импровизации. То есть, с одной стороны, совершенно очевидна имманентно присущая ему незавершённость: неоконченность является ключевым смыслом процесса. С другой стороны, речь, в сущности, идёт о свободе художественного высказывания – о свободе буквально ото всего, включая рамки нормативного языка того или иного вида искусства.

Свобода – это, пожалуй, центральная смыслообразующая категория для джазового искусства. Совершенно явно, без оттенка

иных смыслов и коннотаций, эта категория проявляет себя в момент импровизационного высказывания, который, несмотря на сознательную работу по подготовке импровизации, всегда сопровождается глубинным подсознательным импульсом. В этот момент в поведении исполнителя доминирует исконно характерный для народной культуры совершенно очевидный дионисийский контекст. В случае джаза это дионисийство дополнительно усилено такой фундаментальной характеристикой афроамериканской музыки, как витальность. Именно эту особенность можно, кстати, назвать важным фактором, защищающим джаз от чрезмерной агрессивности, своего рода психоаналитической потребности саморазрушения (свойственной, например, панк-року).

Считается, что настоящий джаз – это всегда катарсис, когда для исполнения характерна полная самоотдача. В процессе такого музицирования и музыканты, и слушатели переживают состояние, которое очень похоже на религиозный опыт. Широкое распространение в искусстве XX века различного рода неязыческих мотивов в целом способствовало новому осмыслению религиозного катарсиса. Для джаза это представляется особенно важным, поскольку духовные христианские песнопения темнокожих американцев – госпел и спиричуэл – есть синтетические жанры, имеющие в своей основе европейские формы христианской духовной музыки и особый ритмический склад обрядовых песен и танцев множества африканских языческих культов. Однако именно эта характерная афроамериканская форма духовной музыки привнесла в джазовое искусство категорию возвышенного. Необычные для европейского слуха гармонии, характерные для протестантского темнокожего Юга Америки, оказались своего рода звуковой формой мистического погру-

жения. Так массовый джаз смог стать образцом звучания идеального, той самой гармонии, которая порождает катарсическое человеческое единение.

Одновременно с этим такое слияние в одном ритме, имеющее характер языческого обряда, открывает как прекрасную, так и безобразную свою сторону – например, возможность полностью погрузить человека в тяжёлое психотическое переживание, при котором внутреннее освобождение от общественных норм неизбежно принимает уродливую внешнюю форму. Вспомним, что категория безобразного в эстетике обозначает отталкивающее, вызывающее неудовольствие вследствие дисгармоничности, несоразмерности, неупорядоченности; безобразное отражает невозможность или отсутствие совершенного.

Собственно, эстетика безобразного является частью общей метафизики прекрасного. В классической эстетической традиции безобразное относительно, оно не существует вне категории прекрасного, в то время как прекрасное – вещь в себе, первичная категория, проявляющая себя безотносительно. Понимание же безобразного основано на отрицании прекрасного, своего рода обратная его сторона в диалектике абсолютно-прекрасного. Диалектическая внутренняя связь между прекрасным и безобразным – это возможность саморазрушения прекрасного вследствие перехода от духовного идеала к материальной реализации.

Возвращаясь же к теме джаза, следует специально отметить причину довольно быстрого распространения христианства среди первых завезённых в Северную Америку в XVII веке африканцев. Эти люди не были выходцами не только из одного рода или одной страны, но зачастую они даже не понимали друг друга. Да и в целом национальная культура не может ограничиваться узкими

рамками лишь этнической общности. Соответственно, требовался новый общий язык, новая общая культура, даже новая общая религия, функцию которой с успехом приняло на себя христианство [6].

Христианство ценит физическую красоту мира и человека, в то время как безобразное рассматривается лишь в виде следствия грехопадения, определённого рода «порчи» или дефицита красоты. Одновременно с этим чувственная красота не однозначно прекрасна (добра): она может являться источником греха, вожделения и соблазна. Как следствие, красота не должна являть себя чересчур открыто, а увлечение ею должно держаться под строгим контролем. Согласно христианской доктрине, неприглядная внешность (физическое проявление) часто совмещается с внутренней (душевной или духовной) красотой. На основе этой концепции развилась «эстетика аскетизма», где безобразное проявляется как символ подвига, самоотречения, мужества, духовной стойкости: «Тысячелетняя неразрывная связь с храмом определила возвышенную направленность композиторского творчества Европы. Даже комедийное направление в музыке постренессансной Европы преломляется сквозь облагороженную сферу чувств» [3, с. 22].

Становится очевидным, что христианская культура, наряду с прекрасным, понимает и принимает безобразное в качестве естественного и органичного компонента цельного божественного Универсума. В то же время для христианства безобразное само по себе не существует: абсолютно безобразное (без-образное, бесформенное) понимается как небытие (отсутствие формы).

Здесь мы обнаруживаем смешение двух основных способов проявления безобразного в джазе: катарсическое (мортидозное, буквально воспевающее свои увечья и не-

счастья) для афроамериканцев и комическое для белых. Активно дискриминируемые (вне зависимости от официального законодательства) афроамериканцы в европейской музыке искали объединяющее катарсическое переживание, в то время как скованное протестантской трудовой этикой и аскетизмом пуританства белое население США находило в музыке афроамериканцев патетику и карнавальность (ранее такую роль играл мнестрельный театр – форма американского народного театра XIX века, в котором загримированные под чернокожих белые актёры разыгрывали комические сцены из жизни рабов, а также исполняли стилизованную музыку и танцы африканских невольников).

Здесь следует особо отметить вполне очевидную идею: искусство не исчерпывается понятием прекрасного. Для органичной наполненности и многогранности искусство нуждается в безобразном как отрицании прекрасного, однако это отнюдь не означает отказа от самоценной категории безобразного. Однако безобразное в искусстве существует не для нарушения общепринятых норм и правил, оно направлено лишь на неспецифические феномены. Запрет на безобразное – это отрицание неоформленного, недостаточно проработанного, сырое. В данном случае, например, диссонанс – это технический музыкальный термин, предназначенный для передачи через искусство того, что и эстетикой, и бытовым человеческим представлением называется безобразным. В данном случае мы рассматриваем безобразное как феномен, который должен быть способен интегрироваться в искусство как его органичный компонент. Например, традиционное искусство, считающиеся идеально-прекрасными, полны образов, которые в большинстве случаев оцениваются как безобразные. Понятие безобразного в принципе возникает только в тот

момент, когда искусство отдаляется от своей архаической фазы. Вспомним античную теорию Аристотеля, согласно которой безобразное как антипод прекрасного проявляется и в природе (разрушающиеся и разлагающиеся объекты и существа), и в человеческой жизни (болезни, ранения, смерть), и в морали (безнравственные поступки), и в политике и государственном управлении (коррупция, несправедливые суды). В контексте своей теории мимезиса Аристотель признаёт важность места безобразного в различных искусствах, отмечая, что изображение безобразных предметов (трупов, отвратительных животных) допустимо в живописи, ибо доставляет удовольствие самим фактом подражания. В театральном искусстве безобразное получило право трансформироваться в смешное в комедии; в трагедии же оно способствует самоотрицанию (или своеобразной профилактике безобразного в действительности), поскольку не доставляет реального страдания.

В настоящее время роль категории безобразного качественно поменялась. Согласно парадигме классической эстетики, безобразное нарушает форму, закону которой подчиняется произведение; оно интегрируется произведением и тем самым подтверждает его вместе с силой субъективной свободы в произведении искусства по отношению к материалу, на основе которого возникли эти элементы безобразного. В целом, от-

влечённо, этот безобразный компонент может считаться целесообразным – благодаря той функции, которую он выполняет в создании системы образов и их композиции, например, или при установлении динамического равновесия. Красота в данном случае проявляется не как гармоничный результат, находящийся в равновесии; прекрасным становится возникающее в результате напряжение.

Здесь нам следует вспомнить о свинге, джазовом «качании», балансировании между прекрасным и безобразным, низменным и возвышенным, утончённым и распущённым, массовым и элитарным, импровизационным и предзаданным.

Являясь одним из фундаментов тенденции мировой культуры XX века к свободно выражению личности, джаз определил собственную «формулу свободы» как через неприятие устоявшихся канонов, так и через весьма твёрдую внутреннюю самоорганизацию. Именно эта формула перманентной незавершённости, диссонансная гармония, открытость художественного текста (одновременное присутствие автора, насыщающего импровизационный текст своей трактовкой темы, и постоянная безличная апелляция к ассоциативным рядам и смысловым контекстам слушателей) должна становиться центральной точкой фокуса при анализе джаза сквозь призму современной эстетической системы.

Примечания

1. *Адорно В. Т.* Эстетическая теория = *Ästhetische Theorie* / [пер. с нем. А. В. Дранова]. Москва : Республика, 2001. 526 с.
2. *Барбан Е. С.* Джазовая импровизация (К проблеме построения теории) // Советский джаз : Проблемы. События. Мастера : [сборник статей] / сост. и ред. А. Медведев, О. Медведева. Москва : Советский композитор, 1987. 591 с. : ил., нот. ил.
3. *Конен В. Д.* Рождение джаза. 2-е издание. Москва : Советский композитор, 1990. 320 с.
4. *Мальцев С. М.* О психологии музыкальной импровизации. Москва : Музыка, 1991. 88 с.
5. Теория джаза. Профессор Энди Хамилтон: «Джаз как классическая музыка» [Электронный ресурс] / пер. с англ. М. С. Резанцевой // *Jazz.ru* : [веб-сайт]. Электрон. дан. 14.03.2018. URL: <http://journal.jazz.ru/2018/03/14/andy-hamilton-jazz-as-classical-music>

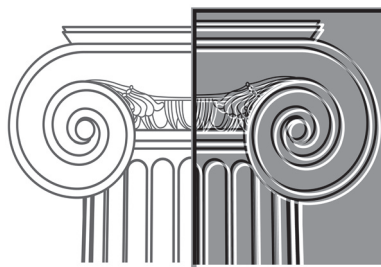

6. Levine L. W. *Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom*. 30th anniversary edition. New York, Oxford University Press, 2007. 522 p.
7. Gioia T. *The history of jazz*. Second edition. New York, Oxford University Press, 2017. 444 p.

References

1. Adorno V. T. [Adorno Theodor Ludwig Wiesengrund] *Ehsteticheskaya teoriya [Aesthetic theory]*. Moscow, Publishing House “Republik”, 2001. 526 p. (In Russian)
2. Barban E. S. Dzhazovaya improvizatsiya (K problem postroeniya teorii) [Jazz improvisation (To the problem of theory constructing)]. In: Medvedev A., Medvedeva O., eds. *Sovetskiy dzhaz: Problemy. Sobytiya. Mastera: sbornik statey [Soviet jazz: Problems. Developments. Masters. A collection of articles]*. Moscow, Publishing house “Soviet composer”, 1987. 591 p. (In Russian)
3. Konen V. D. *Rozdenie dzhaza [The Birth of Jazz]*. 2nd edition. Moscow, Publishing house “Soviet composer”, 1990. 320 p. (In Russian)
4. Maltsev S. M. *O psikhologii muzykal'noy improvizatsii [About the psychology of musical improvisation]*. Moscow, Musical State Publishing House, 1991. 88 p. (In Russian)
5. *Teoriya dzhaza. Professor Endi Khamilton: “Dzhaz kak klassicheskaya muzyka” [Jazz Theory. Professor Andy Hamilton: “Jazz is like classical music”]*. Available at: <http://journal.jazz.ru/2018/03/14/andy-hamilton-jazz-as-classical-music> (In Russian)
6. Levine L. W. *Black culture and black consciousness: Afro-American folk thought from slavery to freedom*. 30th anniversary edition. New York, Oxford University Press, 2007. 522 p. (In English)
7. Gioia T. *The history of jazz*. Second edition. New York, Oxford University Press, 2017. 444 p. (In English)

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 37(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры

В статье на основе ретроспективного историографического анализа исследований социально-культурной деятельности раскрыта её история понимания как целостного процесса, в осмыслении которого необходимо придерживаться общенаучной методологии, основанной на принципах объективности, системности, историзма и т.д. В научной разработке проблем истории социально-культурной деятельности в России автор выделяет три этапа: накопление опыта историко-педагогических исследований внешкольного образования в России (конец XIX века – 1920-е годы); формирование и развитие научных исторических знаний о культурно-просветительной работе (1920–1990-е годы); становление историографии социально-культурной деятельности как самостоятельного направления историо-педагогических исследований (1991 – по настоящее время). На примере наиболее крупных историко-педагогических публикаций выделена специфика исторических исследований каждого из этих этапов, которая определяется преемственным характером крупных процессов, охватывающих весьма продолжительные временные отрезки (внешкольное образование, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа, социально-культурная деятельность).

Ключевые слова: история социально-культурной деятельности, внешкольное образование, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа, социально-культурная деятельность.

N. N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

THE MAIN STAGES OF HISTORICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY IN RUSSIA OF THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XXI CENTURY

In the article on the basis of retrospective historiographical analysis of social and cultural activity studies has revealed her story of understanding as a holistic process, in the understanding of which it is necessary to adhere to the general scientific methodology based on the principles of objectivity, consistency,

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

historicism, etc. In the scientific development of the history of social and cultural activity in Russia the author distinguishes three stages: the accumulation of experience of historical and pedagogical research of out-of-school education in Russia (late XIX century – 1920th); formation and development of scientific historical knowledge about cultural and educational work (1920 – 1990th); formation of historiography of social and cultural activity as an independent direction of historical and pedagogical research (1991 – present). On the example of the largest historical and pedagogical publications the specificity of historical studies of each of these stages is highlighted, which is determined by the successive nature of large processes covering very long time periods (extracurricular education, political and educational work, cultural and educational work, social and cultural activity).

Keywords: history of social and cultural activity, school education, political education, cultural enlightenment, social and cultural activity.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 114–127. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10210

Изучение истории социально-культурной деятельности – это необходимая предпосылка и условие объективного понимания её природы и своеобразия, а также её современного статуса как социокультурного и педагогического явления. Исторические исследования социально-культурной деятельности являются основой для формирования прогноза дальнейшего развития этого явления в России. Теоретические и исторические исследования в каждый конкретно-исторический период развития общества могут попеременно выступать в роли стимулирующего фактора по отношению друг к другу, что в конечном счёте определяет постоянную актуальность историко-культурной рефлексии.

В последние годы заметнее стала тенденция сближения позиций учёных в отношении определения сущностного содержания и ценностного смысла социально-культурной деятельности. Общность позиций находит отражение в достижении определённого консенсуса по следующим моментам:

- большинство исследователей признают сущностное единение социально-культурной деятельности и свободного времени;

- приоритетная цель социально-культурной деятельности осознаётся как создание условий для приобщения людей к ценностям культуры и реализации ими своей творческой активности в области искусства, литературы, науки, спорта, в волонтерских акциях, организационной деятельности, а также условий для отдыха и «разумных развлечений»;

- специфика этих условий проявляется в формировании педагогически организованной среды, способствующей воспитанию в человеке личностных качеств, отвечающих требованиям принятых в обществе моральных принципов.

Такой подход позволяет избавиться понятие «социально-культурная деятельность» от расплывчатости и неопределённости, свойственных ему в период введения его в научный оборот (первая половина 1990-х годов), оградить от смешения с близкими по смыслу, но неравнозначными понятиями, такими как «культурная деятельность», «социальная деятельность», «образовательная деятельность».

Исходным для изучения истории социально-культурной деятельности должно стать положение о том, что становление и

развитие социально-культурной деятельности – это целостный исторический процесс и в его осмыслении необходимо придерживаться методологических принципов объективности, системности, историзма.

В разработке проблем истории социально-культурной деятельности в России достаточно условно выделяются как минимум три этапа:

- накопление опыта историко-педагогических исследований внешкольного образования в России (конец XIX века – 1920-е годы);
- формирование и развитие научных исторических знаний о культурно-просветительской работе (1920–1990-е годы);
- становление историографии социально-культурной деятельности как самостоятельного направления историко-педагогических исследований (1991 год и по настоящее время).

Данные этапы позволяют обнаружить устойчивое понимание исследователями изучаемого явления как достаточно целостного и имеющего огромное значение в контексте социализации личности, а также повышения общего культурного уровня населения страны.

Каждый из этапов характеризуется наличием, с одной стороны, признанных в тот период исследований, монографий и учебных изданий, достаточного числа публикаций в научных журналах и специальных изданиях (сборниках научных статей, трудах научных конференций и т.д.), а с другой – наличием определённого консенсуса исследователей в оценке и интерпретации исторических фактов.

Остановимся на историографическом контексте, в котором происходила разработка истории социально-культурной деятельности в России с конца XIX по начало XXI века.

Первый этап: накопление опыта историко-педагогических исследований внешкольного образования в России (конец XIX века – 1920-е годы). Дореволюционное внешкольное образование – основной источник становления культурно-просветительской, а затем – социально-культурной деятельности. Рассмотрим этап накопления опыта исторических исследований внешкольного образования в России.

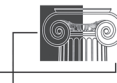
Период с конца XIX века по 1920-е годы можно охарактеризовать как этап собирания и накопления исторических знаний о деятельности конкретных внешкольных учреждений, органов местного самоуправления, земств, а также отдельных персон, обеспечивших реализацию принципа частной инициативы. Эти сведения собирались по «горячим следам», касались новейшей для того времени истории и в большинстве случаев не воспринимались современниками как собственно исторические.

Внешкольное образование ведёт своё начало с середины 1850-х годов, когда в обществе была в полной мере осознана необходимость просвещения народа, организации массовых культурно-просветительских мероприятий, различных социально одобряемых форм досуга населения.

История клубной деятельности в России тесно связана с утверждением идеалов просветительства и самодеятельного творчества в рамках дореволюционного внешкольного образования, а затем, в советский период, культурно-просветительской работы.

С середины XIX века на волне подъёма народно-демократического движения в России получило широкое распространение внешкольное образование народа.

Одним из его основных институтов стали народные дома, которые стремились развивать внешкольное образование, бороться

ся с неграмотностью, вести лекционную работу.

Датой основания первого в России народного дома принято считать 1882 год – тогда он был открыт в Томске. В Петербурге такой народный дом был открыт лишь год спустя – в 1883 году.

В конце XIX – начале XX века народные дома создавались повсеместно и как общедоступные культурно-просветительные учреждения, объединявшие все формы образовательной и досуговой деятельности. Инициаторами создания народных домов вначале были частные лица и общественные организации (например, Общества грамотности), а затем – органы местного самоуправления (земства, городские управы т.п.).

Примечательно, что ещё в период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года были обоснованы важнейшие подходы к организации деятельности клубных учреждений, которые затем были реализованы советской властью.

Так, например, в документе «Тезисы о народных домах, принятые комиссией по внешкольному образованию в 1917 году» [24], были чётко намечены идеи институциональной самостоятельности народных домов и впервые указано на необходимость их государственного финансирования.

Организация работы народного дома – прообраза будущих клубных учреждений – уже в период Февральской революции 1917 года понимается как государственная задача.

После Октябрьской революции 1917 года народные дома были преобразованы в клубные учреждения, и их работа приобрела системный и массовый характер.

Российские историки образования начала XX века практически не оставили фундаментальных работ, в которых с исторической точки зрения осмыслился бы фе-

номен дореволюционного внешкольного образования.

Опыт исторического исследования этого периода ограничен, пожалуй, работами В. И. Чернолуского и Е. Н. Медынского, в которых обобщена работа отдельных внешкольных учреждений.

Назовём некоторые работы В. И. Чернолуского, в которых представлен исторический очерк внешкольного образования. Это прежде всего двухтомное издание «Земство и народное образование: Очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования. Формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области» (1910–1911) [27] и «Настольная книга по внешкольному образованию» (1913) [28]. Эти работы, как и другие труды В. И. Чернолуского, написанные в дореволюционный период, отражают оптимистичное и подвижническое отношение русской интеллигенции к внешкольной работе с населением.

Из дореволюционных работ Е. Н. Медынского выделим его многократно переизданную книгу «Внешкольное образование, его значение, организация и техника» (1913) [16], которая была издана как итог лекционного курса, прочитанного в Педагогической академии в Санкт-Петербурге. В этой книге даётся только общий очерк истории внешкольной работы. «Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию» (1916) [17], подготовленный Е. Н. Медынским, не содержит исторических исследований этого явления – оно было относительно новым и ещё не представлялось современникам как исторически значимое явление.

Достижения первого периода нужно понимать как первично накопленный опыт исторического исследования. Действитель-

но, исследователи попросту не успели создать целостную историю дореволюционного внешкольного образования. Эту задачу выполнили историки, стоявшие на принципиально иных теоретико-методологических позициях, основанных на марксистко-ленинском понимании закономерностей истории и её обусловленности задачами классовой борьбы.

В качестве примера приведём достаточно типичную для первых лет советской власти историко-педагогическую оценку внешкольного образования, которая была представлена в «Педагогической энциклопедии» (1929).

Автор статьи о политико-просветительной работе А. Г. Кравченко подчёркивал, что в дореволюционный период работа по внешкольному образованию велась «в незначительных размерах» [11, с. 333], «носила случайный характер» [11, с. 333], более того – отсутствовала системность. Такая тенденциозная оценка подвижнического опыта внешкольного образования сводилась к тому, что это «были распылённые попытки либеральной интеллигенции в условиях царизма провести просветительную работу среди “народа”» [11, с. 333].

Советская педагогическая историография определяла внешкольное образование как промежуточный результат народно-освободительного движения, возникший «на грани перехода от революционной кружковщины к постепенному развёртыванию пропагандистской работы в массах» [4, с. 679]. Данный вывод в полной мере соответствует позиции, характерной для советской школы исторических исследований культурно-просветительной работы.

Традицию такого резко отрицательного отношения к историческому прошлому просветительской работы в дореволю-

ционной России заложил В. А. Зеленко, первый ректор Петроградского института внешкольного образования, созданного в 1918 году в Петрограде. В книге «Практика внешкольного образования в России» (1918) [7] он резко, в крайних пролеткультовских формулировках, «развенчивал» исторический опыт внешкольной работы. «Народный дом разве не является в настоящее время гвоздём культурно-просветительной работы? А он зародился и долгое время разрабатывался в земских кругах: он не окреп так как не было денег, не было связи с населением, работников и подходящих условий, действовали методы работы благотворительной» [7, с. 18–19].

Это лишь один из примеров, подтверждающих общую тенденцию, – главные методы социально-культурной самоорганизации населения, получившие в дореволюционной России название «частная инициатива и благотворительность», в советской педагогической историографии на долгое время получили негативное значение и перестали применяться в теоретических и прикладных исследованиях.

В советской России был востребован богатый опыт дореволюционного внешкольного образования, но потребовалась кардинальная переработка его теоретических оснований. К середине 1920-х годов внешкольное образование было окончательно трансформировано в политико-просветительную работу, а к 1930-м годам понятие «внешкольное образование» практически исчезло из педагогического лексикона. С этого времени его используют только в историко-педагогических исследованиях, посвящённых дореволюционной педагогической деятельности, работе народных университетов и воскресных школ, политическому просвещению, агитации и пропаганде во внешкольной работе.

Второй этап: формирование и развитие научных исторических знаний о культурно-просветительной работе (1920–1990-е годы). Столь же целостным и наполненным общностью подходов, как и первый этап, является второй этап исторического исследования культурно-просветительной работы как инструмента строительства социализма (1918–1991). Этот этап определяется формированием и развитием научных исторических знаний о дореволюционном внешкольном образовании и советской культурно-просветительной работе, построенных на критическом анализе фактов и источников с позиции партийного, узкоклассового подхода. Общая оценка этого периода не может быть сведена к выделению какого-то общего основания для формирования советской историографии культурно-просветительной деятельности. Однако при этом нельзя не подчеркнуть, что, несмотря на достаточно продолжительный временной отрезок, который охватывает данный период, в нём реально присутствовал консенсус, основанный на преимущественно эволюционном понимании исторического процесса и признании его детерминированности задачами революционно-освободительной борьбы. Несмотря на многообразие направлений и исследовательских методик, в исследованиях истории культурно-просветительной работы, как, впрочем, и во всей советской историографии, укоренилось рассмотрение исторического процесса как «неуклонной единой линии освобождения от всех форм социального гнёта, выделение революционных эпизодов в прошлом, накладывавшее значительные элементы телеологизма – неуклонного поступательного движения общества на пути к коммунистическому идеалу» [2, с. 149]. В советской историографии (в отличие от дореволюционной) наиболее рас-

пространённым было обращение к ближайшим событиям, что стало следствием «хронологического сжатия и усечения горизонта отечественной истории, рассматриваемого сквозь призму классовой борьбы и революционного процесса» [2, с. 150].

Историки внешкольного образования и политико-просветительной работы достаточно полно осветили в литературе период 1920–1930-х годов. И это не случайно, ведь именно в это время были заложены основные методологические идеи, предопределившие становление досуговой педагогики, а также основных подходов, обеспечивающих формирование и развитие отраслевой теории.

Отметим, что в этот период исторические исследования внешкольного образования, а затем – политико-просветительной работы продолжили учёные, работавшие в дореволюционной России, – Е. Н. Медынский, В. А. Зеленко и другие, знавшие опыт работы внешкольных учреждений.

Развитие историко-педагогического направления в исследованиях культурно-просветительной работы в СССР было ознаменовано формированием нескольких научных школ, среди которых первенство, по праву, принадлежало Московскому и Харьковскому институтам культуры.

В Москве вдохновителем исторических исследований культурно-просветительной работы была Л. С. Фрид. В 1950–1970-е годы историю культурно-просветительной работы разрабатывали М. С. Андреева, Д. И. Гусев, А. И. Лютер, М. П. Мазурицкий, Т. А. Ремизова, А. М. Савченко и другие преподаватели Московского государственного библиотечного института имени В. М. Молотова.

Любовь Соломоновна Фрид была соратницей Н. К. Крупской и в созданном ею Московском библиотечном институте возгла-

вила сначала кафедру педагогики, а затем – впервые созданную кафедру культурно-просветительной работы.

Исторические исследования Л. С. Фрид вела ещё в довоенный период, подготовив и защитив диссертацию о политико-просветительной работе в РСФСР в послеоктябрьский период. Текст данной научной работы был опубликован в 1941 году как отдельная книга под названием «Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР: (1917–1929 гг.)» (Ленинград, 1941) [26]. Уже работая в МГБИ, Л. С. Фрид осуществила грандиозную работу, имевшую большое значение для всей системы культурно-просветительной работы того периода, – она совместно с А. Г. Кравченко подготовила к печати седьмой том собрания сочинений Н. К. Крупской [12], полностью посвящённый политико-просветительной работе.

Типичным для того времени стало историческое исследование Л. С. Фрид культурно-просветительной работы в России до Великой Октябрьской социалистической революции и её роли в формировании революционного мировоззрения трудящихся масс [25].

В этот же период историческую проблематику разрабатывали многие преподаватели МГБИ имени В. М. Молотова. Так, Мария Сергеевна Андреева изучала особенности политико-просветительной работы в начале восстановительного периода (1921–1923 годы) [1].

Анатолий Иванович Лютер разрабатывал историю музыкально-просветительной работы прогрессивных легальных обществ в годы нового революционного подъёма (1910–1914 годы) [14].

Дмитрий Иванович Гусев специально рассмотрел культурно-просветительную работу в период завершения социалистиче-

ской реконструкции народного хозяйства (1929–1937 годы) [5].

Татьяна Алексеевна Ремизова представила развёрнутый анализ всех направлений культурно-просветительной работы в 1917–1925 годах [18].

Таким образом, к концу 1960-х годов в МГБИ имени В. М. Молотова достаточно успешно выполнялись исследования по истории культурно-просветительной работы. Это стало хорошей основой для дальнейшей разработки проблем истории в работах А. М. Савченко, М. П. Мазурицкого и других московских авторов, представлявших новое поколение исследователей и педагогов. В 1970-е годы Анатолий Михайлович Савченко годы занимает лидирующие позиции среди историков культурно-просветительной работы, опубликовав в это время несколько авторитетных исследований [21; 22]. Михаил Петрович Мазурицкий был сосредоточен на истории культурно-просветительной работы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) [15], которая стала центральной темой его исследований.

Отмечая заслуги представителей московской школы историков культурно-просветительной работы, следует подчеркнуть, что в этот период достаточно успешно работали учёные Харьковского государственного института культуры – А. П. Виноградов, С. А. Пиналов, Г. И. Чернявский и другие.

В Харькове в 1960–1970-е годы издаются работы по различным вопросам истории культурно-просветительной работы. Так, например, доцент, кандидат исторических наук Георгий Иосифович Чернявский публикует ряд работ по дореволюционному внешкольному образованию [29]; кандидат исторических наук А. П. Виноградов – по политико-просветительной работе в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 годы) [3].

При этом, опережая московских коллег, харьковские историки подготовили и опубликовали двухтомник по истории культурно-просветительной работы в СССР. Первый том был посвящён внешкольному образованию в России до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года [8], а второй том – советскому периоду (1917–1969 годы) [9]. Отметим также, что московские авторы активно участвовали в этом издании, например, М. А. Андреева была редактором второго тома.

В московском вузе подобный учебник вышел лишь через пять лет, и его авторский коллектив составили кандидаты исторических наук Д. И. Гусев и Т. А. Ремизова, кандидат педагогических наук Л. С. Фрид и другие [13].

Вплоть до 1991 года основные идеи двух учебников по истории культурно-просветительной работы – харьковского и московского – воспроизводились практически во всех изданиях учебников по клубоведению.

Таким образом, выделяя традиции и особенности исторических исследований культурно-просветительной работы на втором этапе, на котором преобладало исследование истории культурно-просветительной работы как инструмента социалистического строительства, мы придерживаемся мнения, что, даже несмотря на их очень сильную детерминированность принципом партийности, они соответствовали основным критериям научности.

Представители Московского библиотечного института имени В. М. Молотова, впоследствии Московского государственного института культуры, а также ленинградские и харьковские авторы в полной мере отразили традиции советской исторической науки в целом:

- при исследовании развития культурно-просветительной работы в СССР все

формы и направления рассматривались в логике постоянного роста её социальной и педагогической эффективности. Такая линия движения, которая выстраивалась только как линейная и прогрессивная, соответствовала общей тенденции в развитии партийно-государственной системы. При этом, хотя иногда авторы допускали возможность существования отдельных недостатков, по качественным и количественным показателям каждый этап развития культурно-просветительной работы признавался более высоким, чем предыдущий;

- преобладание принципа партийности в теории и практике культурно-просветительной работы приводило в исторических исследованиях к стремлению авторов досконально фиксировать в своих работах все изменения в партийно-государственной системе страны. Отсюда возникал определённый «перекос» в сторону признания преобладающего значения решений партийных съездов и постановлений для объяснения явлений просвещения и культурного творчества советских граждан;

- в трудах историков культурно-просветительной работы на протяжении всей истории советского государства признавалось научно значимым отражение политических процессов в историко-научной сфере. Исторические исследования практически зеркально отражали все «зигзаги» и события, иногда достаточно противоречивые, формирования партийно-государственной системы в общем процессе развития культурно-просветительной работы. Это иногда приводило к чрезмерному увлечению цитатничеством или схематизмом, что можно обнаружить в исследованиях истории внешкольного образования, политико-просветительной работы и культурно-просветительной деятельности.

Третий этап: становление историографии социально-культурной деятельности как самостоятельного направления историко-педагогических исследований (1991 год – по настоящее время). Новый этап, начавшийся после 1991 года, характеризуется постепенным отказом от интерпретации истории культурно-просветительной деятельности с позиций её партийной обусловленности и обновлением подходов в историко-педагогических исследованиях. Это – новый шаг в развитии отечественной теории социально-культурной деятельности и в преодолении недостатков исторического исследования, характерных для советской историографии.

Начавшаяся в середине 1990-х годов дискуссия об особенностях советской историографии [23] дала толчок к формированию новых традиций в оценке достижений исторической науки, которые позволяли рассматривать её как сложное, многоуровневое явление, на каждом уровне нуждающееся в собственном анализе и переосмыслении.

Любопытно, что этот посыл активно подхватили историки педагогики (М. В. Богуславский, П. В. Горностаев, С. А. Днепров, Б. К. Тебиев и другие) и историки социально-культурной деятельности, которая именно в этот период обрела своё название, пришедшее на смену названию «культурно-просветительная работа».

Речь идёт о работах Е. М. Ключко [10], Г. Я. Никитиной, Ю. А. Стрельцова, В. Е. Триодина, В. В. Туева, Н. Н. Ярошенко и других исследователей, а также работах Ю. Д. Красильникова и Т. Г. Киселёвой, сформулировавших современную концепцию социально-культурной деятельности.

Консенсус историков социально-культурной деятельности в этот период определялся признанием необходимости преодоле-

ния одностороннего рассмотрения явлений, отказа от целенаправленного преувеличения или преуменьшения их роли в общественно-историческом процессе, устранения в исторических исследованиях догматических установок, препятствующих объективности научного анализа.

В период с 1991 года по настоящее время появилось немало работ по истории социально-культурной деятельности в целом, а также её отдельным периодам. Среди таких исследований выделяются работы монографического уровня, научные статьи и тематические сборники таких статей, учебники и учебные пособия. Анализ этих историко-педагогических исследований заслуживает отдельного внимания и по своему объёму выходит за рамки данной статьи.

Многообразие исследовательских материалов по истории социально-культурной деятельности потребовало разработки современного историографического аппарата. Эту задачу в определённой мере выполняют исследования доктора педагогических наук, профессора В. М. Рябкова. Его работы, опубликованные в советский период, стали практически первыми исследованиями по историографии социально-культурной деятельности [19]. Логичным продолжением разработки данной проблемы стала защита докторской диссертации В. М. Рябкова «Историография педагогической теории социально-культурной деятельности: вторая половина XX – начало XXI в.» (Челябинск, 2009) [20]. По материалам данного исследования В. М. Рябков выпустил несколько монографий, аннотированных хрестоматий и других изданий.

Введение в научный оборот новых архивных источников, забытых и редких публикаций стало важной приметой историографического процесса последнего десятилетия и залогом активизации исследова-

ний истории социально-культурной деятельности.

Таким образом, проведённый анализ трёх основных этапов в разработке проблем истории социально-культурной деятельности в России позволяет сделать некоторые обобщающие выводы:

- исторические исследования внешкольного образования (первый этап) могут быть разделены на две группы: в первую необходимо включить работы теоретиков внешкольного образования дореволюционного периода, которые дают положительную оценку этой работы, объективно рассматривают движущие силы и факторы процессов культурного просвещения; вторая группа – работы советских авторов о дореволюционном внешкольном образовании, которые характеризуются негативными оценками и отрицанием базовых принципов частной инициативы, общественной организации и других в культурно-просветительской работе;

- исторические исследования культурно-просветительской работы как инструмента строительства социализма (второй этап) выстраивались в логике подтверждения постоянного, линейного и прогрессивного роста её социальной и педагогической эффективности, а также на основе принципа партийности в теории и практике культурно-просветительской работы. Это приводило к снижению объективности и объяснительного потенциала историко-педагогических исследований;

- в постсоветский период (третий этап) в исторических исследованиях социально-культурной деятельности, в соответствии с утвердившимися в отечественной историографии подходами, произошли следующие изменения: расширилось фактологическое поле исследований и были фактически «реабилитированы» многие явления и на-

правления в культурной жизни, которые ранее априори не попадали в исследовательское поле историков: культурно-просветительская работа русского зарубежья, конфессиональные аспекты просветительской работы и т.д.; сформировалась дифференцированная оценка событий истории культурно-просветительской работы и началось переосмысление в этом контексте общего хода развития советской истории; большое значение для формирования новых традиций историко-педагогических исследований приобрели факторы внутреннего развития науки: не только педагогики, теории социально-культурной деятельности, но и других гуманитарных наук – философии, социологии, культурологии, искусствознания и т. д.

В целом совокупность изменений в содержательной оценке и интерпретации исторических событий, фактов и явлений социально-культурной деятельности обеспечила формирование в России историографии социально-культурной деятельности как самостоятельного направления современных историко-педагогических исследований.

Анализ показывает, что специфика исторических исследований социально-культурной деятельности определяется преемственным характером крупных процессов, охватывающих весьма продолжительные временные отрезки (внешкольное образование, политико-просветительская работа, культурно-просветительская работа, социально-культурная деятельность), а также единством исследователей в понимании самой этой деятельности как подсистемы культуры, призванной закреплять, накапливать и трансформировать социальный опыт, передаваемый в особых формах самодетерминированной деятельности людей в условиях свободного времени.

Примечания

1. *Андреева М. С.* Политико-просветительная работа в начале восстановительного периода. (1921–1923 гг.) : лекция для студентов библиотечных институтов по курсу «История культпросветработы» / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный библиотечный институт имени В. М. Молотова. Москва : Госкультпросветиздат, 1955. 28 с.
2. *Афанасьев Ю. Н.* Феномен советской историографии // Отечественная история. 1996. № 5. С. 146–168.
3. *Виноградов А. П.* Политико-просветительная работа в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.) : лекция по курсу «История культурно-просветительной работы в СССР» / Министерство культуры УССР. Харьковский государственный институт культуры. Харьков : [б. и.], 1968 [вып. дан. 1969]. 30 с.
4. Внешкольное образование // Большая Советская энциклопедия. 1-е издание. Том 11. Москва : Советская энциклопедия, 1930. С. 679.
5. Вопросы теории и истории культурно-просветительной работы : [сборник статей] / редкол.: Беляков С. А. (отв. ред.) и др. Москва : [б. и.], 1977. 239 с.
6. *Гусев Д. И.* Культурно-просветительная работа в период наступления социализма по всему фронту и завершения социалистической реконструкции народного хозяйства (1929–1937 гг.) : учебное пособие для студентов факультетов культпросветработы институтов культуры по курсу «История культурно-просветительной работы в СССР» / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1967. 100 с.
7. *Зеленко В. А.* Практика внешкольного образования в России. Издание 3-е, дополненное и просмотренное. Москва ; Петроград, 1923. 245 с.
8. История культурно-просветительской работы в СССР : учебное пособие для студентов институтов культуры / Харьковский государственный институт культуры. Харьков : [б. и.], 1969 (обл. 1970). Том 1 : Внешкольное образование в России до Великой Октябрьской социалистической революции / А. П. Виноградов и др. 1969. 246 с.
9. История культурно-просветительской работы в СССР : учебное пособие для студентов институтов культуры / Харьковский государственный институт культуры. Харьков : [б. и.], 1969 (обл. 1970). Часть 2 : Советский период (1917–1969 гг.) / М. С. Андреева. 1970. 298 с.
10. *Клюско Е. М.* Культурно-досуговая деятельность населения России (май 1945–1985 гг.) : Теоретико-методологические и исторические аспекты : учебное пособие для студентов вузов культуры / Министерство культуры РФ. Московский государственный университет культуры. Москва : МГУКИ, 1997. 130 с.
11. *Кравченко А. Г.* Политико-просветительная работа в РСФСР // Педагогическая энциклопедия : в 3 томах / под ред. А. Г. Калашникова, при участии М. С. Эпштейна. Москва : Работник просвещения, 1927–1929. Том 3. 1929.
12. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения : в 10 томах / под ред. Н. К. Гончарова [и др.] ; Академия педагогических наук РСФСР. Институт теории и истории педагогов. Москва : Изд-во Академии педагогических наук, 1957–1963. Том 7 : Основы политико-просветительной работы / подготовка текста и примечания А. Г. Кравченко и Л. С. Фрид. 1959. 751 с.
13. Культурно-просветительная работа в СССР : [учебное пособие для культурно-просветительных факультетов институтов культуры] / под ред. Т. А. Ремизовой. Москва : Просвещение, 1974. 272 с.
14. *Лютер А. И.* Из истории музыкально-просветительной работы прогрессивных легальных обществ в годы нового революционного подъёма (1910–1914) : материал по курсу «Культурно-просветительная работа» / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1960. 30 с.
15. *Мазурицкий М. П.* Культурно-просветительная работа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.) : лекция для студентов-заочников по курсу «История культурно-просветительной работы» / Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1971. 76 с.
16. *Медынский Е. Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника: Курсы, читанные в Педагогической академии. Санкт-Петербург, 1913. 249 с.

17. Медынский Е., Лапшов И. Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию. Москва : Наука, 1916. VIII, 229 с.; 2-е изд. Москва : Наука, 1917. 230 с.
18. Ремизова Т. А. Культурно-просветительская работа в 1917–1925 гг. : учебное пособие по курсу «История культурно-просветительной работы» / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1968. 102 с.
19. Рябков В. М. Историография культурно-просветительной работы в СССР в период совершенствования социализма 1961–1985 гг. : учебное пособие. Челябинск : ЧГПИ, 1987. 76 с.
20. Рябков В. М. Историография педагогической теории социально-культурной деятельности : вторая половина XX – начало XXI в. : автореферат диссертации на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.05 / Рябков Владимир Михайлович ; [Место защиты : Челябинская государственная академия культуры и искусства]. Челябинск, 2009. 40 с.
21. Савченко А. М. История культурно-просветительной работы в СССР : курс лекций для студентов-заочников / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1970. 168 с.
22. Савченко А. М. Введение в историю культурно-просветительной работы в СССР : Актуальные вопросы истории культпросветработы в условиях перестройки : лекция по курсу «История культурно-просветительной работы в СССР» / Московский государственный институт культуры. Москва : МГИК, 1988 (1989). 47 с.
23. Советская историография : [сборник статей] / [под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева]. Москва : РГГУ, 1996. 589 с.
24. Тезисы о народных домах, принятые комиссией по внешкольному образованию 1917 г. // Законопроекты и постановления Государственного комитета по народному образованию при министерстве народного просвещения Временного правительства. Российский Архив Образования, Ф. 19, (Архив профессора Чарнолуцкого), оп. 1, д. 5, С. 334–335.
25. Фрид Л. С. Культурно-просветительная работа в России до Великой Октябрьской социалистической революции и её роль в формировании революционного мировоззрения трудящихся масс : [лекция по курсу «История культурно-просветительной работы»] / Министерство культуры РСФСР. Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1967. 62 с.
26. Фрид Л. С. Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР : (1917–1929 гг.) / Коммунистический политико-просветительский институт имени Н. К. Крупской, Кафедра политико-просветительской работы. Ленинград : [б. и.], 1941. 184 с.
27. Чарнолуцкий В. И. Земство и народное образование: Очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования. Формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области. Части 1–2. Санкт-Петербург : Знание, 1910–1911.
28. Чарнолуцкий В. И. Настольная книга по внешкольному образованию. Том 1. Санкт-Петербург : Знание, 1913. 501 с.
29. Чернявский Г. И., Пиналов С. А. Культурно-просветительная работа в период первой русской революции. (1905–1907 гг.) : лекция для студентов по курсу «История культурно-просветительной работы в СССР» / Министерство культуры УССР. Харьковский государственный институт культуры. Харьков : [б. и.], 1968. 31 с.

References

1. Andreeva M. S. *Politiko-prosvetitel'naya rabota v nachale vosstanovitel'nogo perioda. (1921–1923 gg.)* [Political and educational work at the beginning of the recovery period. (1921–1923)]. Moscow, 1955. 28 p. (In Russian)
2. Afanasyev Yu. N. Fenomen sovetskoy istoriografii [The phenomenon of Soviet historiography]. *Otechestvennaya istoriya* [National History]. 1996, no. 5, pp. 146–168. (In Russian)
3. Vinogradov A. P. *Politiko-prosvetitel'naya rabota v gody Velikoy Otechestvennoy vojny Sovetskogo Soyuza (1941–1945 gg.)* [Political and educational work in the years of the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945)]. Kharkov, Published by Kharkov State Institute of Culture, 1968. 30 p. (In Russian)

4. Vneshkol'noe obrazovanie [Out-of-school education]. In: *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. 1-e izdanie. Tom 11 [Great Soviet Encyclopedia. 1st edition. Vol. 11]*. Moscow, Publishing house "Soviet Encyclopedia", 1930. P. 679. (In Russian)
5. Belyakov S. A., ed. *Voprosy teorii i istorii kul'turno-prosvetitel'noy raboty. Sbornik statey [Questions of the theory and history of cultural and educational work. A collection of articles]*. Moscow, 1977. 239 p. (In Russian)
6. Gusev D. I. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v period nastupleniya sotsializma po vsemu frontu i zaversheniya sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva (1929–1937 gg.) [Cultural and educational work in the period of the onset of socialism along the whole front and the completion of the socialist reconstruction of the national economy (1929–1937)]*. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1967. 100 p. (In Russian)
7. Zelenko V. A. *Praktika vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii [Practice of out-of-school education in Russia]*. 3rd edition. Moscow, Petrograd, 1923. 245 p. (In Russian)
8. *Istoriya kul'turno-prosvetitel'skoy raboty v SSSR. Tom 1. Vneshkol'noe obrazovanie v Rossii do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Avtor A. P. Vinogradov [The history of cultural and educational work in the USSR. Volume 1. Out-of-school education in Russia before the Great October Socialist Revolution. Author A. P. Vinogradov]*. Kharkov, Published by Kharkov State Institute of Culture, 1969. 246 p. (In Russian)
9. *Istoriya kul'turno-prosvetitel'skoy raboty v SSSR. Chast' 2. Sovetskiy period (1917–1969 gg.). Avtor M. S. Andreeva [The history of cultural and educational work in the USSR. Part 2. The Soviet Period (1917–1969). Author M. S. Andreeva]*. Kharkov, Published by Kharkov State Institute of Culture, 1970. 298 p. (In Russian)
10. Klyusko E. M. *Kul'turno-dosugovaya deyatelnost' naseleniya Rossii (may 1945–1985 gg.) : Teoretiko-metodologicheskie i istoricheskiye aspekty [Cultural and leisure activities of the population of Russia (May 1945–1985): Theoretical, methodological and historical aspects]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture, 1997. 130 p. (In Russian)
11. Kravchenko A. G. Politiko-prosvetitel'naya rabota v RSFSR [Political and educational work in the RSFSR]. In: Kalashnikov A. G., Epshteyn M. S. eds. *Pedagogicheskaya entsiklopediya, v 3 tomakh, tom 3 [Pedagogical encyclopedia, in 3 vol., vol. 3]*. Moscow, 1929. (In Russian)
12. Krupskaya N. K. *Pedagogicheskie sochineniya. V 10 tomakh. Tom 7. Osnovy politiko-prosvetitel'noy raboty. Redaktory toma A. G. Kravchenko, L. S. Frid [Pedagogical works. In 10 volumes. Vol. 7. Fundamentals of political education. Ed. by A. G. Kravchenko, L. S. Frid]*. Moscow, Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences, 1959. 751 p. (In Russian)
13. Remizova T. A., ed. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v SSSR [Cultural and educational work in the USSR]*. Moscow, Publishing house "Prosveshchenie", 1974. 272 p. (In Russian)
14. Lyuter A. I. *Iz istorii muzykal'no-prosvetitel'noy raboty progressivnykh legal'nykh obshchestv v gody novogo revolyutsionnogo pod'yema (1910–1914) [From the history of the musical and educational work of progressive legal societies in the years of the new revolutionary upsurge (1910–1914)]*. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1960. 30 p. (In Russian)
15. Mazuritsky M. P. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. (1941–1945 gg.) [Cultural and educational work in the Soviet rear during the Great Patriotic War. (1941–1945)]*. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1971. 76 p. (In Russian)
16. Medynsky E. N. *Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizatsiya i tekhnika: Kursy, chitannyye v Pedagogicheskoy akademii [Out-of-school education, its importance, organization and technology: Courses taught at the Pedagogical Academy]*. St. Petersburg, 1913. 249 p. (In Russian)
17. Medynsky E., Lapshov I. *Sistematicheskiy ukazatel' knig i statey po vneshkol'nomu obrazovaniyu [Systematic index of books and articles on non-formal education]*. Moscow, Publishing house "Nauka" RAS, 1916. 229 p. 2nd edition. Moscow, Publishing house "Nauka" RAS, 1917. 230 p. (In Russian)
18. Remizova T. A. *Kul'turno-prosvetitel'skaya rabota v 1917–1925 gg. [Cultural and educational work in 1917–1925]*. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1968. 102 p. (In Russian)
19. Ryabkov V. M. *Istoriografiya kul'turno-prosvetitel'noy raboty v SSSR v period sovershenstvovaniya sotsializma 1961–1985 gg. [Historiography of cultural and educational work in the USSR in the period of*

- perfection of socialism 1961–1985*]. Chelyabinsk, Publishing house of the Chelyabinsk State Pedagogical Institute, 1987. 76 p. (In Russian)
20. Ryabkov V. M. *Istoriografiya pedagogicheskoy teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti: vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka. Avtoreferat diss. dok. ped. nauk* [Historiography of the pedagogical theory of social and cultural activities: the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. Synopsis dr. ped. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2009. 40 p. (In Russian)
 21. Savchenko A. M. *Istoriya kul'turno-prosvetitel'noy raboty v SSSR* [The history of cultural and educational work in the USSR]. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1970. 168 p. (In Russian)
 22. Savchenko A. M. *Vvedenie v istoriyu kul'turno-prosvetitel'noy raboty v SSSR: Aktual'nye voprosy istorii kul'tprosvetiraboty v usloviyakh perestroiki* [Introduction to the history of cultural and educational work in the USSR: Current issues in the history of cultural education in the conditions of restructuring]. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1988. 47 p. (In Russian)
 23. Afanasyeva Yu. N., ed. *Sovetskaya istoriografiya. Sbornik statey* [Soviet historiography. A collection of articles]. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 1996. 589 p. (In Russian)
 24. Tezisy o narodnykh domakh, prinyatyie komissiei po vneshkol'nomu obrazovaniyu 1917 g. [Abstracts on people's homes, adopted by the Commission on non-formal education in 1917]. In: *Zakonoprojekty i postanovleniya Gosudarstvennogo komiteta po narodnomu obrazovaniyu pri ministerstve narodnogo prosvshcheniya Vremennogo pravitel'stva* [Bills and resolutions of the State Committee on Public Education under the Ministry of Public Education of the Provisional Government]. Russian Archive of Education. Fond 19, (Archive of Professor Charnolusky). Inventory 1. Document 5, p. 334–335. (In Russian)
 25. Frid L. S. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v Rossii do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii i ee rol' v formirovaniy revolyutsionnogo mirovozzreniya trudyashchikhssya mass* [Cultural and educational work in Russia before the Great October Socialist Revolution and its role in shaping the revolutionary worldview of the working people]. Moscow, Published by Moscow State Institute of Culture, 1967. 62 p. (In Russian)
 26. Frid L. S. *Ocherki po istorii razvitiya politiko-prosvetitel'noy raboty v RSFSR: (1917–1929 gg.)* [Essays on the history of the development of political and educational work in the RSFSR: (1917–1929)]. Leningrad, 1941. 184 p. (In Russian)
 27. Charnolusky V. I. *Zemstvo i narodnoe obrazovanie. Ocherki iz proshlogo i nastoyashchego zemskoy deyatel'nosti v razlichnykh otraslyakh obshchestvennogo obrazovaniya. Formy, tipy, rezul'taty i ocherednye zadachi zemskogo khozyaystva i zemskikh uchrezhdeniy v etoy oblasti. Chasti 1–2* [Zemstvo and public education: Essays from the past and present zemstvo activities in various branches of public education. Forms, types, results and immediate tasks of rural economy and rural institutions in this area. Parts 1–2]. St. Petersburg, Publishing house “Znanie”, 1910–1911. (In Russian)
 28. Charnolusky V. I. *Nastol'naya kniga po vneshkol'nomu obrazovaniyu. Tom 1* [Handbook for non-formal education. Vol. 1]. St. Petersburg, Publishing house “Znanie”, 1913. 501 p. (In Russian)
 29. Chernyavsky G. I., Pinalov S. A. *Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v period pervoy russkoy revolyutsii. (1905–1907 gg.)* [Cultural and educational work in the period of the first Russian revolution. (1905–1907)]. Kharkov, Published by Kharkov State Institute of Culture, 1968. 31 p. (In Russian)

*

АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИИ ДОСУГА

УДК 379.8:338.24

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10211

Т. Н. Сумина

Московский государственный институт культуры

В статье раскрывается сущность и специфика арт-менеджмента в контексте индустрии досуга, которая в креативной экономике автором трактуется как сфера, ориентированная на создание развлечений и одухотворение публики/реципиентов посредством различных текстов художественных произведений. Индустрия досуга связана с арт-менеджментом как синергичным элементом генерации коммуникативного маркетингового пространства проектной деятельности, интегрирующей процессы управления продюсированием (продакшном и промоушном) арт-проектов, реализацию творческого потенциала художников, актёров, режиссёров и т.д., деятельность «коммерсантов от искусства» – арт-менеджеров, антрепренёров, арт-дилеров, импресарио, продюсеров, промоутеров и т.д. Арт-менеджмент – это философия и культура управления в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе, отраслевой менеджмент, наука, прикладная учебная дисциплина, пространство субкультуры, инструмент/механизм творческих индустрий, российской и международной экономики и политики сферы культуры и искусства по удовлетворению потребностей реципиентов в поиске новых смыслов бытия, в культурных ценностях и в зрелищах (выставки, спектакли, кинофильмы и т.д.).

Ключевые слова: арт-менеджмент, индустрия досуга, индустрия развлечений, коммуникативное маркетинговое пространство, творческие индустрии, креативная экономика, продюсирование, социально-культурная деятельность, государственная политика в сфере культуры и искусства.

T. N. Suminova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

ART MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF LEISURE INDUSTRY

The article reveals the essence and specificity of art management in the context of the leisure industry, which in the creative economy is interpreted by the author as a sphere focused on the creation of entertainment and spiritualization of the public/recipients through various texts of works of art. The leisure industry is associated with art management as a synergistic element of generation of communicative marketing space of project activities, integrating the processes of production management (production and promotion) of art projects, the realization of the creative potential of artists, actors, Directors, etc., the activities of “merchants from art” – art managers, entrepreneurs,

СУМИНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SUMINOVA TATYANA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

art dealers, impresario, producers, promoters, etc. Art management is a philosophy and culture of management in the art sphere/art industry/art business, branch management, science, applied academic discipline, subculture space, instrument/mechanism of creative industries, Russian and international economy and politics of culture and art to meet the needs of recipients in the search for new meanings of life, cultural values and in the spectacle (exhibitions, performances, movies, etc.).

Keywords: art management, leisure industry, entertainment industry, communicative marketing space, creative industries, creative economy, producing, social and cultural activity, state policy in the field of culture and art.

Для цитирования: Суминова Т. Н. Арт-менеджмент в контексте индустрии досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 128–134. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10211

«Индустрия досуга» – это многогранный полисмысловой социокультурный феномен, возникновение и динамика развития которого в большей степени обуславливаются индустриальным/промышленным/поточным производством различных по формам, контенту и технологиям результатов деятельности/проектов, связанных с удовлетворением спектра потребностей в развлечении, познании, укреплении здоровья, самоактуализации и т.д. в свободное от трудовой занятости/работы время.

Нередко в публикациях присутствует некоторое «расширение» данного понятия – «индустрия досуга и развлечений», что, вероятно, осуществляется для отражения и представления большего когнитивного пространства в таковом.

Различные аспекты индустрии досуга в качестве объекта менеджмента и технологий социально-культурной деятельности представлены в публикациях Е. М. Ключко [1], Н. С. Мельниковой [2], Л. В. Секретовой [3], В.М. Чижикова, В.В. Чижикова [4], Н.В. Шарковской [5], Н. Н. Ярошенко [6–8] и других.

Актуальность исследования индустрии досуга в контексте различных дискурсов, контентом и смыслам подтверждается состоявшейся Межвузовской практической конференцией «Современная индустрия досуга: векторы модернизации» (14 марта 2019 года,

Москва, ВДНХ, павильон 75), организованной кафедрой менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры с участием представителей ряда вузов России (Санкт-петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Российский государственный социальный университет, Московский городской университет управления Правительства Москвы, Московский городской педагогический университет, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Алтайский государственный институт культуры, Пермский государственный институт культуры, Рязанский филиал Московского государственного института культуры) и Республики Беларусь (Белорусский государственный университет культуры и искусств) при поддержке Российской ассоциации парков и производителей аттракционов. Данное мероприятие, проведённое на высоком интеллектуальном и научном уровне, получило достойный общественный резонанс, что также является свидетельством значимости и востребованности социально-культурного феномена «индустрия досуга», рассматриваемого с позиций различных наук (философии, культурологии, педагогики, психологии, экономики, информатиологии и т.д.).

В контексте креативной экономики восприятие индустрии досуга как сферы, ориентированной на создание развлечений и одухотворение публики/реципиентов посредством различных текстов художественных произведений, позволяет утверждать, что она наитеснейшим образом связана с художественной культурой и её квинтэссенцией – артосферой как сферой искусства и её различными видами, а также с процессами управления продюсированием (продакшном и промоушном) арт-проектов, реализацией творческого/креативного потенциала деятелей сферы культуры и искусства – художников, актёров, режиссёров и т.д., с деятельностью «коммерсантов от искусства» – арт-менеджеров, антрепренёров, арт-дилеров, импресарио, продюсеров, промоутеров и т.д.

Вот почему индустрия досуга имеет сегменты пересечения с арт-индустрией как качественно-количественной характеристикой функционирования артосферы в контексте свободной экономики. Это оказывает действенное влияние на бытие деятелей искусства и представителей нетворческих профессий, создающих Текст сферы искусства как сердцевину художественной культуры посредством облачения спектра идей/смыслов в определённые тексты/информационные ресурсы/культурные формы и т.д. – результаты интеллектуальной/мыслительной деятельности, объекты авторского права и смежных прав.

В данном контексте индустрия досуга «поглощает» и шоу-бизнес как коммерческую/предпринимательскую деятельность в индустрии развлечений. Если в российской действительности шоу-бизнес в основном ассоциируется лишь с музыкальной индустрией (концерты, шоу, создание «звёзд» и т.д.), то за рубежом он охватывает все морфологические элементы сферы ис-

кусства (пространственные, временные и пространственно-временные).

Такое широкое смысловое/контекстное/контентное восприятие понятия «шоу-бизнес» обуславливается процессами и технологиями грамотного управления проектной деятельностью (выставка, концерт, спектакль, кинофильм, радиопостановка и т.д.) и использованием колоссального потенциала артиста как «звезды» в проектах различных видов искусства – как художник, актёр театра и кино, режиссёр и т.д.

Для генерации коммуникативного маркетингового пространства проектной деятельности в индустрии досуга, ориентированной на создание развлечений, необходимо использовать такой синергичный элемент, как арт-менеджмент.

«Арт» (в переводе с английского – искусство), представляющее собой смыслоносущий компонент рассматриваемого термина, и трактуется как художественное творчество; художественная культура; изобразительное искусство.

Арт-менеджмент в исполнительских видах искусства (кинематограф, музыка, танец, театр, цирк, радио, телевидение и т.д.), имеющих отношение к шоу-бизнесу (или в отечественном понимании – музыкальному бизнесу), корректнее обозначать и воспринимать как артистический менеджмент, который ориентирован на процессы управления творческой активностью и выстраивание карьеры деятелей арены/сцены. Это предполагает медиапланирование, имиджмейкерство, промоушн, постпромоушн и так далее, то есть создание и продвижение «звезды» как проектная деятельность арт-менеджеров.

В контексте креативной экономики, неолиберализма, подготовки специалистов для управления в сфере культуры и искусства логично расширить трактовку кон-

цепта «арт-менеджмент», что отразится и на специфике подготовки и профессиональной активности управленцев в данной системе координат.

Арт-менеджер осуществляет и менеджмент выставок и презентаций, имея отношение лишь к сфере изобразительного искусства, к галерейному делу/бизнесу, музейной деятельности и т.п.

Менеджмент выставок и презентаций также логично называть арт-менеджментом, но лишь как управление в сфере изобразительных/пространственных искусств и/или отнести к разновидности собственно арт-менеджмента в качестве управления в сфере искусства с многочисленным спектром её видов.

Нередко в качестве разновидностей арт-менеджмента называют театральный менеджмент, цирковой менеджмент, музыкальный менеджмент и иные словосочетания, связанные с различными видами деятельности в социально-культурной сфере. Данные словосочетания представляются достаточно забавными, поскольку, исходя из лингвистических правил, являются характеристиками в данном случае – менеджмента, то есть менеджмент какой? – цирковой, музыкальный и т.д., как танцевальный, красивый, стройный и т.п.

Вот почему в качестве разновидностей арт-менеджмента могут выступать, например, менеджмент изобразительного искусства; менеджмент киноиндустрии; менеджмент искусства музыки; менеджмент искусства театра; менеджмент искусства телевидения; менеджмент искусства цирка и т.п.

Сущность концепта «арт-менеджмент» как отраслевого менеджмента связана с осуществлением процессов управления не только в изобразительных видах искусства, но во всех иных (временных и пространственно-временных) видах искусства.

Арт-менеджмент – это феномен современного гуманитарного знания, социокультурного хаосмоса и бизнес-реальности, информационного, постиндустриального социума, генерирующий технологии модернизации, инновации, креатива в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса с различными составляющими, который представляет собой многогранный кристалл, генерирующий полизначное восприятие и вследствие этого множественность понимания, трактовки контента.

Арт-менеджмент – это:

- философия и культура управления сферой искусства/в сфере искусства;
- система управления в сфере искусства/арт-индустрии/арт-бизнеса, способствующая осуществлению творческой, финансово-экономической, нормативно-правовой, маркетинговой и иных составляющих деятельности организации/учреждения/коллектива;
- система управления проектами/продюсирования в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе посредством различных технологий (художественно-творческих, организационно-управленческих (в том числе психологических), финансово-экономических, нормативно-правовых, маркетинговых и т.д.);
- концепция и система теоретических и практических знаний о принципах, методах, средствах и формах управления организациями/учреждениями в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе для повышения их эффективности и увеличения прибыли и т.д.

Арт-менеджмент – это наука, входящая в спектр прикладных наук. Ближе всего она относится к экономической практике, «обогащая» её научными концепциями, подходами, методами, с учётом специфики сферы искусства и её видов.

Арт-менеджмент – это также прикладная учебная дисциплина, позволяющая осуществлять подготовку грамотного управленца в сфере искусства как квинтэссенции художественной культуры, ориентированного на осуществление проектной деятельности в контексте реализации государственной политики в сфере культуры и искусства.

Арт-менеджмент – это пространство субкультуры, в которой её представители имеют присущие лишь им ценности, нормы и законы, позволяющие осуществлять профессиональную деятельность на качественном уровне в конкретном виде искусства.

Арт-менеджмент в контексте индустрии досуга (и развлечений!), постиндустриальной диджитальной и креативной экономики значим для такого феномена и технологии/механизма синергии инструментов сферы бизнеса и сферы культуры и искусства, а также реализации художественных процессов, как творческие/креативные индустрии (англ. creative industries). Нередко в зарубежных публикациях присутствуют смысловые аналоги данного словосочетания: «культурные индустрии», «индустрии культуры», «художественные индустрии».

Творческие/креативные индустрии как практики/факторы/механизмы управления различными процессами в сфере культуры и искусства есть сегмент пересечения интересов представителей сферы бизнеса и сферы культуры и искусства. Отправным ресурсом в этих коммуникативных процессах выступает креатив мастеров искусств, использование которого позволяет осуществлять творческое предпринимательство, то есть продюсирование проектов, создавая индустриальное производство инновационных текстов произведений – объектов интеллектуальной собственности, и получая прибыль (экономическую – мате-

риальную и символическую – аплодисменты, повышение уровня популярности, узнаваемости и т.д.).

В творческих/креативных индустриях как объектах арт-менеджмента взаимодействуют различные субъекты деятельности/экономические агенты: представители творческих и нетворческих профессий, в том числе управленцы, импресарио, антрепренёры, продюсеры, маркетологи, юристы, бухгалтеры и т.д., чья профессиональная активность ориентирована на создание маркетинговой ниши, в которой осуществляется производство и продвижение художественного продукта как предложения, пользующегося спросом.

В контексте постиндустриального социума, интенсивного развития рыночной экономики, в том числе в сфере культуры и искусства, достаточно важным видится осознание значимости арт-менеджмента и, естественно, предпринимательства. Всё это влияет на свободную реализацию способностей для предпринимательской и творческой составляющей каждого представителя социума. Напомним, что право граждан заниматься именно предпринимательской деятельностью признаётся государством и отражено в статье 34 Конституции РФ.

Это право открывает для экономически творческой/креативной/инновативной части населения (в данном случае – представителей артосферы/арт-индустрии, то есть художников, режиссёров, актёров, сценаристов, танцоров и других) возможность проявить предпринимательскую инициативу, на свой страх и риск организовать производство/продакшн и промоушн конкретных арт-продуктов и тем самым содействовать удовлетворению материальных и в большей степени духовных потребностей/запросов/интересов представителей социума как реципиентов/потребителей/покупателей/зри-

телей/публики, повышению их жизненного уровня, положительному решению социокультурных и иных вопросов и проблем бытия. Вот почему арт-менеджмент является важнейшим инструментом/механизмом творческих индустрий и креативной экономики.

Ключевой целью государственной политики в сфере культуры и искусства выступает и максимальное приобщение людей к культуре и искусству, разнообразным формам творческой активности. В связи с этим культурная политика есть одновременно и комплекс мер, предпринимаемых государством в деле регулирования различного рода процессов (творческих, управленческих, экономических, правовых, маркетинговых), происходящих в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе.

В качестве субъектов государственной политики в сфере культуры и искусства выступают исполнительная власть, финансовые и промышленные объединения, общественные организации, а в качестве объектов – артосфера/арт-индустрия/арт-бизнес с целым спектром её составляющих (организаций, учреждений, художниками в широком смысле этого слова, критиками и т.д.).

Именно государство креатирует определённую модель взаимоотношений с артосферой/арт-индустрией/арт-бизнесом, детерминирует её ключевые позиции и приоритеты, предлагает варианты их воплощения/реализации, становясь при этом своего рода гарантом культурной политики, которая, по сути являясь «детисцем» государственной власти, в каждой стране различна, что обусловлено различными политическими, социокультурными, экономическими и иными условиями.

Государственная политика в области культуры и искусства не только детерминирована состоянием и развитием арт-менеджмента, но и как конкретный вид деятельности определяет его бытие.

В рыночных условиях именно арт-менеджмент как целостная система управления в артосфере/арт-индустрии/арт-бизнесе выступает в качестве важного элемента индустрии досуга (и развлечений!), инструмента/механизма российской и международной экономики и политики в сфере культуры и искусства по удовлетворению потребностей реципиентов в поиске новых смыслов бытия, в культурных ценностях и в зрелищах (выставки, спектакли, кинофильмы и т.д.).

Примечания

1. Ключко Е. М. История досуга населения России : учебное пособие. Москва : МГИК, 2016. 119 с.
2. Мельникова Н. С. История досуга в допетровской Руси : учебное пособие для бакалавров по направлению подготовки 071800 «Социально-культурная деятельность». Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2016. 107 с.
3. Секретова Л. В. Индустрия досуга: социально-культурный аспект // Труды Санкт-петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 195. С. 47 – 55.
4. Суминова Т. Н. Арт-менеджмент: реализация государственной политики в сфере культуры и искусства : монография. Москва : Академический проект, 2017. 167 с.
5. Чижиков В. М., Чижиков В. В. Индустрия досуга // Теория и практика социокультурного менеджмента : учебник. Москва : МГУКИ, 2008. С. 260–262.
6. Шарковская Н. В. Введение в педагогику досуга : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность». Москва : МГИК, 2017. 124 с.
7. Ярошенко Н. Н. Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4 (44). С. 28–35.

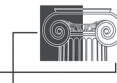

8. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в пространстве современных культурных практик // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 112–122.
9. Ярошенко Н. Н. Индустрия развлечений в современном культурном пространстве России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3 (71). С. 122–132.

References

1. Klyuko E. M. *Istoriya dosuga naseleniya Rossii [History of leisure of the population of Russia]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2016. 119 p. (In Russian)
2. Melnikova N. S. *Istoriya dosuga v dopetrovskoy Rusi [History of leisure in pre-Petrine Russia]*. Perm, Publishing house of the Perm State Institute of Culture, 2016. 107 p. (In Russian)
3. Sekretova L. V. Industriya dosuga: sotsial'no-kul'turnyy aspekt [Leisure industry: social and cultural aspect]. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts*. 2013, vol. 195, pp. 47–55. (In Russian)
4. Suminova T. N. *Art-menedzhment: realizatsiya gosudarstvennoy politiki v sfere kul'tury i iskusstva [Art management: implementation of state policy in the field of culture and art]*. Moscow, Publishing house "Academic Project", 2017. 167 p. (In Russian)
5. Chizhikov V. M., Chizhikov V. V. Industriya dosuga [leisure industry]. In: Chizhikov V. M., Chizhikov V. V. *Teoriya i praktika sotsiokul'turnogo menedzhmenta [Theory and practice of social and cultural management]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2008. Pp. 260–262. (In Russian)
6. Sharkovskaya N. V. *Vvedenie v pedagogiku dosuga [Introduction in pedagogy of leisure]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 124 p. (In Russian)
7. Yaroshenko N. N. Educational potential of modern leisure industry. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2015, no. 4 (44), pp. 28–35. (In Russian)
8. Yaroshenko N. N. The Entertainment Industry in the Field of Contemporary Cultural Practices. *International Journal of Cultural Research*. 2017, no. 1 (26), pp. 112–122. (In Russian)
9. Yaroshenko N. N. Entertainment industry in the modern cultural space of Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, no. 3 (71), pp. 122–132. (In Russian)

*

СТАНОВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИИ В РОССИИ

УДК 37.013:793.3(091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10212

В. Н. Нилов

Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования

В статье рассматривается история художественного образования и воспитания детей и молодёжи средствами хореографического искусства. Представлена авторская концепция приобщения детей и молодёжи к хореографическому искусству; выделены три основных направления художественного образования и воспитания школьников – «занятие с целым классом».

Ключевые слова: художественное образование и воспитание детей и молодёжи, хореографическое искусство, взаимодействие общего и дополнительного образования, художественное, пред-профессиональное и профильное хореографическое образование.

V. N. Nilov

The Institute of Art Education and Culturology of Russian Academy of Education,
Pogodinskaya str. 8, bldg 1, 119121, Moscow, Russian Federation

PAST IN ART EDUCATION AND UPBRINGING OF CHILDREN AND YOUNG PEOPLE BY MEANS OF CHOREOGRAPHY

The article deals with the history of art education and upbringing of children and young people by means of choreographic art. The author's concept of introducing children and youth to choreographic art is presented; The three main areas of art education and upbringing of schoolchildren – “a lesson with a whole class” – are highlighted.

Keywords: art education and upbringing of children and young people, choreographic art, interaction of general and additional education, art, pre-professional and specialized choreographic education

Для цитирования: Нилов В. Н. Становление художественного образования и воспитания школьников средствами хореографии в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 135–145. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10212

НИЛОВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института художественного образования и культурологии Российской академии образования, член Российского географического общества и CID UNESCO, автор Всемирной Таблицы Хореографии

NILOV VYACHESLAV NIKOLAEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education, member of CID UNESCO, the author WORLD OF TABLE CHOREOGRAPHY

e-mail: ihorao.dance@yandex.ru

© Нилов В. Н., 2019

Раскрывая тему художественного образования и воспитания детей и молодёжи средствами хореографического искусства, необходимо всю хореографию начала XX века разделить на *традиционную хореографию (фольклор)* сельской местности и *сценическое хореографическое искусство*, которое было представлено в городах.

Традиционная хореография (фольклор) аграрной России в начале XX века являлась основой в художественном воспитании сельских детей и молодёжи, а также составляла большую часть от городского сценического искусства. Сценическая хореография присутствовала в городах и помещичьих усадьбах, где формировались частные театры и проводились балы.

Народная культура этого периода включала все жанры традиционной хореографии (фольклора). *Хороводы и пляски*, которые входили в обряды, ритуалы и сезонные праздники, своими корнями уходят в глубокую старину. Художественное воспитание крестьянских детей средствами традиционной хореографии проходило по законам устного народного творчества через «народную педагогику»: дети учились у молодёжи, а молодёжь – у старшего поколения. Исследователи, этнографы, фольклористы и литературоведы приходят к выводу, что отдельные жанры народной культуры органически связаны между собой и составляют единое целое, единую художественную структуру. Опираясь на эти выводы, *традиционную хореографию (фольклор)* необходимо *рассматривать (синкретично) в теснейшей взаимосвязи со словесным, музыкальным и изобразительным искусством народа*.

Сценическая хореография этого периода формировалась в городах, и её, в свою очередь, можно разделить на *профессиональную, школьную и любительскую* (домашнюю). Художественное образование и

воспитание городских детей и молодёжи средствами сценической хореографии того времени было отдельным (мальчики и девочки обучались отдельно друг от друга).

Профессиональное хореографическое образование осуществлялось в двух старейших хореографических училищах Петербурга и Москвы. Классическая система профессионального хореографического образования, сформировавшаяся на протяжении нескольких веков, доказала свою жизнеспособность. Но и она в то время сама искала новые пути дальнейшего развития. Классическая школа танца, стремясь обогатить балетное искусство, насыщала свои хореографические произведения экзотикой, эксцентрикой, псевдоантичностью и свободной пластикой.

Школьное хореографическое образование формировалось в большинстве средних учебных заведений (лицеях и гимназиях), будучи нацеленным на воспитание у учащихся умения танцевать и вести себя на балах. Ю. А. Бахрушин в своих работах отмечает, что преподавание бальных танцев в школах, гимназиях и лицеях велось по единой, официально принятой системе. Он также отмечает, что целью занятий «бальными танцами» определялось гармоническое и физическое развитие детей и молодёжи, формирование у них природной ловкости, координации в пространстве, художественного вкуса. Ю. А. Бахрушин указывает на то, что педагоги, стремившиеся расширить рамки художественного образования детей средствами бального танца, получили такую возможность за счёт освоения классического танца.

Любительское художественное воспитание детей формировалось дома. Для этого нанимался «учитель танцев», который индивидуально с одним или с двумя учениками изучал бальные танцы и манеру поведе-

ния на балах. Придворная молодёжь (на любительской основе) принимала участие в балетах и оркестрах, которые эти балеты сопровождали. Вслед за придворными спектаклями в городах их стали устраивать в провинции силами помещиков и разночинцев, а позже представителей нарождающейся буржуазии. Народная хореография в городах присутствовала в дивертисментах, театральных и цирковых представлениях и массовых летних гуляниях.

В первые годы советской власти массовый интерес детей и молодёжи к хореографии («танцу») послужил поводом для возникновения разнообразных форм ритмических и пластических движений (ритмика, пластика, ритмопластика, пластическая импровизация на музыку – «свободный танец», «чечётка» – в противовес западному «степу»). В городах и на периферии начался стихийный рост частных танцевальных кружков, групп и студий. Ю. А. Бахрушин пишет: «никакой единой линии в области хореографического воспитания, никакой связи между танцевальными кружками не было – каждый из них работал самостоятельно» [1, с. 25]. В это время государство не вмешивалось в учебно-воспитательный и методический процесс художественного воспитания детей и молодёжи, всё отдавалось на усмотрение руководителя кружка и организации, в которую этот кружок входил.

Ритмика, ритмопластика и свободный танец – одно из главных направлений в художественном воспитании школьников того времени. Ритмика не относилась к хореографическим дисциплинам, но привлекала её цель – гармоническое развитие тела, выработка красивых и выразительных поз, повышение художественной культуры через музыкально-ритмическое восприятие. Поэтому в условиях массового стремления детей

к искусству танца в 1919 году был открыт Государственный институт ритмического образования.

Основоположницей «свободного танца» являлась А. Дункан, которая ставила своей целью воссоздать естественные движения тела. Ограничиваясь интерпретацией музыки свободными движениями, она стремилась создать новый танец, противопоставляя его классическому танцу. Организованная специальная студия, где она экспериментировала с детьми, носила узкий характер и была закрытого типа с ограниченным числом участников.

Параллельно продолжала развиваться «художественная пластика» – система, которую создал Ф. Дельсарт, определив её как «закон выразительности и гармоничности». Система представляла собой «выполнение разнообразных гармоничных и выразительных движений под музыку», в дальнейшем она стала основой для создания стиля модерн [3, с. 20].

Бальный танец как система художественного воспитания был признан «пережитком буржуазного прошлого» и изъят из программ средних учебных заведений. Совершенно забытый, бальный танец упорно продолжал держаться в детской среде и, развиваясь самостоятельно, поддерживался молодёжью, возникая на клубных вечеринках, на улице и даже в школе.

Народная пляска, сложившаяся на протяжении веков, продолжала жить, развиваться и процветать не только в деревне (селе), но и в городах, куда в связи с индустриализацией страны пришла сельская молодёжь.

Различные направления художественного воспитания детей и молодёжи средствами хореографии (танца) не только не объединили свои усилия, но и начали между собой борьбу. «Ритмисты отрицали клас-

сическое (балетное наследие) как приучающее детей к искусственным движениям, в которых основную роль играют только ноги. Они критиковали систему А. Дункан за индивидуальную и вольную передачу музыки движением. Представители школы А. Дункан считали классический танец неестественным и антихудожественным, а технику его исполнения – вредной для детей. Профессиональный балет старался отстаивать свои позиции, ссылаясь на жизнеспособность своего направления, проверенного долготетней педагогической практикой» [2, с. 25].

При разработке концепции эстетического воспитания в Советской республике А. В. Луначарский, возглавлявший разработку «педагогической концепции», находясь под впечатлением от знаменитой Айседоры Дункан, мечтал ввести в уроки школьников предмет «Свободный танец». Отголоски этих намерений нашли отражение в концепции «Единой Трудовой школы», где особенно подчёркивалась роль ритмического воспитания. В документах Наркомпроса говорится, что методические занятия «ритмическими движениями» приводят к общему закреплению воли и повышению жизненной энергии и что характер становится более определённым и активным, чётким в действиях и настойчивым в стремлении к намеченной цели. При этом утверждается, что у детей развивается способность к сосредоточению внимания, воспитывается самообладание и дисциплина.

Выдающийся отечественный педагог С. Т. Шацкий использовал танец в своей педагогической деятельности, рассматривая его как метод художественно-творческого развития детей. Создавая «опытные станции» народного образования при Наркомпросе, педагог стремился действовать по принципу «возвращения детям детства»,

старался возбудить творческую фантазию, воображение детей, развить самостоятельность в выборе формы выражения через игру, песни, танцы и импровизацию, считая, что работа должна быть направлена на сохранение того, что есть в детях. Всё это было невозможно без использования различных направлений искусства в воспитании школьников, именно они, по мнению С. Т. Шацкого, дают возможность развивать эстетический вкус детей и потребность в художественно-творческой деятельности [8, с. 153–155].

В 1921 году по решению правительства хореографические училища вернули свой статус и стали готовить кадры для советского балета. А. В. Луначарский, отдавая должное школе балета, говорил, что было бы «великим преступлением» не использовать классический танец для формирования новой общенародной художественной культуры. В. Н. Шацкая в своих работах отмечает растущий интерес к танцу. Она пишет, что А. В. Луначарский уходит от своей мечты о «свободном танце» и подчёркивает значение ритмики в художественном воспитании детей и молодёжи. «Это не случайность, – говорила она, – что народ со всех сторон тянется к танцу. Нет школы, которая не хотела бы преподавать ритмику» [9, с. 157]. Всё это активизировало деятельность хореографических училищ и Института ритмического воспитания, ритмика была введена в учебные планы музыкальных и хореографических школ.

Московская ассоциация «ритмистов» усиленно рекомендовала этюды, в которых исполнители подражали «движению различных частей машин». Институт физической культуры в своих рекомендациях уведомлял, что секция массовой пляски начала работу по созданию клубных плясок, основанных на механизированных движениях

(машинных плясок для массового исполнения). И «ритмисты», и Институт физической культуры сознательно пытались отмежеваться от традиционной хореографии (фольклора).

Однако, как пишет Ю. И. Бахрушин, «несмотря на официальную поддержку правительства, ни “Свободный танец” Асейдоры Дункан, ни Институт ритмического воспитания не могли изменить естественное развитие русского национального искусства танца – балета и народной пляски» [1, с. 13]. «Ритмисты» и последователи «свободного танца» оказали влияние на классическую школу танца, но не смогли заменить её. Что же касается пластики «выразительности и гармоничности» Ф. Дельсарта, то и она стала постепенно сдавать свои позиции.

В связи со стандартизацией учебных планов средней школы в 1924 году ритмика стала постепенно уступать место физкультуре (в этом же году был закрыт Институт ритмического воспитания).

«Искусство в школе в этот период рассматривалось в основном как воспитательный фактор, вносящий радость в детскую жизнь, воспитывающий здоровые эмоции. Классные занятия по пению, танцу и рисованию проводились в большинстве школ как детская художественная самодеятельность. Отсутствие систематического обучения не только не осуждалось, но даже приветствовалось», – пишет В. Н. Шацкая в статье «Эстетическое воспитание советского школьника» [9, с. 23].

Но в учебных планах общеобразовательных школ 1930-х годов танец как предмет изучения не значился. Более того, образовательная художественно-эстетическая деятельность постепенно вытеснялась из массовой работы в школе. А обучение по таким традиционно принятым в учебном планировании предметам, как музыка и ри-

сование, стало ограничиваться лишь «репродуктивным обучением», основанным на идее, что ребёнка можно научить лишь ремеслу художника, а художественно-творческие способности – это природный дар.

Первая Всесоюзная олимпиада народного творчества, проведённая в 1933 году, позволила подвести итоги в области художественного воспитания школьников средствами хореографии. Основными направлениями хореографии этого периода стали ритмика, ритмопластика, художественная гимнастика, художественное движение и хореография.

Ритмика, ритмопластика и художественная гимнастика были распространены в школах, а художественное движение и хореография – в клубах, детских художественных станциях, домах культуры и т.д.

Ритмическое воспитание, имевшее большое значение в музыкальном воспитании, не могло представить «систему движений», которая бы вырабатывала у детей эластичность, выразительность и танцевальность. Пластика, развивая гибкость и выразительность, не развивала танцевальность и образность движений. Художественное движение, имевшее все основания занять лидирующее положение в художественном воспитании школьников, имело много направлений (совершенно отличных друг от друга) и различные подходы к сочетанию отдельных движений. Под руководством Р. А. Варшавской (Ленинград) и Л. Н. Алексеевой (Москва) это направление художественного воспитания детей превратилось в интересную форму. Но руководители этих направлений не смогли создать законченную систему художественного образования школьников средствами художественного движения.

В связи с ростом популярности физической культуры в СССР сформировалась *художественная гимнастика*, претендовав-

шая на полноценное гармоническое развитие школьников. «Это направление ещё не было достаточно систематизировано и не могло быть оторвано от задач гимнастики, целью которой не являлось искусство танца», – пишет Л. В. Былеева в статье «Танец в школе». И поэтому «другим новым направлением в этот период была *ритмопластика*, но система была надуманной и оказалась нежизненной» [2, с. 37].

Классическая школа танца всё же нашла своё место в детской самодеятельности. Основанная на системе профессионального обучения, она требовала упорного и ежедневного труда и не могла отвечать тем воспитательным задачам, которые ставились в области массового художественного воспитания детей. Поэтому классический танец пропагандировался балетными артистами, которые вели *классический и народно-характерный танец* в своих частных студиях, занимаясь с группами учащихся, которые посещали занятия во внешкольное время.

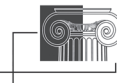
Для единого руководства хореографическим искусством (различными его направлениями) в вопросах художественного воспитания школьников в 1934 году был создан сектор танца в Центральном доме художественного воспитания детей (ЦДХВД). Сектор танца свою деятельность начал с организации актива, который вместе с сектором стал анализировать и изучать все направления хореографического искусства по художественному воспитанию детей в школе. Сектор танца начал разработку *«новой системы»*, в основу которой была положена классическая школа танца, проверенная опытом и художественными результатами. С целью более гармоничного развития школьника она была дополнена художественной гимнастикой, художественным движением и ритмикой. Основу первых программ хореографических кружков, ко-

торые были изданы в 1936 году сектором танца для младших, средних и старших школьников, составила новая система, разработанная сектором танца. В разработке программ принимали участие методисты А. А. Арсеньева, Л. Н. Богатырева, Л. В. Былеева, И. И. Злобин и практики В. С. Константиновский, А. Ф. Ткаченко, Е. В. Голикова, В. В. Окунева, Л. П. Сайковская, Е. Р. Россе и другие, были привлечены мастера хореографии и преподаватели А. И. Чекрыгин, В. Е. Яновская, М. В. Васильева, Л. В. Орлинская и другие.

Отдел танца ЦДХВД разработал программы кружковой работы «массового и бального танца» для учащихся 1–10 классов (Л. Н. Богатырева и И. И. Злобин). В 1940 году предмет «Бальный танец» (Л. В. Былеева и В. Н. Светинская) был введён в учебные планы Суворовских и Нахимовских училищ, а в следующем году было намечено введение «бальных и массовых танцев» в учебные планы средних общеобразовательных школ.

В начале войны во всех армейских соединениях формировались красноармейские ансамбли песни и пляски, которые опирались на профессиональный репертуар Краснознаменного ансамбля песни и пляски под руководством А. А. Александрова и П. П. Вирского. Художественная самодеятельность продолжала оставаться основой в культурно-просветительной работе на фронте. Молодёжные бригады, куда входили старшие школьники, проводили большую работу по обслуживанию прифронтовых районов и предприятий оборонного комплекса, детские коллективы в основном выступали в госпиталях.

Предпринятые в послевоенные годы попытки включить хореографическое искусство в общеобразовательную систему учебно-воспитательного процесса в начальной

школе не привели к положительному результату. Но огромный опыт, полученный в ходе практической деятельности, можно использовать в современной практике.

Работу по художественному воспитанию и детскому хореографическому творчеству школьников начальных классов проводили Н. А. Гродзенская, Е. В. Голикова и другие. А. Арсеньевой, Ю. И. Громовым, Н. Л. Гродзенской, М. Говорян, Е. В. Коноровой, В. Н. Светинской, А. Кузнецовым, В. А. Собиновым, В. Окуновой были разработаны методические пособия, программы по работе в детских самодеятельных хореографических кружках, коллективах и студиях (внешкольных учреждениях культуры), клубах и Домах культуры.

В общеобразовательных школах балльные и народные танцы получили широкое распространение. Б. М. Диментман создал методическое пособие «Бальный танец и методика его преподавания» для старших классов. С. К. Мураев разработал методическое пособие по внедрению балльного танца в школу в начальных классах, а Р. Г. Школьникова в репертуар для старших школьников ввела фокстрот, танго и медленный вальс. И. В. Брызгалова написала методическое пособие, в котором рассмотрела занятие танцами с целым классом, и её в этом поддерживали Н. А. Волынская, Е. С. Веселовская, О. К. Попова и другие [4, с. 3–6].

Осуществлялось художественное воспитание средствами различных направлений хореографического искусства. Художественное движение становилось лидирующим среди других направлений хореографического творчества – классического танца (вальс, па-де-де, фрагменты из детских балетов и т.д.), характерного танца (венгерский, испанский, польский и другие), пластического танца (с лентами, шарфами, обручами и т.п.), народного танца (русский, укра-

инский, белорусский и другие), эстрадного танца и танцев с элементами жонглирования и акробатики. Соединение отдельных видов искусства – хорового, музыкального и хореографического, привело к более полноценному художественному воспитанию детей. Во Дворцах пионеров стали создаваться детские ансамбли песни и танца, в которых объединялись хор, танец и оркестр или оркестр и танец.

Центральный дом художественного воспитания детей на основе лучших хореографических постановок, отобранных во время смотров, начал заниматься их публикацией. Издательство с целью распространения передового опыта позволило начать формировать детский репертуар.

С подъёмом интереса к традиционной культуре (фольклору) появилось желание изучать его в подлинном виде. Развиваясь, сценическое профессиональное хореографическое искусство обогащалось новой лексикой, новыми композиционными построениями. Хореографические произведения усложнялись, и в народном танце начала активно формироваться «авторская хореография» со своими направлениями и стилем создания народно-сценического хореографического искусства. В это время начался разрыв науки и искусства, задача обучения стала отделяться от воспитательных задач, поделив сферу влияния на обязательное, профессиональное (стандартное) обучение и вспомогательное, культурно-просветительное.

И хотя традиционная хореография постепенно теряла свои обрядово-ритуальные традиции, она продолжала жить, развиваться и видоизменяться. Игровые *хороводы* стали разыгрываться исполнителями по содержанию песни; наборные хороводы линейного построения перестали исполняться на престольных праздниках. Орнаменталь-

ные лирические хороводы в основном стали круговыми, а плясовые хороводы могли из хоровода перерастать в круговую пляску.

Вторым самым распространённым и устойчивым жанром традиционной хореографии являлась **пляска**. Пляски, вышедшие из хороводов, более разнообразны, и их можно разделить по видам на одиночные и парные, массовые и групповые пляски, как мужские, так и женские, а также смешанные. Возрождались жанр «пляска под частушку». Этот жанр народного танцевального творчества охватил почти все регионы России и довольно хорошо сохранился, но пока мало изучен.

Многие исследователи, изучая пляски в сопровождении частушек, употребляют термин «пляска под гармошку или пляска под балалайку». Автор считает, что более правильно говорить «пляска под частушку», так как исполнялась она и под игру на губах, и под расчёску, и под шумовые инструменты (трещётки, ложки, вальки, косы и даже заслонку от печи и другие). Позднее «пляска под частушку» исполнялась под гармошку или балалайку, иногда исполнялась без какого-либо сопровождения, только на внутреннем ритме. «Частушка самая гибкая и подвижная форма современного народного песенного творчества, – пишет в своей работе «Русские частушки» Н. Котикова. – Она немедленно откликается на все значительные явления жизни. Всё, чем живёт народ, – от крупнейших исторических событий до глубоких личных чувств, как в зеркале отражается в частушке» [7, с. 3].

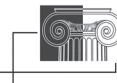
Следующий жанр традиционной хореографии – **танец** – сложился в более позднее время, и его можно разделить на кадрили, лансье и бытовые танцы. В свою очередь, кадрили делятся по форме на линейные, квадратные, круговые и смешанные. Особенно следует отметить форму «кадрильная

пляска», основы которой строились как кадрили, но разрушались пляской. Иногда кадрили сопровождалась частушками, и в ней не было строгого построения по фигурам (коленам). Почти в каждом крае, области, районе и даже в отдельных сёлах и деревнях кадрили имели отличительные черты, рисунок, манеру исполнения.

Более современным видом традиционной хореографии (фольклора) и самым массовым являются **бытовые танцы** (по описаниям в специальной литературе их называют «парно-групповыми» или «бальными»), которые зафиксированы в материалах всех проведённых экспедиций. Различные варианты «Вальса», «Польки», «Краковяка», «Карапета», «Падеспани», «Тустепа» и других представляют собой бытовые («бальные») танцы, которые исполняются по кругу парами и состоят из нескольких (одной, двух, трёх и более) частей (фигур, колен), которые заканчиваются всегда поворотами в паре. Бытовые танцы: «Располным-полная моя коробочка», «Светит месяц, светит ясный», «Ах, вы сени, мои сени», «Уж ты сад, ты мой сад», «Во саду ли, в огороде» и другие, которые исполнялись в сопровождении песни на внутреннем ритме. В большинстве случаев бытовые танцы исполнялись в сопровождении гармошки и реже под балалайку.

Рассматривая народное хореографическое искусство, автор разделяет понятия «пляска» и «танец». Если в народно-сценическом «авторском» хореографическом искусстве эти два понятия сливаются в одно, являясь синонимами, то в традиционной хореографической культуре «пляска» и «танец» имеют разное значение [5, с. 384–408].

После 50-х годов XX века начинается разрыв между традиционной хореографией (фольклором) и сценическим хореографическим искусством. Вся «государственная

машина» начинает развивать сценическое профессиональное и самодеятельное хореографическое искусство. Развиваясь, профессиональное хореографическое искусство продолжает обогащаться новой лексикой, новыми композиционными построениями. Произведения народно-сценической хореографии усложняются и начинают проникать в музыкальные театры и театры оперы и балета.

Анализируя педагогическую и методическую литературу в области художественного образования и воспитания школьников средствами хореографического искусства того времени, можно выделить три основных направления:

Первое – художественное воспитание развивается и функционирует на базе внешних учреждений культуры: клубов, Центров, Домов и Дворцов культуры.

Второе направление художественного образования развивается на базе хореографических отделений (образовательного уровня) Детских музыкальных школ, а в дальнейшем Детских школ искусств и отдельных самостоятельных Детских хореографических школ.

Третье направление художественного воспитания средствами хореографического искусства в условиях общеобразовательной школы осуществляется внеклассной работой или факультативно по желанию ученика (для этого в программе школы заложены часы для различных кружков самодеятельного творчества).

Процесс внешкольного художественно-эстетического воспитания школьников в учреждениях культуры (клубах, центрах, Домах и Дворцах) наиболее методически разработан и до 1990-х годов характеризовался бурным подъёмом самодеятельного хореографического творчества детей и молодёжи. Этому способствовало «полное го-

сударственное обеспечение»: оплата педагога, концертмейстера, пошив костюмов, оплата всех поездок на концерты и фестивали. С открытием в начале шестидесятых годов хореографических (отделений) кафедр на базе институтов культуры Москвы и Ленинграда был решён вопрос высшего хореографического образования в сфере культуры и искусства. Впоследствии кафедры хореографии открываются во многих областных городах и республиках бывшего Советского Союза.

Государство поддерживало и пропагандировало три основных направления хореографического искусства – народный и классический танец, а впоследствии и балетную хореографию.

Народно-сценическая хореография была представлена танцевальными группами в русских хоровых коллективах, ансамблях народного танца, ансамблях песни и танца, театрах танца и других. Народные ансамбли танца стали создаваться во всех республиках бывшего СССР, на базе которых стали формироваться детские народные коллективы. По мнению членов жюри, лучшие самодеятельные коллективы почти ни в чём не уступали мастерству профессионалов. Многие хореографы разрабатывали теорию и методику преподавания народного танца: И. А. Моисеев, Т. А. Устинова, Н. С. Надеждина, О. Н. Князева, А. А. Климов – русского танца; К. Е. Василенко, А. И. Гуменюк – украинского танца; Д. Джавришвили – грузинского танца; Р. Каримова – ферганского танца; В. Курбет, М. Мардарь, Л. Ошурко – молдавского танца; Т. Ф. Петрова-Бытова, М. Я. Жорницкая, В. Н. Нилов – северного танца; В. Томи – эстонского танца; Л. К. Алексютевич, Ю. М. Чурко – белорусского танца, и многие другие.

Классическая хореография была представлена балетными ансамблями, музы-

кальными театрами, балетными труппами театров оперы и балета и т.д. Всероссийские фестивали-конкурсы стали настоящим событием в мире классического хореографического искусства. Во Дворцах культуры Москвы, Ленинграда, Киева, Перми, Новокузнецка и других городов ставились целые детские балеты: «Аистёнок» (муз. Д. Клебанова), «Три толстяка» (муз. В. Оранского), «Юность» (муз. М. Чулаки) и фрагменты из балетов «Щелкунчик» «Баядерка» и другие. Педагогами, а иногда солистами в этих балетных постановках были молодые артисты местных музыкальных театров и театров оперы и балета.

Для проведения всесоюзных и российских фестивалей и конкурсов *бального танца* была разработана программа, которая охватывала все направления бальной хореографии. Яркими и незабываемыми праздниками были фестивали ансамблей бального танца.

В большинстве городов бывшего Советского Союза были сформированы ансамбли бального танца, например: «Лотос» (Астрахань), «Варенька» (Волгоград), «Ладушки» (Новосибирск), «Современник» (Ленинград),

«Виктория» (Севастополь), «Грация» (Липецк), «Круг друзей» (Пермь) и другие. В первом московском фестивале в 1981 году участвовало одиннадцать ансамблей, в 1983 году их было уже шестнадцать, а в 1986-м приняло участие тридцать шесть коллективов. Московский ансамбль бального танца «Эврика» (рук. Л. и В. Кузнецовы) в 1990 году стал серебряным призёром чемпионата социалистических стран и Кубка нации.

В. И. Уральская в диссертационном исследовании рассмотрела достижения и проблемы взаимовлияния профессионального и самодеятельного хореографического искусства [6].

Анализируя проблему использования хореографии в художественном воспитании детей в школе, можно отметить, что данные вопросы пытались решать в разное время, применяя разнообразные методики, программы, подходы к детскому хореографическому творчеству и развитию художественно-творческих способностей детей и молодёжи. Но все предпринятые попытки ввести хореографию в учебно-воспитательные планы общеобразовательных школ не привели к положительным результатам.

Примечания

1. Бахрушин Ю. А. История русского балета / Министерство культуры РСФСР. Главное управление учебных заведений и кадров. Москва : Советская Россия, 1965. 249 с.
2. Былеева Л. В. Танец в школе. Москва : Педагогика, 1947.
3. Волконский С. М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Ф. Дельсарту). Санкт-Петербург, 1913.
4. Занятия по танцу со школьниками : Из опыта работы : [сборник статей] / под ред. канд. искусствоведческих наук Е. В. Коноровой. Москва : Академия педагогических наук РСФСР, 1954–1959. 2 тома. (Педагогические чтения / Академия педагогических наук РСФСР. Институт художественного воспитания).
5. Нилов В. Н. Народная хореография // Традиционная культура Муромского края : экспедиционные, архивные, аналитические материалы : научное издание : [в 2 томах] / [авт. проекта и сост. А. С. Каргин]. Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008-. Т. 2. 2008. 478, [1] с.
6. Уральская В. И. Эстетические проблемы взаимовлияния народного и профессионального искусства : (На материале хореографии) : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата философских наук / Московский государственный институт культуры. Москва, 1969.
7. Русские частушки, страдания, припевки / сост. Н. Л. Котикова. Ленинград : Госмузиздат, 1961.

8. Шацкий С. Т. Избранные педагогические сочинения : в двух томах / [сост. Л. Н. Скаткин, М. Н. Скаткин, М. В. Голованова] ; под ред. Н. П. Кузина, М. Н. Скаткина, В. Н. Шацкой ; [вступ. статья Н. П. Кузина]. Москва : Педагогика, 1980. (Педагогическая библиотека / Академия педагогических наук СССР). Том 1. 1980. 304 с.
9. Шацкая В. Н. Эстетическое воспитание советского школьника. Москва : Академия педагогических наук СССР, 1959.

References

1. Bakhrushin Yu. A. *Istoriya russkogo baleta [The history of Russian ballet]*. Moscow, Publishing house "Soviet Russia", 1965. 249 p. (In Russian)
2. Byleeva L. V. *Tanets v shkole [Dance at school]*. Moscow, Publishing house "Pedagogy", 1947. (In Russian)
3. Volkonsky S. M. *Vyrazitel'nyy chelovek. Stenicheskoe vospitaniye zhesta (po F. Del'sartu) [Expressive man. Stage Gesture Education (by F. Delsarte)]*. St. Petersburg, 1913. (In Russian)
4. Konorova E. V., ed. *Zanyatiya po tantsu so shkol'nikami: Iz opyta raboty [Dance classes with schoolchildren: From work experience]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1954–1959. (In Russian)
5. Nilov V. N. Narodnaya khoreografiya [Folk choreography]. In: Kargin A. S. *Traditsionnaya kul'tura Muromskogo kraya: ekspeditsionnye, arkhivnye, analiticheskiye materialy, v 2 tomakh, tom 2 [Traditional culture of the Murom Territory: expeditionary, archival, analytical materials, in 2 volumes, vol. 2]*. Moscow, Published by State Republican Center of Russian Folklore, 2008. 478 p. (In Russian)
6. Uralskaya V. I. *Esteticheskie problemy vzaimovliyaniya narodnogo i professional'nogo iskusstva: (Na materiale khoreografii). Diss. kand. filos. nauk [Aesthetic problems of mutual influence of national and professional art: (On the material of choreography). Cand. philos. sci. diss.]*. Moscow, 1969. (In Russian)
7. Kotikova N. K. *Russkie chastushki, stradaniya, pripevki [Russian ditties, suffering, refrain]*. Leningrad, 1961. (In Russian)
8. Shatsky S. T. *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya, v 2 tomakh, tom 1. Pod red. N. P. Kuzina, M. N. Skatkina, V. N. Shatskoy [Selected pedagogical writings, in 2 volumes, vol. 1. Ed. by N. P. Kuzin, M. N. Skatkin, V. N. Shatskaya]*. Moscow, Publishing house "Pedagogy", 1980. 304 p. (In Russian)
9. Shatskaya V. N. *Esteticheskoe vospitaniye sovetskogo shkol'nika [Aesthetic education of the Soviet schoolboy]*. Moscow, Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, 1959. (In Russian)

*

О ПРОБЛЕМЕ КОНКУРСНЫХ НОМИНАЦИЙ В ЛЮБИТЕЛЬСКОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

УДК 792.8:7.092

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10213

В. Ю. Никитин

Московский государственный институт культуры

В статье рассматривается актуальная проблема детского любительского хореографического творчества – номинации конкурсов и фестивалей. Автор статьи на основе собственного опыта в качестве члена жюри на многочисленных конкурсах и фестивалях анализирует проблему названия номинаций с точки зрения общепринятой терминологии хореографического искусства и делает вывод о том, что очень часто организаторы конкурсов совершенно безграмотно определяют номинации для привлечения коллективов. Это, в свою очередь, влияет на уровень образования участников любительских хореографических объединений и снижает общий уровень художественно-эстетического воспитания подрастающего поколения. В статье рассматриваются основные формы, жанры и стили хореографического искусства и даются рекомендации по использованию терминологического аппарата.

Ключевые слова: любительское хореографическое искусство, стиль танца, танцевальные формы, номинация, хореографический конкурс.

V. Yu. Nikitin

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

ON THE PROBLEM OF COMPETITIVE NOMINATIONS IN AMATEUR CHOREOGRAPHIC ART

The article deals with the actual problem of children's amateur choreographic art – the nomination of contests and festivals. Based on his own experience as a jury member at numerous competitions and festivals, the author analyzes the problem of nominations from the point of view of common terminology of choreographic art, and concludes that very often the organizers of the competitions completely nominally define nominations for attracting teams. This in turn affects the level of education of the participants in amateur choreographic associations, and reduces the overall level of artistic and aesthetic education of the younger generation. The article discusses the main forms, genres and styles of choreographic art, and gives recommendations on the use of the terminological apparatus.

Keyword: amateur choreographic art, style of dance, dance form, nomination, choreographic competition.

НИКИТИН ВАДИМ ЮРЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры современной хореографии Московского государственного института культуры

NIKITIN VADIM YURYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor, Professor of Department of Modern Choreography, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: dancer-v@mail.ru
© Никитин В. Ю., 2019

Для цитирования: Никитин В. Ю. О проблеме конкурсных номинаций в любительском хореографическом искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 146–154. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10213

Автор статьи в течение многих лет является постоянным членом жюри различных конкурсов и фестивалей любительских хореографических коллективов. В своих статьях и выступлениях на конференциях мы уже неоднократно обращались к вопросу об организации и проведении хореографических конкурсов и фестивалей, особенно детских. Необходимо отметить, что ситуация в этом вопросе просто катастрофическая, поскольку организовать и провести конкурс в настоящее время может любой человек, и для этого не требуется ни образование, ни опыт работы, ни разрешение контролирующих государственных структур, ни, главное, знаний в области хореографического искусства, и любительского в частности. В данной статье автор обращается к проблеме номинаций, которые организаторы конкурсов, в погоне за коллективами и, следовательно, за прибылью, придумывают как можно больше, совершенно не разбираясь в формах, стилях и направлениях хореографического искусства. Поэтому любое «Положение конкурса», рассылаемое по коллективам, превращается в неграмотный перечень, в который в одну кучу сваливается всё, без разделения на жанры, формы и стили. Однако это даёт возможность привлечь как можно больше любительских коллективов, отсюда, см. выше, прибыль организаторов становится весьма существенной.

Основная задача этой статьи – дать научную искусствоведческую классификацию, которая используется в мировой практике, а не является региональным «русским» изобретением. Итак, рассмотрим те номинации, которые с незначительными изменениями

мигрируют из конкурса в конкурс. Данные номинации были взяты из «Положения о конкурсе» одного из известных фестивалей и приводятся в оригинальной орфографии. Все номинации выделены курсивом.

Классический танец: деми-классика, (demiclassic); Классический танец – стилизация; Дивертисмент из балета.

Отношение автора к номерам, поставленным на основе классического танца неоднозначно. С одной стороны, приобщение детей к классическому танцу весьма похвально, однако нельзя сравнивать уровень «выученности» любителей и профессионалов. И безусловно, дети, которые занимаются 2–3 раза в неделю, не могут соответствовать в технике исполнения детям того же возраста, которые занимаются в хореографических колледжах ежедневно. Поэтому в данной номинации большая ответственность лежит на руководителе коллектива, который должен выбрать репертуар, соответствующий возрасту и технической подготовке учеников. И ни в коем случае не должен использовать так называемое «наследие», то есть репертуар классического балета. Поэтому использование термина «деми-классика» оправданно, и этот термин широко используется в научной литературе. Однако как можно стилизовать классический балет – автору статьи не известно. Вопрос о стилизации достаточно остро стоит в народно-сценическом танце, но что такое стилизация в классическом танце – пусть остаётся на совести организаторов конкурсов. То же самое касается номинации «Дивертисмент из балета». Дивертисмент – это

форма, которая существует в классических балетах, то есть «чистый» танец, например третьи акты в балетах М. Петипа «Лебединое озеро» и «Спящая красавица». Почему это отдельная номинация – это вопрос, и, по мнению автора, сделать дивертисмент с детьми-любителями – задача архисложная.

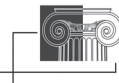
Народный танец; Русский танец; Стилизация; Этнический танец, индийский танец, фламенко; Фольклор (танцевальные композиции и зарисовки, танцевальные обряды и прочее).

Спорных вопросов терминологии в народно-сценическом танце достаточно много, и они являются предметом постоянных дискуссий. И главная проблема – сохранение традиций. В русском искусствоведении утвердились три термина: фольклорный танец (синоним – этнический танец), народно-сценический танец (в том числе и русский) и характерный танец, который используется в классическом балете и имеет очень отдалённое сходство с народным оригиналом. Однако не нужно забывать, что любой фольклорный танец, обретая сценическую форму, видоизменяется балетмейстером, и великие постановщики народно-сценического танца – Надеждина, Устинова, Кольцова, Моисеев – вносили авторское творческое видение того или иного народного танца, превращая их в шедевры сценического искусства. Поэтому вольно или не вольно они стилизовали оригиналы, и вопрос степени стилизации и сохранения традиций стоит в настоящий момент очень остро, особенно в любительском искусстве. Очень часто автор статьи видел номера, которые имели весьма отдалённое сходство с народным танцем, особенно это касается именно русского танца. Это, безусловно, печальная тенденция, поскольку русский та-

нец – это средство воспитания молодого поколения, формирования русской идентичности и патриотизма. Вопрос стилизации очень сложный, и балетмейстер, прежде чем ставить номер, должен изучить оригинальный танец, в том числе и танцы других народов. Автору статьи при обсуждении номеров в качестве члена жюри, даже пришлось придумать термин – «авторская стилизация танцев народов мира», это очень ненаучный, ироничный термин, используемый для того, чтобы как-то оценить огромное количество «испанских», «китайских», «египетских», «африканских» и т.д. танцев, которые ничего общего с народной хореографией не имеют. Почему в этом перечне номинаций выделяются фламенко и индийский танец, автору статьи также не понятно. Фламенко относится к испанскому фольклорному танцу, и одновременно, так же как и русский народный танец, оно имеет свои сценические интерпретации. То же самое касается и индийского танца. Опять же вопрос наличия знаний у руководителя детского любительского хореографического коллектива оригинальных, народных традиций этих танцевальных направлений вызывает большие сомнения.

Современный танец, танец модерн (техники М. Грэхем, Х. Лимона и т.д.), контемпорари (contemporary), contemporary jazz, джаз-танец, неофолк, афро, классический джаз, современный джаз, afro jazz, стили блюз и горячий джаз.

Автор статьи не изменил ни одной запятой в данном перечне номинаций для того, чтобы ещё раз доказать, насколько абсурдно данное перечисление, поскольку в нём смешано всё: танцевальные направления сценического современного танца, танцевальные техники и стили.

Итак, сначала направления сценического современного танца, которые существуют в мировой практике: танец модерн, джазовый танец и contemporary dance. Это те направления танцевального искусства, которые имеют свою историю, свою танцевальную лексику, свою школу, различные техники, стили и манеры большого количества самобытных хореографов, получивших признание во всём мире.

Техники М. Грэхем и Х. Лимона – это две из базовых техник танца модерн, и по американской классификации к ним ещё относятся техники М. Каннигхэма и Л. Хортона. Как можно поставить конкурсный номер, используя какую-либо технику, – автору статьи не понятно. Техника потому так и называется, что помогает совершенствовать технику исполнителя во время уроков. И подобное сочетание аналогично выражению «номер в технике классического экзерсиса», что является полной безграмотностью.

Джазовый танец (хотя иногда употребляется и термин джаз-танец) по своим стилям и манерам очень многообразен и, являясь «открытой» танцевальной системой, вбирает в себя все танцевальные направления сегодняшнего времени. «Contemporary jazz» и «современный джаз» – это просто перевод одного и того же термина, сюда же можно отнести и термин «модерн джаз-танец», в котором слово modern переводится как современный и никакого отношения к танцу модерн не имеет. То есть это всё стили современного джазового танца, к ним же относятся и «afro jazz, стили блюз и горячий джаз». Эти названия автор поставил в кавычки, поскольку они приведены в той орфографии, в которой написаны в «Положении о конкурсе». Почему афро джаз написан в английской транскрипции, а hot jazz и

blues jazz – в русской, не понятно, однако всё это – стили джазового танца, отличающиеся по лексике, манере исполнения и музыкальному сопровождению.

Отдельного обсуждения заслуживает термин «неофолк». Видимо он появился по аналогии с термином «неоклассика», но в научной литературе подобного термина автор статьи не встречал. По всей видимости, организаторы конкурса имели в виду стилизацию фольклорного танца, поскольку слово «фолк» (фольклор) в данном термине присутствует. Вопрос стилизации уже был рассмотрен, поэтому не будем повторяться. Однако сочетание в одной номинации направлений современной хореографии и стилизации вызывает вопросы.

Детский танец; Свободная пластика; Танцевальный коллектив Детского сада, танцуем песню.

Опять же очень странный набор названий. Термин «детский танец» достаточно часто встречается в литературе, но обозначает он просто возраст, но никак не лексику или стиль. Есть определённая классификация, которую в своё время предложил известный педагог и балетмейстер И. В. Смирнов: «танцы для детей», «танцы про детей», «танцы на детей». Данная классификация используется при обучении будущих руководителей хореографических любительских коллективов и предполагает, что «танцы для детей» обозначают тематику постановки, в которой используются идеи, понятные детям, дефиниция «танцы про детей» предполагает, что на сцене воплощаются отношения или сюжеты из детской жизни, и «танцы на детей» подразумевают, что сложность лексического материала должна соответствовать уровню подготовки детей различного возраста. Вопрос, связанный с постановкой детско-

го танца, в настоящее время очень актуален, поскольку очень часто руководители коллективов ставят на детей номера, которые ни по замыслу, ни по драматургии, ни по музыке, ни по техническим возможностям им не соответствуют. Однако это отдельный вопрос знаний, вкуса и профессиональной подготовки руководителя коллектива.

Почему рядом с детским танцем стоит номинация «Свободная пластика», автору статьи совершенно не понятно, это настолько друг от друга далеко стоящие понятия, что соединять их просто безграмотно. Термины «свободный танец» и «свободная пластика» используются в научной литературе при исследовании раннего этапа развития танца модерн, это было одно из направлений, популярных в начале XX века в Германии и России, со временем термин «танец модерн» объединил все направления «свободного танца».

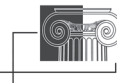
Что касается номинации «Танцевальный коллектив детского сада», то тут вопрос очень дискуссионный. Музыкально-ритмическому развитию детей дошкольного возраста посвящено множество научных исследований и пособий. Однако это развитие предполагает упражнения, игры и в очень небольшой степени танцевальные этюды и элементарные танцевальные движения. Говорить о полноценном танцевальном конкурсном номере для детей 5–6-ти лет очень проблематично.

Номинация «Танцуем песню», по мнению автора статьи, совершенно недопустима, поскольку выбор музыкального материала для номера – целиком и полностью прерогатива хореографа. И как раз иллюстрация песни – очень популярная и распространённая в любительском искусстве ошибка постановщиков. Песня как аккомпанемент хореографического произведения

возможна только в том случае, когда хореограф представляет творческое видение, свои ассоциации в хореографической форме, но не иллюстрирует песню. В настоящее время очень популярны постановки под песни на иностранном языке, в которых хореограф привлекает только мелодия, а текст песни даже не переводится. Это совершенно недопустимо, поскольку зачастую текст песни ничего общего с тем, что танцуются на сцене, не имеет. Мало этого, он совершенно не соответствует возрасту детей и воспитательным задачам, которые обязательно должны быть самыми главными в детском хореографическом коллективе.

Эстрадный танец; Эстрадно-спортивный танец, диско.

Вопрос с термином «эстрадный танец» очень дискуссионный, он появился в советские времена, но даже известный исследователь этого направления Н. Шереметьевская назвала свою книгу «Танец **НА** эстраде» (выделено нами. – В. Н.). В мировой литературе встречаются термины «variety dance» и «шоу-танец», которые определяют характер этого развлекательного направления танцевального искусства. По мнению Н. Шереметьевской, эстрадный танец – это не определение стиля и жанра, а всего лишь определение места, где представляется номер. Безусловно, эстрадный танец имеет особенности, это, прежде всего, развлекательный характер (хотя в советские времена достаточно много на эстраде представлялись номера «серьёзной» тематики), это «малые» формы, то есть небольшое количество исполнителей, это в основном бессюжетные номера, но лексический материал, который использовался балетмейстерами, был многообразен, начиная от лексики классического балета и заканчивая таким стилем со-

циального танца, как «диско». В настоящее время на эстраде исполняются номера в самых разных стилях и направлениях, и использовать этот термин для названия номинации достаточно спорно, поскольку сравнивать конкурсные номера по каким-то критериям исполнительского мастерства достаточно затруднительно.

Стиль «диско», как уже упоминалось, это стиль социального танца, который был популярен 1970–1980-е годы, никакого отношения к сценической хореографии он не имеет, это модное танцевальное направление, которое было популярно на дискотеках. Почему он выделяется в отдельную номинацию – не понятно.

Танцевальный коллектив средней образовательной школы.

Почему это отдельная номинация – совершенно не понятно, хотя выделили же организаторы номинацию «Коллектив детского сада», тогда можно продолжить данный ряд и сделать номинации «Танцевальный коллектив гимназии», «Танцевальный коллектив колледжа» и т.п.

Особенные дети (дети и взрослые исполнители с ограниченными возможностями).

Данная номинация, безусловно, необходима, и детей с ограниченными возможностями необходимо обучать танцу, существует даже целое направление «танцевально-двигательная терапия». Но, во-первых, это должны делать подготовленные специалисты в этой области, а во вторых, по мнению автора статьи, на одном конкурсе, практически в одно и то же сценическое время показывать выступления здоровых детей и детей с ограниченными возможностями просто не этично! Для таких детей должны существовать отдельные конкурсы, и они существо-

ют, например, в спортивно-бальных танцах. И никогда танцоры на колясках не соревнуются со спортсменами.

Тематические танцы (танцевальные композиции, посвящённые различным праздникам или памятным событиям).

Ну, эта номинация также «изобретение» организаторов конкурсов. Тематика номера определяется хореографом, и достаточно трудно заставить творческого человека исполнять «социальный» заказ, хотя такое, безусловно, происходит, особенно в государственных учреждениях культуры. Но номера, которые, например, были посвящены «70-летию Победы», были поставлены совершенно в разных стилях и жанрах, с детьми разного возраста, под различную музыку. Поэтому выделять подобные номера имеет смысл, если весь конкурс проходит под определённым девизом или посвящён конкретному событию.

Экспериментальная хореография, Experimental dance.

Что подразумевают под этим термином организаторы конкурсов – не известно. Такого термина в искусствоведении не существует, однако он существует в телевизионной программе «Танцы на ТНТ». Любая хореография, особенно в современном танце, экспериментальная. Любой номер должен быть не похож на другие. Создать что-то совершенно новое в хореографическом искусстве в наше время развития интернет-пространства очень сложно. Тем более это сложно сделать с детьми. И именно с детьми хореографам, особенно молодым, нужно быть очень осторожными в экспериментах с движением. Очень часто это приводит к травмам, и никакой диплом не заменит ребёнку здоровья.

Танцевальное шоу, степ, bellydance, Восток.

Эта номинация объединила все развлекательные направления танцевального искусства, хотя степ и bellydance – это совершенно разные направления танца. Существует ли связь между bellydance и Востоком автору статьи не известно.

Хореографическая гимнастика, хореографическая эксцентрика, Хореографическое предложение.

Хореографическая гимнастика (точнее, балетная гимнастика) – это название учебного предмета, который изучают дети на первом году обучения в хореографическом колледже. Да, безусловно, хореографическая подготовка и танцевальные элементы широко используются в художественной гимнастике, но что такое хореографическая гимнастика как направление или стиль хореографического искусства – автору статьи не известно. Хореографическая эксцентрика. «Эксцентрика – жанр театрального, циркового, музыкального или эстрадного представления, построенный на использовании художественных эксцентрических приёмов»¹. Как можно заметить, в приведённой цитате хореографическое искусство не упоминается, хотя в истории танца встречается термин «эксцентричный танец», эти номера были популярны на эстраде в начале XX века и в основном использовали лексику модных бытовых танцев с включением танцевальных трюков, предметов и в характерной манере исполнителя. Но термин «эксцентричный танец» совершенно не похож на название номинации.

Что такое «Хореографическое предложение» автору статьи не известно.

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эксцентрика>, дата обращения 14.12.2018

Историко-бытовой танец; Бальный танец (соло, пары, ансамбли), спортивно-бальный танец, формейшен.

В данной номинации всё более-менее логично, поскольку бальный танец родился из историко-бытового танца, а спортивно-бальный танец – логичное продолжение бытового бального танца уже в соревновательной форме. Однако автор статьи не совсем понимает, почему в перечне используется такая форма соревновательного бального танца, как формейшен (то есть одновременное выступление 8-ми пар и более), но не используется такая же соревновательная форма, как сиквэй. И вызывает большое удивление, что бальный танец может быть в форме соло.

Уличный танец, брейк-данс, хип-хоп, рейв, электро, street dance, House dance, break dance, hip-hop; Сценический вариант клубных танцев (мамбо, сальса, хастл, болливуд, свинговые танцы, ламбада, аргентинское танго, бачача, меренге и прочее).

Эта номинация также приведена в оригинальной орфографии и совершенно не понятно, почему одни термины имеют английскую транскрипцию, а другие нет. Что касается перечня стилей модных, социальных, клубных танцев, то прежде всего хотелось бы остановиться на временном разбросе. Например, «свинговые танцы», такие как буги-вуги, линди-хоп и рок-н-ролл, были популярны в 1940–1960-е годы. Брейк-данс «старой школы» действительно, так же как и хип-хоп, относится к «уличным» танцам, но появился он в 1970-е годы. К «клубным танцам» почему-то, кроме стилей рейв, электро и хаус, относятся парные танцы мамбо, сальса, хастл. Стиль болливуд почему-то тоже оказался в перечне парных танцев. И если продолжать перечень молодёж-

ных стилей, то почему в этом перечне не присутствуют такие стили, как вог, тикто-ник, крамп? В общем, как и в предыдущих номинациях, все стили и направления смешаны в одну кучу.

Оригинальный жанр (связанный с хореографией) фэнтези; Мажоретки, черлидинг, акробатический танец.

Оригинальный жанр – это жанр циркового искусства, и, безусловно, в номерах могут быть использованы танцевальные элементы, но речь идёт о хореографическом конкурсе. Что такое фэнтези в хореографии – автору статьи не известно. Мажоретки, черлидинг имеют очень отдалённое отношение к хореографии, и если в номинации будет представлен только один номер (а как правило, так и бывает), то членам жюри бывает очень затруднительно оценить номер в сравнении. Термин «акробатический танец» достаточно часто встречается в литературе, однако как хореографический жанр нигде не выделяется, поскольку подразумевает эстрадные номера (в основном дуэты) с большим количеством поддержек. Как правило, такие номера были либо в манере классического балета (неоклассики), либо в манере джазового танца.

Авторская работа.

Что имели в виду организаторы конкурса, предлагая данную номинацию, – не понятно, тем более что ниже приводится номинация «балетмейстерская работа» (балетмейстер представляет один номер, общей продолжительностью до 8 минут). По всей видимости, имелось в виду, что жюри должно оценить номер с точки зрения новизны и оригинальности постановочной работы хореографа. А то, что это должна быть авторская работа, – не вызывает сомнения.

Театр танца, театр балета.

Два термина, в которых используется слово «театр», но в одном случае как жанр хореографического искусства, в другом – как форма организации любительского коллектива.

Термин «театр танца» появился в хореографическом искусстве, когда на весь мир своим творчеством громко заявила Пина Бауш, именно её считают основателем этого жанра, в котором органически сочетаются танец, режиссура и актёрская игра. «Народный или образцовый театр балета» – это звание любительского хореографического коллектива, которое присваивается Управлением или Департаментом культуры выдающимся танцевальным коллективам. Почему эти два «театра» находятся в одной номинации – не понятно.

Студенческая работа (балетмейстер представляет один номер, общей продолжительностью до 4 минут).

Совершенно не понятно из названия, какие это студенты и что они танцуют. Если это студенты профессиональных хореографических учебных заведений, то не понятно, почему они участвуют в любительском конкурсе. Если это просто студенты, то см. выше – «Коллектив детского сада», «Коллектив средней школы» и в заключение «Коллектив института».

«2 в 1» (в этой номинации коллектив может представить два номера из разных номинации, например, один номер народный, а второй – танцевальное шоу).

Для чего существует эта номинация? Если коллектив выступает в народно-сценической хореографии, то как он может ещё и исполнять шоу? Какое-то странное соединение. Но организатором виднее...

На основании вышеизложенного можно сделать определённые выводы:

- демократизация нашего общества, отсутствие цензуры в искусстве, свобода творчества – это замечательные достижения, но не для детей! К сожалению, именно в детском любительском хореографическом творчестве очень негативно отражается вседозволенность, отсутствие вкуса, эпатаж и т.д.;

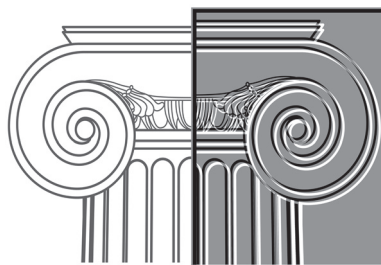
- воспитание художественного вкуса, формирование эстетических норм, воспитание в коллективе, патриотическое воспитание – вот главные цели любительского искусства. К сожалению, в настоящее время, многие руководители любительских кол-

лективов в своём творчестве забывают про эти задачи;

- фестивали и конкурсы любительского хореографического творчества должны быть взяты под контроль государственными структурами, отвечающими за художественно-эстетическое воспитание подрастающего поколения. Они должны контролировать прежде всего художественный и воспитательный уровень подобных мероприятий;

- к сожалению, многие конкурсы, вместо того чтобы повышать культурный уровень и профессиональное мастерство, превратились в бизнес, в котором на первое место выходят меркантильные интересы.

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАУКИ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВЕКТОРЫ И ЗАДАЧИ

УДК 002:001.1

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10214

Н. В. Лопатина

Московский государственный институт культуры

В статье рассмотрен вопрос будущего библиотечно-информационных наук в цифровом мире. Дается авторская трактовка понятия «библиотечно-информационные науки». Автор показывает эвристичность теоретического багажа библиотечно-информационных наук для решения актуальных социальных проблем цифровизации. Определены особенности отечественных библиотечно-информационных наук, их вклад в исследования информационной сферы, социально-информационного взаимодействия, их методологические традиции. Ставится задача управления отраслевым знанием, раскрываются риски и проблемы нерационального использования научного знания в сфере библиотечно-информационных наук. Анализируются временной лаг между появлением идеи и её реализацией в библиотечно-информационные практики, методологические и организационные трансформации в науке. Доказывается прорывной характер исследований, проводимых в русле нового научного направления – теории социально-информационных технологий. Обозначен круг наиболее актуальных направлений исследований для библиотечно-информационных наук. Особое внимание уделено «кадровой конверсии» как задаче, требующей научно обоснованного решения.

Ключевые слова: наука, библиотечно-информационные науки, цифровизация, цифровая экономика, библиотековедение, библиографоведение, книговедение, информационная инфраструктура общества, информационно-коммуникативные форматы чтения, интеллектуализация информационной деятельности, информационные кадры, организация информационного пространства, управление знаниями.

N. V. Lopatina

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultura),
Bibliotecnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE IN THE DIGITAL WORLD: RESEARCH TRENDS AND CHALLENGES

The article considers the future of Library and Information Sciences in the digital world. The author's interpretation of the concept "Library and Information Sciences" is given. The author shows the heuristic

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

nature of the theoretical baggage of LIS for solving urgent social problems of digitalization. The features of domestic LIS, their contribution to the research of the information sphere, social and information interaction, their methodological traditions are determined. The task of management of branch knowledge is set. The risks and problems of irrational use of scientific LIS-knowledge are revealed. The time lag between the idea and its implementation in library and information practices, methodological and organizational transformations in science are analyzed. The breakthrough nature of the research conducted in line with the new scientific direction – the theory of social and information technologies is proved. The circle of the most actual directions of researches for LIS is designated. Particular attention is paid to the “personnel conversion” as a problem that requires a scientifically based solution.

Keywords: science, Library and Information Sciences, digitalization, digital economy, library science, bibliography, bibliology, information infrastructure of society, information and communication formats, reading, intellectualization of information activities, information personnel, organization of information space, knowledge management.

Для цитирования: Лопатина Н. В. Библиотечно-информационные науки в цифровом мире: исследовательские векторы и задачи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 156–166. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10214

Один из наиболее острых вопросов, который волнует современное библиотечное сообщество, – вопрос о будущем библиотечно-информационных наук в цифровом мире.

Его задают сегодня и те, от кого зависит судьба наших наук, – представители управления отраслью как на макроуровне (уровне исполнительной власти государства), так и на мезоуровне (уровне отдельных научных и научно-образовательных учреждений). Стоит ли продолжать инвестировать ресурсы в научные исследования и практико-ориентированные разработки в области библиотечно-информационных наук, когда происходят тектонические сдвиги информационно-коммуникационных платформ социального взаимодействия?

Несмотря на то, что автор этой статьи и её коллеги разрабатывают весьма результативные аналитические инструменты для принятия решения о необходимости финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и определения перспективных направлений научно-технологического развития для своей отрасли, подобная задача представляет особую сложность.

Необходимо найти решения не только на методическом, но и на методологическом уровне, ощущается потребность в осмыслении и переоценке предыдущего опыта и перестройке философии и идеологии понимания информационного разнообразия социокультурной феноменологии.

Современные законы научной коммуникации исключают возможность использовать в этой статье собственные, но ранее опубликованные наработки автора, касающиеся генетических основ и эволюции информационной инфраструктуры общества. Но именно представленные в них полисистемный подход к информационной истории общества и социологии информатизации, теория социально-информационных технологий, науковедческие изыскания и результаты включённого наблюдения позволяют сделать следующий вывод: библиотечно-информационные науки всегда были и всегда будут важным условием направленного, управляемого информационного развития. И их траектория ни в коем разе не зависит от того, сколь долго общество будет поддерживать такое учреждение, как библиотека.

Это связано с тем, что науки, которые во всём мире называются библиотечно-информационными науками, – это науки не о библиотеке, даже если слух в первую очередь из потока звуков выделяет это слово, а сама эта мысль покажется многим крамольной. Это – науки о мире, в котором базовой социальной потребностью является информационная потребность, а базовой формой взаимодействия выступает социально-информационное взаимодействие. В мире, в котором основы культурогенеза, политического фундамента имеют информационную природу [7; 12], обязательно существуют особые явления, процессы, механизмы, социальные институты (в том числе библиотека, книжная культура и т.д.), благодаря которым базовые для общества и человека информационные потребности удовлетворяются, и развиваются науки, которые изучают эти потребности, процессы, механизмы, их акторов, социальные институты, их реализующие; проектируют социальные структуры, программы, направленные на их поддержку и совершенствование.

Что мы включаем в понятие библиотечно-информационных наук (Library and Information Science, LIS), которое используется по всём мире? Во-первых, «классический триумvirат»: библиотековедение, библиографоведение и книговедение; во-вторых, науки, генезис и эволюция которых связаны с «триумvirатом» (например, документология или наукометрия); в-третьих, научные направления, «отпочковавшиеся» от выше обозначенных наук, которые обрели суверенность или институционализируются как самостоятельные направления (например, общая теория чтения, теория информационной культуры); в-четвёртых, научные направления, которые сегодня проходят стадию становления внутри официально оформленных наук или на стыке с другими на-

учными группами (теория прикладной информатики, теория социально-информационных технологий). Вместе с тем нельзя не признать, что вопрос о структуре данного комплекса дискуссионный и сам по себе требует изучения.

Цифровой мир не просто часть информационной среды, базирующейся на цифровых системах передачи информации, на средствах коммутации и управления, обеспечивающих передачу и распределение потоков информации в цифровом виде, на форматах данных, использующих дискретные состояния. Это в первую очередь социум, который создаёт цифровую среду, осваивает её, перестраивает вековые структуры и тысячелетние институты под влиянием новых технологий, новых форматов оперирования информацией, меняет направление традиционных социальных процессов, трансформирует механизмы социальной интеграции, общественного разделения труда, трансфера знаний между поколениями. Изменяемся мы сами и изменяем нашу повседневность на всех уровнях – от политики и экономики до быта и досуга.

Процессы, которые мы сегодня называем «цифровизация», сами по себе достойны внимания библиотечно-информационных наук.

Что именно изменяет мир? Какие трансформации происходят в сфере производства и распространения знаний в социуме? Каким образом эти фундаментальные процессы влияют на информационную инфраструктуру общества? Что ожидает традиционные социально-информационные институты, к которым относится и библиотека, и книжное дело, и ГСНТИ? И самый важный вопрос: что необходимо современному человеку в цифровом мире для того, чтобы удовлетворять и развивать свои интеллектуальные, творческие, эстетические, духовные

потребности, потребности личностного роста, для того чтобы быть счастливым и жить в радости, мире и добре?

Многие наши коллеги, и учёные, и практики, не верят в то, что потенциал библиотечно-информационных наук, и классических, и новых, ещё формирующихся, достаточен для проведения подобных исследований. Но позволю себе не согласиться с ними.

Давайте обратим внимание на историю наших наук. Несколько фамилий в алфавитном порядке – без ненужных рейтингов и претензий на полный охват: К. И. Абрамов, Р. С. Гиляревский, Ю. С. Зубов, О. П. Коршунов, Б. А. Семеновкер, В. В. Скворцов, Н. А. Сляднева, А. В. Соколов, Ю. Н. Столяров, В. А. Фокеев и многие другие. В их работах – изучение информационного поведения человека, исторической и ситуативной специфики информационного оперирования, эволюции информационной среды и информационной феноменологии, информационной инфраструктуры общества в динамике [см., например: 1; 3; 4; 5; 14; 15; 17; 21; 22 и другие].

Библиотечно-информационные науки не просто исследовали отдельные вопросы социально-информационного взаимодействия в разные исторические эпохи: от времён дописьменной коммуникаций до глобального информационного обмена на основе цифровых технологий. Они заложили фундамент для научного осмысления и изучения форм и форматов реализации информационного обмена и информационного обслуживания, эволюции информационной инфраструктуры. И те, кто говорит о низкой социальной значимости наших наук, не могут даже представить себе, сколь серьёзный вклад в изучение функционирования информации в обществе и системы социальных коммуникаций внесли библиотековеды и библиографоведы.

Главной особенностью отечественных библиотечно-информационных наук является то, что мы ранее, чем кто-либо другой, определили композитный характер информационной сферы – традиционной бумажной, электронной аналоговой или цифровой, – и изучали все явления, все процессы и с позиций документалистики, а далее информатики, и с позиций разных наук и научных подходов:

- антропологии и социологии, которые на приоритетные позиции научного познания и освоения мира ставят человека и общество, в котором он живёт;
- политологии и истории, которые помогают нам видеть фундаментальное и вариативное, общее и частное, глобальное и национальное. Благодаря этому мы знаем, каких моделей развития стоит бояться, какие – необходимо корректировать, а каким стоит аплодировать; каким образом следует выстраивать систему принципов и норм, обеспечивающих социально ориентированное и социально ответственное функционирование информации в обществе;
- психологии, которая даёт нам возможность изучать психофизиологические основания информационного поведения и информационной культуры, создавать здоровьесберегающую среду, свободную от агрессии и депрессии;
- культурологии, которая позволяет нам видеть не только формальные предписания, но и иные общечеловеческие нормы, типовые модели поведения, ценностные ориентиры, идеалы и видеть мир информации в диалектике традиций и новаций, высоких культурных благ и повседневности бытия;
- и, конечно же, педагогики и других наук, доказывающих необходимость и разрабатывающих инструментарий «мягкого управления» личностью и социумом во имя мира и добра.

И эти методологические традиции мы переносим в изучение цифрового мира как главный и самый ценный багаж.

Исторически наши науки первыми начали разрабатывать эту тематику в контексте характерного и доминирующего для XIX и XX веков информационно-коммуникативного формата – традиционных бумажных документных коммуникаций.

Сегодня сложно найти исследования информационной сферы, социально-информационного взаимодействия более фундаментальные и значимые. И многие научные достижения в познании социально-информационных процессов и явлений, которые становятся основаниями государственных программ цифровизации, были сделаны в русле библиотечно-информационных наук. Печально, что нередко они забыты, а в некоторых случаях попали на «свалку идей».

Рациональное использование научно-го знания – одна из самых больших проблем современности. Наша кафедра проводит реабилитацию многих теоретических работ, популяризацию научного наследия. Но одна из ключевых задач – управление знаниями, причём не только как предмет исследования, но и как прикладная проблема организации библиотечно-информационных наук. Ключевые риски стратегического развития отрасли кроются в том, что не бережётся и не применяется каждая крупинка уникальных знаний и разработок, в которые вложены силы и иные ресурсы. Повседневные практики взаимодействия библиотечно-информационных наук и обслуживаемой отрасли диссонируют с приоритетами цифрового мира, цифровой экономики идеологически, системно. Недостаточно оценивается интеллектуальный труд, часто отдаётся предпочтение активным действиям и делается ставка на единичный, не всегда осмысленный и неоднозначный по последствиям

опыт, остаются без внимания и разработки предыдущих поколений, и новые идеи, публикации учёных, ситуативные разработки ставятся выше перспективных, научно обоснованных и стратегических решений.

Опираясь на клишированную сентенцию «практика – критерий истины», мы забываем о том, что если наука не просто описывает и анализирует практику, но и реализует свою преобразующую миссию, то обязательно существует лаг между появлением идеи и её осознанием, включением в официальные государственные программы, реализацией и социальной диффузией. В библиотечно-информационной сфере этот лаг составляет не менее 20 лет. Современные учёные, опережая управление и практику, как и положено – минимум на два шага, при столкновении с реалиями и профессиональными стереотипами, о которых так хорошо писал П. Г. Щедровицкий [25], слышат в свой адрес обвинения в оторванности от практики.

Большинство представителей отраслевого управления и практики часто забывает о том, что многое из определяющего сегодняшний день библиотек – например, программы поддержки чтения, цифровая грамотность и цифровое кураторство, деятельность в социальных сетях и блогосфера, кадры для цифровой экономики – начиналось с грантов, государственных заданий 2000–2010 годов, диссертаций, которые готовились в МГИК и других научных центрах [см., например: 6; 7; 8; 9; 10; 13; 16; 20; 23; 24; 26 и многие другие]

В условиях движения к цифровой экономике происходит трансформация не только повседневных информационных практик, но и классической гносеологической «линейки»: теория (философия) – методология – методика исследования (эмпирический уровень). Актуальность приобретает

особый вектор методологии – методология макроуровней социальной деятельности, формирующая новые форматы взаимодействия науки и практики: быстрое восхождение практики к научным исследованиям, с одной стороны, и интеграцию научных исследований в социальные практики – с другой стороны.

На макроуровнях выше степень социальной ответственности за принятые решения, что определяет необходимость рассмотрения проблем социального проектирования не только в русле вульгарной интерпретации и «вписывания» в ситуативные структуры, а «по существу» – с целью упреждения и ослабления социальных рисков и содействия действительно эффективной деятельности. Сегодня в библиотечно-информационных науках мы развиваем этот особый уровень – уровень стратегической аналитики, который представляет собой социокультурное проектирование только на научной основе, на основе многофакторного изучения и прогнозирования.

Прорывный характер носят исследования и разработки в области социально-информационных технологий. Это научное направление, которое родилось в МГИК, институционализируется и в течение десятилетия станет одной из полноправных библиотечно-информационных наук, перерабатывая их наследие для перехода на иной, более фундаментальный уровень исследования возможностей информационного воздействия на социум и управления им [20]. Социально-информационные технологии – это совокупности методов и средств информационного воздействия на общество с целью получения определённого социального результата. Н. А. Сляднева включает в содержание понятия «социально-информационные технологии» совокупность контента (информационных сообщений, смыс-

лов, именуемых ключевыми императивами и являющихся информационно ёмкими, компактными, «свёрнутыми» программами, информационно воздействующими на людей с целью получения запланированных реакций) и социально-информационной инфраструктуры (системы средств трансляции аудитории ключевых императивов, которая может включать в себя как традиционные (или технические) каналы распространения информации, так и общественные организации, учреждения, используемые для тех же целей) [19].

В наши дни социально-информационные технологии стали приоритетными инструментами социального управления в силу возможности оперативного глобального охвата аудитории (множества социальных субъектов) единым информационным контентом, что обеспечивает им социально-синергетический эффект. Научиться создавать, организовывать и регулировать этот контент на благо человека и общества – наша главная научная задача, и для её решения необходима и общая теория чтения, и библиографоведение, и теория социальных коммуникаций, и книговедение.

Справедливости ради надо сказать, что настоящие прорывные инновации встречаются крайне редко во всех сферах, но это не повод отказываться от каждодневной, кропотливой научной работы, инвестируя силы в так называемые устойчивые инновации.

Попробуем обозначить круг наиболее актуальных направлений исследований для библиотечно-информационных наук:

1. Исследования **информационно-коммуникативных форматов**: важно определить направление и содержание их развития, спрогнозировать следующую смену доминанты, новую онтологию. Какие форматы, социальные технологии, механизмы, институты будут обеспечивать удовлетворе-

ние главной социальной потребности – информационной?

2. Исследования **чтения**, потому что оно не исчезнет никогда, даже если перестанет существовать бумажная книга и библиотека в её традиционном понимании, даже если библиотека станет центром общения, пространством идей.

Развитие информационных коммуникаций за последние 20 лет доказало, что чтение само по себе имеет черты социального института, причём более устойчивые, чем критерии библиотеки как социального института. В ряду исследовательских задач, которые хотелось бы решить в ближайшее время, – выяснить, может ли чтение, актором которого выступает обычный человек, «привычный» объект нашего патерналистского воздействия, приобрести какое-либо, пока ещё непонятное институциональное оформление?

3. Исследования **производства знания**: точного, художественного, научного, аналитического; его институтов, новых и традиционных механизмов его представления и функционирования в обществе. Представляют интерес новые, зарождающиеся в условиях цифровой экономики традиции интеллектуальной собственности; границы и мера допустимого влияния производителя информационного продукта на социум; измерение социального эффекта и социального одобрения.

4. Исследования в области **организации информационных массивов и потоков** – комплекс проблем, который мы поручили решать машине, не решив её до конца в самой совершенной информационной системе – в человеческом мозге. Машина научилась работать с формализованными метаданными, но не с теми метаданными, которые мы используем в повседневных практиках информационного поиска.

5. Исследования **интеллектуализации информационной деятельности**. Эта позиция заслуживает отдельной статьи, ибо искусственный интеллект и его ИТ-реализация – слишком сложны и не сводятся только к тесту Тьюринга. Зарождается пул принципиально новых функциональных направлений библиотечно-информационной деятельности, создающих разнообразие новых информационно-аналитических продуктов. В связи с этим актуально глубинное моделирование интеллектуальных механизмов информационно-аналитической деятельности [18] и проектирование предсинтеза нового кластера компетенций библиотечно-информационного специалиста.

6. Исследования **информационной инфраструктуры**, которую ожидает коренной перелом в ближайшие 10–15 лет. Уже сегодня мы обоснованно говорим о том, что, например, информационная инфраструктура науки будет абсолютно другой [2], ибо те процессы, которые катализируют перемены, столь сильны, что их, как и атомную реакцию, уже невозможно остановить.

Один из самых острых вопросов: что будет происходить с традиционными элементами информационной инфраструктуры, и самая прикладная тема, из тех, которыми мы должны заниматься сегодня, – рациональное использование потенциала библиотечных кадров в ходе, видимо, уже неизбежного и серьёзного сокращения библиотек, которое ведётся в стране. «Кадровая конверсия» – задача ближайшего будущего, требующая научно обоснованного решения. В его основе должно лежать понимание позиций библиотечной профессии в профессиональной структуре общества, компетентностный и полисистемные подходы.

Сегодня складываются новые форматы реализации информационной работы, основанные на инициативной деятельно-

сти профессионалов, на проектности, коллаборации и гибкости трудовых отношений. Эти новые форматы приходят взамен организационных структур, противоречащих цифровому миру своей приверженностью к ценностям уходящей эпохи, но в нашу сферу они приходят очень тяжело, но именно в них – основные решения «кадровой конверсии». Цифровой контент не сводится только к электронным библиотекам, но и имеет индивидуальную направленность – как и диктуют актуальный информационный рынок, повседневные культурные и социальные практики. Научить пользоваться цифровыми технологиями можно быстро, а вот какова среда для их использования, доступ-

на ли она, обозрима, интересна и значима ли для пользователя – вот вопросы, на которые надо ответить до того, как начинать строить проекты реквалификации отраслевых кадров.

В заключение хотелось вспомнить слова великого О'Генри: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу» [11]. Будущее библиотечно-информационных наук зависит от того, что внутри нас, – от наших интересов, от наших ценностей, от нашего труда. Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним: ставим новые задачи и выбираем новые пути их решения. Насколько всё это результативно, покажет завтрашний день.

Примечания

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР : [учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов]. 3-е издание, перераб. и доп. Москва : Книга, 1980. 352 с.
2. *Антопольский А. Б., Ефременко Д. В.* К вопросу о едином электронном пространстве знаний // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 2. С. 163–170.
3. *Гиляревский Р. С.* Информатика и библиотековедение : Общие тенденции в развитии и преподавании / АН СССР. ВИНТИ. Москва : Наука, 1974. 200 с.
4. *Зубов Ю. С.* Библиотечно-библиографическое управление художественным развитием личности (теоретические основания) : диссертация на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 05.25.03 / Зубов Юрий Сергеевич. Москва, 1988. 393 с.
5. *Коршунов О. П.* Библиография: теория, методология, методика. Москва : Книга, 1986. 285, [2] с. : ил.
6. Культура информационного общества. III Зубовские чтения : материалы научной конференции (Москва, 20–22 мая 2009 г.) / науч. ред. Н. В. Лопатина, О. Б. Сладкова, Г. И. Булдина. Москва : МГУКИ, 2010.
7. Культурная политика в условиях информационного общества : сборник научных статей / науч. ред. О. Б. Сладкова, Н. В. Лопатина, С. М. Оленев. Москва : МГУКИ, 2008.
8. *Лопатина Н. В.* Информатизация в контексте исследования социокультурных трендов // Обсерватория культуры. 2008. № 5. С. 16–20.
9. *Лопатина Н. В.* Управление информатизацией как приоритетная задача социального развития // Информационные ресурсы России. 2005. № 1 (83).
10. *Мамедов Н. О.* Система социокультурной коммуникации: регулятивная функция и перспективы развития : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата культурологических наук : 24.00.01 / Мамедова Наталья Олеговна. Москва, 2002. 176 с.
11. *О. Генри.* Дороги, которые мы выбираем // Собрание сочинений : в 5 томах. Москва : Литература ; Престиж книга ; Рипол классик, 2005. Том 4. Деловые люди. Коловращение. Всего понемножку.
12. *Оленев С. М., Сляднева Н. А.* Информационные основы культурогенеза // Культурология: новые подходы : альманах-ежегодник. Вып. 3–4 / Московский государственный университет культуры. Научно-исследовательский центр. Москва : МГУК, 1998. С. 33–48.
13. Проблемы информационной культуры : сборник статей / Международная академия информатизации [и др.]. Москва : [б. и.], 1997-. Выпуск 3: Информационное мировоззрение и информацион-

- ная культура = Information philosophy of life and information culture / [науч. ред.: Ю. С. Зубов, В. А. Фокеев]. 1996. 199 с.
14. Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 1 / Российская государственная библиотека. Москва : Пашков дом, 2009. 245 с.
 15. Семеновкер Б. А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 2. Архивы. Библиотеки. Музеи / Российская государственная библиотека. Москва : Пашков дом, 2011. 336 с.
 16. Сладкова О. Б. Мониторинг как инструмент социокультурного диалога «власть – общество» : автореферат диссертации на соиск. учён. степ. доктора культурологии : 24.00.01 / Сладкова Ольга Борисовна ; Государственная академия славянской культуры. Москва, 2005. 34 с.
 17. Сляднева Н. А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа : монография. Москва : Изд-во МГИК, 1993.
 18. Сляднева Н. А. Информационная антропология нового мира: проблемы интеллектуальной эволюции человека информационной эпохи // Культура и образование в информационном обществе : материалы Международной научной конференции, Краснодар, 16–18 сентября 2003 года / [науч. ред.: И. И. Горлова и др.]. Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2003. С. 40–45.
 19. Сляднева Н. А. Социально-кибернетические механизмы гомеостатического регулирования социума // Социальная философия и проблемы современного общества : (Материалы «круглого стола»). Часть 1 / [науч. ред.: И. Н. Романов и др.]. Москва : МГУКИ, 2003. С. 49–56.
 20. Социально-информационные технологии – феномен XXI века : материалы научной конференции. Москва : МГУКИ, 2002.
 21. Столяров Ю. Н. Библиотековедение. Избранное. 1960–2000 гг. Москва : Пашков дом, 2001. 554 с.
 22. Фокеев В. А. Природа библиографического знания : монография / Российская государственная библиотека, Сектор истории книги, библиотечного дела и библиографии. Москва : РГБ, 1995. 350 [1] с.
 23. Художественное развитие в информационном обществе = Cultural development in the information-oriented society : сборник научных трудов / Министерство культуры Российской Федерации, Московский государственный университет культуры и искусств, Институт информационных коммуникаций и библиотек, Кафедра информатизации культуры ; [науч. ред.: Н. В. Лопатина, С. А. Чазова]. Москва : МГУКИ, 2014. 215 с. : портр., табл.
 24. Шлыкова О. В. Феномен мультимедиа = Multimedia Phenomenon : технологии эпохи электронной культуры : монография / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва : МГУКИ, 2003. 268 с. : ил.
 25. Щедровицкий П. Г. Очерки по философии образования : статьи и лекции. Москва : Эксперимент, 1993. 154 с.
 26. Чазова С. А. Информационно-библиографический мониторинг литературного процесса : Вопросы теории и методики : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 05.25.03 / Чазова Светлана Анатольевна. Москва, 2000. 212 с.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotechnogo dela v SSSR [History of library science in the USSR]*. Moscow, Publishing house “Book”, 1980. 352 p. (In Russian)
2. Antopolsky A. B., Efremenko D. V. On the Problem of Unified Electronic Space. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018, vol. 88, no. 2, pp. 163–170. (In Russian)
3. Gilyarevsky R. S. *Informatika i bibliotekovedenie: obshchie tendentsii v razvitii i prepodavanii [Informatics and library science: General trends in development and teaching]*. Moscow, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1974. 200 p. (In Russian)
4. Zubov Yu. S. *Bibliotechno-bibliograficheskoe upravlenie khudozhestvennym razvitiem lichnosti (teoreticheskie osnovaniya). Diss. dok. ped. nauk [The library and bibliographic control the artistic development of the individual: (Theoretical basis). Dr. ped. sci. diss.]*. Moscow, 1988. 393 p. (In Russian)

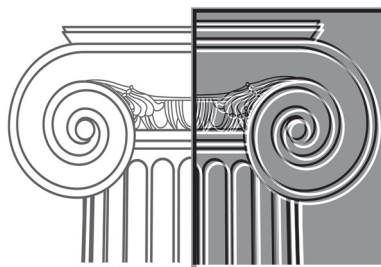

5. Korshunov O. P. *Bibliografiya: teoriya, metodologiya, metodika* [Bibliography: theory, methodology, methodology]. Moscow, Publishing house "Book", 1986. 285 p. (In Russian)
6. Lopatina N. V., Sladkova O. B., Buldina G. I., eds. *Kul'tura informatsionnogo obshchestva. III Zubovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii (Moskva, 20–22 maya 2009 goda)* [Culture Information Society. III Zubov reading. Proceedings of a scientific conference (Moscow, May 20–22, 2009)]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2010. (In Russian)
7. Sladkova O. B., Lopatin N. V., Olenev S. M., eds. *Cul'turnaya politika v usloviyakh informatsionnogo obshchestva. Sbornik nauchnykh statey* [Cultural policy in the conditions of the information society. A collection of scientific articles]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2008. (In Russian)
8. Lopatina N. V. Informatizatsiya v kontekste issledovaniya sotsiokulturnykh trendov [Informatization in the context of social and cultural trends research]. *Observatory of Culture*. 2008, no. 5, pp. 16–20. (In Russian)
9. Lopatina N. V. Upravlenie informatizatsiei kak prioriternaya zadacha sotsial'nogo razvitiya [Management of informatization as a priority task of social development]. *Information Resources of Russia*. 2005, no. 1 (83). (In Russian)
10. Mamedova N. O. *Systema sotsiokul'turnoy kommunikatsii: regulativnaya funktsiya and perspektivy razvitiya. Diss. kand. kul. nauk* [System of socio-cultural communications: the regulatory function and development prospects. Cand. cult. st. diss.]. Moscow, 2002. 176 p. (In Russian)
11. O. Henry. Dorogi, kotorye my vybiraem [The roads we choose]. *Sobranie sochineniy, v 5 tomakh, tom 4* [Collected works, in 5 vol., vol. 4]. Moscow, Publishing house "Ripol Classic", 2006. (In Russian)
12. Olenev S. M., Slyadneva N. A. Informatitsionnye osnovy kulturogeneza [The informational basis of cultural genesis]. In: *Kul'turologiya: novye podkhdy. Al'manakh-ezhegodnik. Vyp. 3–4* [Cultural Studies: New Approaches: Almanac-Yearbook. Issue 3–4]. Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture, 1998. Pp. 33–48. (In Russian)
13. *Problemy informatsionnoy kul'tury: sbornik statey. Vyp. 3. Informatsionnoe mirovozzrenie i informatsionnaya kul'tura. Nauch. red. Yu. S. Zubov, V. A. Fokeev* [Problems of information culture. A collection of articles. Issue 3. Information philosophy of life and information culture. Scientific. edited by Yu. S. Zubov, V. A. Fokeev]. Moscow, 1996. 199 p. (In Russian)
14. Semenovker B. A. *Evolutsiya informatsionnoy deyatel'nosti. Rukopisnaya informatsiya. Chast 1* [Evolution of information activity. Handwritten information. Part 1]. Moscow, Russian State Library 'Pashkov Dom' Publishing, 2009. 245 p. (In Russian)
15. Semenovker B. A. *Evolutsiya informatsionnoy deyatel'nosti. Rukopisnaya informatsiya. Chast 2. Arkhivy. Biblioteki. Muzei* [Evolution of information activity. Handwritten information. Part 2. Archives. Libraries. Museums]. Moscow, Russian State Library 'Pashkov Dom' Publishing, 2011. 336 p. (In Russian)
16. Sladkova O. B. *Monitoring kak instrument sotsiokulturnogo dialoga "vlast' – obshchestvo". Avtoreferat diss. dok. kul'tur.* [Monitoring as a tool of social cultural dialogue "power – society". Synopsis Doc. Cul. St. diss.]. Moscow, 2005. 34 p. (In Russian)
17. Slyadneva N. A. *Bibliografiya v sisteme Universuma chelovecheskoy deyatel'nosti: opyt sistemno-deyatel'nostnogo analiza* [Bibliography in the System of the Universum of Human Activity: experience of system-activity analysis]. Moscow, Moscow, Publishing house of Moscow State Institute of Culture, 1993. (In Russian)
18. Slyadneva N. A. Informatsionnaya antropologiya novogo mira: problemy intellektual'noy evolyutsii cheloveka informatsionnoy epokhi [Information anthropology of the new world: problems of intellectual evolution of the information age]. In: Gorlova I. I., ed. *Kul'tura i obrazovanie v informatsionnom obshchestve. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Krasnodar, 16–18 sentyabrya 2003 goda* [Culture and Education in the Information Society: Proceedings of the International Scientific Conference, Krasnodar, September 16–18, 2003]. Krasnodar, Publishing house of Krasnodar State University of Culture and Arts, 2003. Pp. 40–45. (In Russian)
19. Slyadneva N. A. Sotsial'no-kiberneticheskie mekhanizmy gomeostaticeskogo regulirovaniya sotsiuma [Social and cybernetic mechanisms of homeostatic regulation of society]. In: Romanov I. N., etc. eds.

- Sotsial'naya filosofiya i problemy sovremennogo obshchestva. (Materialy "kruglogo stola"). Chast' 1 [Social philosophy and problems of modern society ("Round Table" materials). Part 1].* Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2003. Pp. 49–56. (In Russian)
20. *Sotsial'no-informatsionnye tekhnologii – fenomen XXI veka. Materialy nauchnoy konferentsii [Social informational technologies – a phenomenon of the XXI century. Materials of a scientific conference].* Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2002. (In Russian)
 21. Stolyarov Yu. N. *Bibliotekovedenie. Izbrannoe. 1960–2000 gg. [Library Science. Favourites. 1960–2000].* Moscow, Russian State Library 'Pashkov Dom' Publishing, 2001. 554 p. (In Russian)
 22. Fokeev V. A. *Priroda bibliograficheskogo znaniya [The nature of bibliographic knowledge].* Moscow, Published by Russian State Library, 1995. 350 p. (In Russian)
 23. Lopatina N. V., Chazova S. A., eds. *Cultural development in the information-oriented society. A collection of scientific papers.* Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2014. 215 p. (In Russian)
 24. Shlykova O. V. *Fenomen mul'timedia: tekhnologii epokhi elektronnoy kul'tury [Multimedia Phenomenon: technologies of the electronic culture era].* Moscow, Publishing house of Moscow State University of Culture and Arts, 2003. 268 p. (In Russian)
 25. Shchedrovitsky P. G. *Ocherki po filosofii obrazovaniya: stat'i i leksii [Essays on the philosophy of education: articles and lectures].* Moscow, Publishing house "Experiment", 1993. 154 p. (In Russian)
 26. Chazova S. A. *Informatsionno-bibliograficheskiy monitoring literaturnogo protsessa: Voprosy teorii i metodiki. Diss. kand. ped. nauk [Information and bibliographic monitoring of the literary process: Questions of theory and methodology. Cand. ped. sci. diss.].* Moscow, 2000. 212 p. (In Russian)

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Возможности социокультурной среды вуза в формировании специалистов корпоративного образования

УДК 37.014

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10215

Е. С. Сахарчук

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена одной из наиболее острых проблем развивающейся в Российской Федерации системы корпоративного образования, а именно – содержанию и организационно-педагогическим условиям подготовки специалистов по обучению и развитию персонала организаций. Исходя из понимания того, что в настоящее время компетентностная модель специалиста по корпоративному образованию, так же как и связанная с ней модель выпускника образовательной программы соответствующего профиля, недостаточно отрефлексирована в профессиональной педагогике, автор статьи исследует сложившиеся в современной науке представления о социокультурной среде вуза и о корпоративной культуре как её элементе, с тем чтобы определить, насколько возможно студенту – будущему специалисту корпоративного образования обучаться технологиям проектирования и реализации образовательных программ на примере системы корпоративного образования вуза, в котором он обучается, понимаемом в данном случае как обучающаяся организация. Теоретический анализ и систематизация практического опыта деятельности вузов позволили автору статьи прийти к заключению, что типичные для Российской Федерации процессы развития организационной культуры «экономического», или «рыночного», типа в вузах, реализующиеся на разных уровнях развития и в разных формах, предоставляют студентам возможность в течение всего периода обучения приобщаться к содержанию корпоративной культуры (и основным технологиям её поддержания) посредством исследования её отдельных элементов: управленческой, организационной, производственной культуры, культуры интеллектуально-творческой и проектной деятельности, культуры многообразия. Выводы статьи могут быть использованы разработчиками основных профессиональных образовательных программ при проектировании содержания педагогических практик обучающихся. Теоретические выводы могут представлять ценность при построении компетентностной модели специалиста по корпоративному образованию.

Ключевые слова: компетентностная модель специалиста по корпоративному образованию, вуз как обучающаяся организация, корпоративная культура вуза.

САХАРЧУК ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – доктор педагогических наук, доцент, начальник управления контроля и координации образовательных процессов Московского государственного института культуры

SAKHARCHUK ELENA SERGEEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of control and coordination of educational processes, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: e.sakharchuk2013@yandex.ru

© Сахарчук Е. С., 2019

E. S. Sakharchuk

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

POSSIBILITIES OF THE SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF CORPORATE EDUCATION SPECIALISTS

The article is devoted to one of the most acute problems of the system of corporate education in the Russian Federation, namely – the content and pedagogical conditions of practice-oriented training of specialists in training and development of personnel of organizations. Based on the understanding that at present the competence model of a specialist in corporate education, as well as the associated model of a graduate of the educational program of the relevant profile, is not sufficiently reflected in professional pedagogy, the author explores the prevailing in modern science ideas about the social and cultural environment of the University and about corporate culture as its element in order to determine – the future specialist of corporate education to be trained in technologies of design and implementation of educational programs on the example of system of corporate education of higher education institution in which he is trained, understood in this case as the trained organization. Theoretical analysis and systematization of practical experience of universities allowed the author to come to the conclusion that typical for the Russian Federation processes of development of organizational culture of “economic” or “market” type in universities, implemented at different levels of development and in different forms, provide students during the entire period of their studies at the University to join the content of corporate culture (and the main technologies of its maintenance) through the study of its individual elements: management, organizational, industrial culture, culture of intellectual, creative and project activities, culture of diversity. The conclusions of the article can be used by the developers of the main professional educational programs in the design of the content of pedagogical practices of students. Theoretical conclusions can be valuable in the construction of a competence model of a specialist in corporate education.

Keywords: competence model of a specialist in corporate education, University as a self-learning organization, corporate culture of the University.

Для цитирования: Сахарчук Е. С. Возможности социокультурной среды вуза в формировании специалистов корпоративного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 168–175. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10215

Исходные положения. Мы исходим из определения корпоративного образования как части системы непрерывного образования, которая представляет собой целенаправленный процесс проектирования, реализации и оценки результатов освоения образовательных программ, а также формирования необходимых организационно-педагогических условий, осуществляемый в интересах работника корпорации, его духовного и нравственного становления, профессионального развития, удовлетворения потребностей корпорации-заказчика (В. В. Куз-

нецов, Е. С. Сахарчук). Понятие «корпоративное образование» напрямую не связано с экономическим смыслом «корпорации», речь идёт о реализации различных моделей обучения сотрудников на предприятии (в сети предприятий), в организации, носящей целенаправленный, системный, постоянно действующий характер.

Постановка проблемы. Методы исследования. Большинство федеральных государственных образовательных стандартов последнего поколения (3++), реализуемых по направлениям подготовки, типичным для

вузов культуры (таким, как культурология, народная художественная культура, социально-культурная деятельность, библиотечно-информационная деятельность и т.д.), синхронизированы с профессиональными стандартами, среди прочих, и в области педагогической деятельности, что предполагает возможность выполнения выпускниками этих направлений подготовки профессиональных задач в области корпоративного образования на предприятиях профильной сферы деятельности.

Практика корпоративного образования в сфере реализации услуг культурно-досуговой, просветительской и туристской деятельности реализуется в настоящее время в различных формах, в зависимости от специфики организации (предприятия), целеполагания деятельности, истории и традиций, количества сотрудников и т.п.; очевидно при этом, что каждая организация решает вопросы профессиональной адаптации и развития своих сотрудников, в особенности новых сотрудников, и задачи эти решаются наиболее эффективно, если в их решении задействованы наиболее профессиональный подход и наиболее компетентные кадры.

Исходя из понимания того, что в настоящее время компетентностная модель специалиста по корпоративному образованию, так же как и связанная с ней модель выпускника образовательной программы соответствующего профиля, недостаточно от-refлексирована в профессиональной педагогике, попытаемся определить возможности обучения студента – будущего специалиста корпоративного образования – технологиям проектирования и реализации образовательных программ на примере системы корпоративного образования вуза, в котором он обучается.

Для целей исследования использованы методы теоретического обобщения и ана-

лиза опыта деятельности современных российских вузов.

Результаты исследования. Очевидно, что для выполнения функций корпоративного педагога сотруднику необходимо овладеть необходимыми знаниями, умениями и опытом педагогической деятельности. Интернациональный авторский коллектив (М. Н. Певзнер, П. А. Петряков, О. Грауманн) в книге «Корпоративная педагогика» [6] даёт определение *обучающимся организациям* (к которым относят как предприятия (организации, объединения предприятий), так и образовательные организации) как одному из условий общественного прогресса в эпоху глобализации и интернационализации экономики и образования.

Опираясь на систематизацию структуры социального опыта (опыт познавательной, репродуктивной, творческой деятельности и эмоционально-ценностный опыт) А. В. Хуторского, В. В. Кузнецов [3] определил содержание корпоративного образования как тождественный по структуре человеческой культуре, педагогически адаптированный социальный опыт взрослого человека; процессы социализации студентов связаны в существенной степени с социокультурной средой вуза. Разделяя мнение А. К. Орешкиной (2017) [5], М. В. Богуславского и И. Д. Лельчинского [17; 10] и других, мы исходим из представления о социально и культурно интегрирующей сущности информационно-образовательной среды вуза. В социокультурной среде вуза как во взаимодействующем единстве сообщества субъектов образовательной деятельности, социальных связей, норм и процессов проходят процессы социализации студентов и становления их социальной зрелости.

Сложившиеся представления о социальных и культурных нормах как компоненте социокультурной среды вуза и о социо-

культурной среде вуза как части социально- и культурно-образовательного пространства позволяют представить совокупность культурных установок образовательной организации по отношению к внешней, внутренней среде и своей деятельности (выраженных эксплицитно или имплицитно) как проявление культурных норм, среди прочих и в числе *корпоративных культурных норм* [18, 9, 11].

П. Мендоса [19], исследовав влияние экономики знаний на академическую культуру, выделила следующие её структурные элементы: институциональный, определяющий организационную культуру вуза; социальный, базирующийся на социальных ожиданиях, и производственный, отражающий вклад вуза в экономический рост.

А. В. Прохоров [8] считает сильную корпоративную культуру университета, при условии сохранения им традиционных академических ценностей, основой для формирования корпоративной идентичности вуза и укрепления его конкурентоспособности.

Основываясь на структуре академической культуры, предложенной П. Мендоса, под институциональным ядром корпоративной культуры университета следует понимать традиционные академические ценности.

Современной наукой исследованы отдельные аксиологические и функциональные аспекты корпоративной культуры вуза в качестве компонента социокультурной среды. Так, рассматривая корпоративную культуру университета как «культуру профессиональной деятельности», А. С. Франц [12] определяет её специфику, которая обусловлена основной целью деятельности университетов: это – максимальное раскрытие интеллектуально-творческого потенциала участников образовательной деятельности; основополагающий принцип её формиро-

вания – учёт системы нравственных ценностей, типичных для страны, при этом наиболее, с его точки зрения, продуктивный тип нравственной культуры и характерной для неё системы нравственных ценностей – гедонический, который выступает в качестве этико-аксиологической основы поведения наиболее продуктивных работников университетов.

И. А. Волошина и И. О. Котлярова [2] дифференцируют инвариантные и вариативные корпоративные университетские ценности, к первым они относят традиционные академические ценности, ко вторым – ценности, характерные для определённой образовательной организации.

Е. А. Юрина и Н. С. Гулиус [16], определяя доминирующую культуру и её динамику на основе проведённого дискурсивного анализа корпоративного языка организации, делают акцент на «традиционном» для российских университетов конфликте между клановым и рыночным типом культуры; представления о клановой культуре (сотрудничество, альтруизм, служение целям науки и образования) как об искомом инварианте корпоративной культуры близки представлениям о традиционной академической культуре.

И. В. Троцук и Д. В. Суховерова [11], проанализировав результаты оценки организационной культуры в Российском университете дружбы народов, пришли к выводу о снижении доли бюрократического / иерархического типа организационной культуры и об увеличении доли рыночного и адхократического типа.

И. В. Легостаева [4] определяет три уровня корпоративной культуры вуза: этический, нравственный и коммуникативный в контексте управленческого подхода («чёткая организация процесса управления культурой вуза»).

М. Н. Певзнер, П. А. Петряков, И. А. Ушанова [7] определили характеристики современного состояния полиэтнической корпоративной культуры университетов, а также значение инструментов «менеджмента разнообразия», обобщив опыт нескольких университетов Германии, демонстрирующих реализацию принципов равенства возможностей, межкультурной коммуникации и открытой академической среды. «Культура многообразия» в университетах претворяется в конкретные действия, обеспечивающие реализацию обозначенных принципов: специально организованная интернет-среда вуза, наставничество, коучинг, поддержка инклюзии всех гетерогенных групп обучающихся и обучающихся в информационно-образовательную среду.

М. Д. Щелкунов, анализируя влияние модернизации университетов в связи с их переориентацией на «предоставление услуг потребителям», подчёркивает, что в сложившихся условиях «академизм» как традиционный принцип внутриуниверситетских отношений уступает под давлением «экономизма», с которым связывается понятие корпоративной культуры, призванной «солидаризировать членов академического сообщества в целях интересов корпорации по производству научно-образовательных продуктов» [15].

Н. В. Волкова и М. А. Зарипова [1] выявили особенности и периоды идентификации новых сотрудников в среду корпоративной культуры вуза (по срокам – более года, гендерные и другие).

Т. Л. Чернышева [14], характеризуя специфику корпоративной культуры опорного университета, обращает внимание на необходимость построения «сильной корпоративной культуры» опорных университетов с целью синхронизации исследовательских задач профессорско-преподавательского со-

става университетов с масштабом, глубиной и темпами реализации исследовательских задач опорного вуза.

Выводы по результатам исследования. Обобщая вышеизложенное, отметим, что социокультурная среда современного вуза предоставляет возможности для формирования профессиональных компетенций специалиста корпоративного образования, в первую очередь за счёт обучения проектированию содержания корпоративных образовательных программ.

Как показывает практика, процессы развития организационной культуры «экономического», или «рыночного», типа реализуются во всех российских вузах, хотя и на разном уровне развития и в разных формах (в зависимости от статуса, роли в обществе и науке, отраслевой принадлежности, истории, традиций и т.д.). Таким образом, студенты направлений подготовки, синхронизированных с профессиональными стандартами в области педагогики, имеют возможность в течение всего периода обучения в вузе на системной основе изучать и осваивать корпоративную культуру организации образования, в которой они обучаются, в её основных проявлениях: управленческой, организационной и производственной культуре, культуре интеллектуально-творческой и проектной деятельности, культуре многообразия.

В связи с вышеизложенным подчеркнём, что целенаправленное развитие вузом своей сильной корпоративной культуры сыграло положительную роль для приобретения студентом необходимого практического опыта образцового корпоративного поведения, проявляющегося во взаимодействиях вуза с другими организациями, во внутривузовском взаимодействии, в успешном достижении целей деятельности и конкурентоспособной позиции.

Примечания

1. Волкова Н. В., Зарипова М. А. Особенности организационной идентификации новых сотрудников в университетской среде // Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание : сборник научных трудов участников международной научной конференции молодых учёных : в двух томах / под научной редакцией А. В. Шаболтас, С. Д. Гуриевой. Санкт-Петербург, 2018. С. 420–426.
2. Волошина И. А., Котлярова И. О. Развитие системы корпоративных ценностей преподавателей и студентов университета в системе непрерывного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы 14-й международной конференции. Санкт-Петербург, 2016. С. 394–397.
3. Кузнецов В. В. Корпоративное образование : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Екатеринбург : Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2010. 227 с.
4. Легостаева И. В. Педагогическое сообщество университета как носитель и транслятор социокультурных ценностей // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 230.
5. Орешкина А. К. Развитие образовательного пространства системы непрерывного образования: теоретико-методологический аспект // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Образовательное пространство в информационную эпоху» (ЕЕИА–2017) / под ред. С. В. Ивановой. Москва, 2017. С. 253–258.
6. Певзнер М. Н., Грауманн О., Петряков П. А. Корпоративная педагогика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050500 «Технологическое образование» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Государственное образовательное учреждение «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого». Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2010. 457 с. : ил., табл.
7. Певзнер М. Н., Петряков П. А., Ушанова И. А. Менеджмент многообразия как инструмент корпоративной культуры вуза // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 5 (88). С. 85–88.
8. Прохоров А. В. Новые академические ценности высшего образования // Гаудеамус = Gaudeamus : психолого-педагогический журнал. 2012. № 1 (19). С. 25.
9. Сахарчук Е. С. Анализ зарубежных моделей подготовки кадров для сферы туризма : монография. Москва : Ruscience, 2016. 162 с. : ил., табл.
10. Социальный работник как личность и профессионал: компетентностная версия : монография / [О. Н. Борисова и др. ; под ред. И. Д. Лельчицкого] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет». Тверь : Тверской государственный университет, 2015. 164 с. : ил.
11. Троцук И. В., Суховерова Д. В. Корпоративная культура как инструмент повышения конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 11. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-44-54>
12. Федулин А. А., Сахарчук Е. С., Лебедева О. Е. Организационные аспекты повышения квалификации специалистов в сфере туризма // Актуальні проблеми економіки. 2015. № 4 (166). С. 332–335.
13. Франц А. С. Корпоративная культура университета (этико-аксиологический аспект) // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 2 (42). С. 26–30.
14. Чернышева Т. Л. Специфика корпоративной культуры опорного университета // Культура и цивилизация. 2018. Том 12. № 1. С. 123–124.
15. Щелкунов М. Д. Государство и университет: модернизация по-русски // Вестник ТИСБИ. 2012. № 2. С. 8–17.
16. Юрина Е. А., Гулиус Н. С. Трансформация корпоративной культуры университета: социологические и лингвистические методы диагностики // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Том 21. № 2 (108). С. 106–121.

17. Boguslavskii M. V., Lelchitskii I. D. Modern development strategies of the Russian education in the conditions of the information society. *SHS Web of Conferences*. 2016, vol. 29, 5 p. doi:10.1051/shsconf/20162901010
18. Fedulin A. A., Sakharchuk E. S., Ilkevich S. V. Moscow regional education cluster in tourism and services: a new sustainable development paradigm. *World Applied Sciences Journal*. 2014, vol. 30, no. 30, pp. 80–81.
19. Mendoza P., Berger J. B. Academic Capitalism and Academic Culture: a Case Study. *Education Policy Analysis Archives*. 2008, vol. 16, no. 23, pp. 1–24.

References

1. Volkova N. V., Zariyova M. A. Osobennosti organizatsionnoy identifikatsii novykh sotrudnikov v universitetskoj srede [Features of organizational identification of new employees in the University environment]. In: Shabolts A. V., Gurieva S. D., eds. *Psikhologiya XXI veka: psikhologiya kak nauka, iskusstvo i prizvanie : sbornik nauchnykh trudov uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchonykh, v 2 tomakh [Psychology of the XXI century: psychology as a science, an art and a calling. A collection of scientific works of participants of the international scientific conference of young scientists, in two volumes]*. St Petersburg, 2018. Pp. 420–426. (In Russian)
2. Voloshina I. A., Kotlyarova I. O. Razvitiye sistemy korporativnykh tselestey prepodavateley i studentov universiteta v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Development of the system of corporate values of teachers and students of the University in the system of continuing education]. In: *Obrazovanie cherez vsyu zhizn': nepreryvnoye obrazovanie v interesakh ustoychivogo razvitiya : materialy 14-y mezhdunarodnoy konferentsii [Education through life: continuing education for sustainable development proceedings of the 14th international conference]*. St. Petersburg, 2016. Pp. 394–397. (In Russian)
3. Kuznetsov V. V. *Korporativnoye obrazovanie [Corporate education]*. Ekaterinburg, Publishing house of the Russian State Vocational Pedagogical University, 2010. 227 p. (In Russian)
4. Legostaeva I. V. The pedagogical community of a University as a bearer and transmitter of social and cultural values. *Digital scientific magazine "Modern problems of science and education"*. 2016, no 2, p. 230. (In Russian)
5. Oreshkina A. K. Razvitiye obrazovatel'nogo prostranstva sistemy nepreryvnogo obrazovaniya: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Development of the educational space of the system of continuous education: theoretical and methodological aspect]. In: Ivanova S. V., ed. *Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Obrazovatel'noye prostranstvo v informatsionnuyu epokhu" (EEIA-2017) [Collection of scientific papers of the international scientific-practical conference "Educational space in the information age" (EEIA-2017)]*. Moscow, 2017. Pp. 253–258. (In Russian)
6. Pevzner M. N., Graumann O., Petryakov P. A. *Korporativnaya pedagogika [Corporate Pedagogy]*. Veliky Novgorod, Publishing house of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2010. 457 p. (In Russian)
7. Pevzner M. N., Petriakov P. A., Ushanova I. A. Diversity management as a tool of corporate culture of the University. *Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2015, no. 5 (88), pp. 85–88. (In Russian)
8. Prokhorov A. V. New academic values of higher education. *Gaudeamus*. 2012, no. 1 (19), p. 25. (In Russian)
9. Sakharchuk E. S. *Analiz zarubezhnykh modeley podgotovki kadrov dlya sfery turizma [Analysis of foreign models of personnel training for tourism]*. Moscow, Publishing house "Ruscience", 2016. 162 p. (In Russian)
10. Borisova O. N., ets. *Sotsial'nyy rabotnik kak lichnost' i professional: kompetentnostnaya versiya [Social worker as a person and a professional: competency version]*. Tver, Publishing house of the Tver State University, 2015. 164 p. (In Russian)
11. Trotsuk I. V., Sukhoverova D. V. Corporate Culture as a Tool for Improving University's Competitiveness. *Vysshee obrazovanie v Rossii= Higher Education in Russia*. 2018, vol. 27, no. 11, pp. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-44-54> (In Russian)
12. Fedulin A. A., Sakharchuk E. S., Lebedeva O. E. Organizational aspects of professional skills improvement in tourism. *Actual problems of economics*. 2015, no. 4 (166), pp. 332–335. (In Russian)
13. Frantz A. S. University corporate culture. *University management: practice and analysis*. 2006, no. 2 (42), pp. 26–30. (In Russian)

14. Chernysheva T. L. Particularities of organizational culture of a flagship university. *Culture & Civilization*. 2018, vol. 12, no. 1, pp. 123–124. (In Russian)
15. Shelkunov M. D. State and University: Russian Modernization. *Tisbi Bulletin*. 2012, no. 2, pp. 8–17. (In Russian)
16. Yurina E. A., Gulius N. S. University corporate culture transformation: sociological and linguistics diagnosis methods. *University management: practice and analysis*. 2017, vol. 21, no. 2 (108), pp. 106–121. (In Russian)
17. Boguslavskii M. V., Lelchitskii I. D. Modern development strategies of the Russian education in the conditions of the information society. *SHS Web of Conferences*. 2016, vol. 29, 5 p. doi:10.1051/shsconf/20162901010 (In English)
18. Fedulin A. A., Sakharchuk E. S., Ilkevich S. V. Moscow regional education cluster in tourism and services: a new sustainable development paradigm. *World Applied Sciences Journal*. 2014, vol. 30, no. 30, pp. 80–81. (In English)
19. Mendoza P., Berger J. B. Academic Capitalism and Academic Culture: a Case Study. *Education Policy Analysis Archives*. 2008, vol. 16, no. 23, pp. 1–24. (In English)

*

ДИАГНОСТИКА

МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

УДК 37.013.43

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10216

Н. В. Серегин

Алтайский государственный институт культуры

Представлены результаты исследования основных подходов к диагностике музыкального образования и воспитания. Проанализированы исследования, связанные с анализом образовательного процесса, воспитания личности музыканта-исполнителя и его культуры. В качестве важнейших составляющих для диагностики исследованы варианты контроля освоения образовательных программ, соответствия знаний, умений, владений музыканта, оценочные показатели, фактические данные музыкально-исполнительского процесса и составляющих его гностических качеств, перспективы включения в мониторинговый процесс самого музыканта-исполнителя. Конкретизированы показатели изучения, диагностики и прогнозирования учебного процесса, а также результатов обучения, являющиеся основой для принятия педагогических решений. Представлены возможности научно-исследовательской составляющей реализации федеральных образовательных стандартов.

Ключевые слова: диагностика, прогнозирование, эффективность, саморазвитие личности музыканта, научно-исследовательская сущность музыкально-педагогического процесса.

N. V. Seregin

Altay State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Yurina str., 277, 656055, Barnaul, Altaysky Region, Russian Federation

DIAGNOSIS OF A MUSICAL-PEDAGOGICAL PROCESS

The results of the study of the main approaches to the diagnosis of music education and upbringing are presented. The researches connected with the analysis of educational process, education of the personality of the musician-performer and his culture are analyzed. As the most important components for the diagnosis, the variants of control over the development of educational programs, the correspondence of knowledge, skills, possession of the musician, evaluation indicators, the actual data of the musical and performing process and its Gnostic qualities, the prospects for inclusion in the monitoring process of the musician-performer are studied. Specific indicators for the study, diagnosis and forecasting of the educational process and learning outcomes as a basis for making pedagogical decisions. The possibilities of the research component of the implementation of Federal educational standards are presented.

Keywords: diagnosis, prognosis, efficacy, self-identity of the musician, the research entity musical-pedagogical process.

СЕРЕГИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования музыкального факультета Алтайского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ORCID: 0000-0002-5695-7157

SEREGIN NIKOLAY VASILYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Folk Instruments and Orchestral Conducting, the Faculty of Music, the Altai State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation, ORCID: 0000-0002-5695-7157

e-mail: SereginNV@yandex.ru
© Серегин Н. В., 2019

Для цитирования: Серегин Н. В. Диагностика музыкально-педагогического процесса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 176–184.
DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10216

Успешность музыкально-педагогической деятельности определяется музыкально-исполнительскими результатами, которые представляют не какие-либо отдельные способности, а их сочетание, сформированное своеобразным взаимодействием всего, что наработано самим обучающимся под воздействием обучающихся и благодаря специфической организации инструментария, его учебно-методического наполнения.

Личность каждого музыканта, его исполнительские возможности отражают совокупность профессионально важных качеств. В связи с этим недостаточной видится диагностика отдельных музыкальных способностей при организации и проведении музыкально-педагогического процесса. Для оптимальной диагностики важно определить возможности и перспективы сочетания способностей, выходящих на профессионально важные качества музыканта.

Поскольку музыкальная деятельность как профессиональное направление основывается на ряде профессионально важных качеств, постольку эти совокупности музыкальных способностей формируют профессиональную пригодность – сложное синтетическое образование личности, в основе которого лежат закреплённые в наследственном аппарате будущего музыканта предпосылки для развития его профессионализма. Они проявляются в виде задатков к общей одарённости, развивающих специальные способности, входящие в профессионально важные качества, которые пронизывают друг друга, взаимодействуют и развивают общую одарённость, которая находит своё отражение в специальных музыкальных способностях.

Диагностика профессионально важных музыкальных качеств исходит из индивидуальной характеристики познавательных психических процессов личности. Соответственно, результаты диагностики обучающихся музыкантов зависят не столько от врождённых задатков, сколько от их развития, от формирующихся способностей, от возможностей музыканта развивать и совершенствовать их совокупность в профессиональные качества. Природные задатки, разумеется, могут служить базовыми компонентами способностей, либо включаться в их состав при соответствующем психолого-педагогическом комплексе развития. Но при создании специальных музыкально-педагогических условий они попадают в зависимость от профессиональной направленности образовательно-воспитательного процесса.

Основой для построения эффективного, профессионально наполненного музыкально-образовательного процесса может служить скрупулёзно выстроенная исследовательская работа по совершенствованию исполнительских качеств музыканта. Возможности здесь лежат в планомерном научно-исследовательском и аналитическом построении процесса воспитания постановочно-посадочных компонентов и технологических комплексов культуры музыканта. Важнейшей составляющей для научно-исследовательской работы видится многовариантный анализ самых мельчайших элементов знаний, умений и владений обучающегося музыканта. Такая работа конкретизирует параметры контроля за освоением комплекса профессиональных качеств на микро-, макро- и мегауровне, а не образова-

тельных программ в целом. Выявленные несоответствия при таком анализе служат не простыми, текущими оценочными показателями, но фактическими данными как для корректировки музыкально-образовательного развития исполнителя, так и для включения в тезаурус обучающегося инновационных для традиционного образовательно-воспитательного процесса гностических компонентов и технических качеств. Их выявление происходит в научно-исследовательском процессе, который в определённой мере становится основой диагностики учебного процесса. При этом диагностируются не столько результаты обучения, сколько процесс познания и накопления ресурсной базы, способной стать основой для определения перспективных инновационных педагогических решений.

Сущностные характеристики такой диагностики коренным образом отличаются от традиционной оценочной системы, поскольку основу анализа составляет научно-исследовательская информационная база, формируемая самой сущностью, практикой музыкально-исполнительского и педагогического процессов и надёжными научными источниками.

Основными критериями профессионального соответствия исполнителя в музыкальном образовании становятся качества, конкретизирующие в практической исполнительской деятельности характеристики, соответствующие оценкам профессионального уровня.

Для удобства диагностики мы выделяем основные группы таких качеств. Абсолютно важные для образовательно-воспитательного процесса музыкально-исполнительские качества определяются свойствами, необходимыми для выполнения конкретной музыкальной деятельности на общепринятом уровне. Относительно важные качества

определяются возможностью достижения музыкантом в процессе образования и воспитания высоких показателей мастерства, выходящих за нормативные.

Для исполнительской и музыкально-образовательной деятельности важны мотивационные показатели готовности к её реализации, поскольку высокие оценки не только мотивируют дальнейшее формирование мастерства, но и создают чувствительные условия для творческого вдохновения, расположения к исполнительской и образовательной деятельности, что, в свою очередь, активизирует компенсаторные возможности, а также способны рекультивировать многие качества музыканта.

Мы также выделяем свойства, которые противоречат профессиональному уровню музыкально-исполнительской работы. В то же время структура профессионального музыкально-исполнительского соответствия не может обойтись без так называемых антипрофессиональных качеств. Относительно этих качеств в музыкальной деятельности нами установлено, что их допустимость коррелируется симптомокомплексами субъективных свойств, специфически проявляющихся в конкретных ситуациях.

В процессе освоения музыкальной деятельности обучающиеся формируют специфические подсистемы качеств, которые обеспечивают условия выполнения каждого очередного этапа профессиональной деятельности. Система профессиональных качеств также дополняется формированием векторной направленности мотивации: целеполагания, планирования – переработки музыкальной и технологической информации, моделирования – принятия решений – проверки результатов – коррекции действий.

Во всех видах музыкальной деятельности мы считаем важным определять те лич-

ностные и профессиональные качества, которые призваны отвечать:

- за отношение к музыкальному материалу;
- за его исполнение;
- за восприятие и переработку выявленных исполнителем деталей.

В связи с этим нами выделяются качества исполнения и качества информации.

Важные для профессиональной деятельности музыканта качества определяются нами как индивидуальные свойства субъекта музыкальной деятельности, которые необходимы и достаточны для реализации конкретного музыкально-исполнительского и образовательно-воспитательного процесса на нормативно заданном уровне. Соответствие нормативным показателям коррелируется мониторингом учебного процесса, где результаты и качество обучения рассматриваются сегодня с различных позиций. Чаще всего он представляется уровнем эффективности информации для динамичного развития управления профессиональной деятельностью [3, с. 12].

При уточнении научно-исследовательской сущности педагогического процесса мониторинговые характеристики представляются систематизированной диагностикой качественно-количественных показателей эффективности конкретных функций, процессов, перспектив и тенденций динамичного развития образовательных организаций и систем. Они включают разделы целеполагания, формообразования, дидактики, а также методические рекомендации, конкретизирующие содержание технических средств, условий и результатов образовательно-воспитательного процесса, включающие разделы и задания для самостоятельной подготовки обучающихся и обучающихся по всем возможным для выявления уровням и показателям [2].

В методическом сопровождении конкретизируются временные, инновационные и управленческие показатели мониторинговых характеристик, которые коррелируются с особенностями соответствующих диагностических показателей и наблюдений. Длительность диагностики способствует объективации и одновременно выявлению более детальных качественных характеристик предмета педагогической деятельности, её новизны. Кроме того, ярче высвечивается цель информирования, варианты преемственности показателей и влияние на межпредметные связи, а в конечном счёте – показатели для принятия не просто новых, но эффективных решений [4].

Конкретизируя содержание мониторинга, исследователи выявляют процессуальные основания непрерывности научно обоснованного прогноза. Диагностика отслеживания состояния, развития и перспектив педагогического процесса формирует условия постоянной систематизации и оптимизации построения дальнейших целей, задач и средств их решения [1]. Они, в свою очередь, конкретизируют содержание диагностики, оценки и прогнозирования педагогического наполнения личностных и профессиональных возможностей обучения и воспитания [8].

В проводимом нами лонгитюдном исследовании проявляется важность конкретизации системообразующих признаков диагностики взаимодействия и взаимообусловленности процессов музыкального исполнительства и педагогики. Для нас, как и для многих исследователей, результативность взаимодействия исполнительства и педагогики очевидно ведёт к необходимости формирования целостности организации на основе диагностируемых сегодня показателей. Большинство выделенных исследователями показателей выходят на важ-

ность включённости самого объекта исследования, обучающегося, в мониторинговый процесс. То есть обозначается перспектива развития самооценки индивида, формирования его субъективного опыта в педагогической системе и в качественных определениях её перспективного содержания. В этом случае исследуемая в процессе диагностики личность участвует и в определении целей педагогической оценки, в исследовании состояния и содержания образовательного процесса. Участники педагогического процесса глубже познают как диагностируемый, так и прогнозируемый материал и корректируют развитие не только исследуемого объекта, но прогрессируют как профессионалы. При этом особо подчёркивается важность систематичного и непрерывного, научно обоснованного построения педагогической диагностики, постоянного использования её результатов для повышения эффективности руководства образовательно-воспитательным процессом [5].

Целенаправленная организация музыкального образования и воспитания в целях обеспечения взаимодействия исполнительских и психолого-педагогических качеств развивает обучающихся в плане организации своей физики, психики, разума на основе конкретизации формирующихся у них способностей. Любая деталь музыкально-образовательной деятельности востребует у них целый ряд элементов из этих трёх важнейших составляющих деятельности человека. Однако для востребования в своей профессиональной деятельности конкретных способностей и определения их места в профессионально важных качествах их нужно диагностировать с точки зрения той или иной направленности профессии музыканта.

Важно также сформировать прогноз возможностей функционирования профес-

сионально важных качеств в конкретных условиях, инструментальных средствах и личностных психофизических обстоятельствах. В связи с этим мы отметим необходимость уточнения исходных параметров диагностики, прогнозирования и мониторинга в музыкально-педагогическом процессе [6].

Диагностика музыкально-педагогического процесса должна основываться на воспитании способностей распознавать, исследовать, а значит, понимать процесс и содержание диагностики. Постановка оценки на основе исполненного музыкального материала не раскрывает в полной мере аспекты развития музыканта, особенно в плане его общекультурной образованности, а значит, общепрофессиональной направленности обучающегося.

В реальной практике музыкально-педагогическая диагностика включает процесс формирования информационной базы, системы динамичного отражения в фонде оценочных средств всех корректировок учебно-воспитательного и художественно-творческого процесса. Здесь важны данные самих обучающихся, постоянно действующая коллегиальная коммуникация, при которой выявляются более мелкие сущности и особенности в содержании музыкальной деятельности, которые конкретизируют диагностику. Любая конкретизация влияет на уровень образовательно-воспитательного процесса, на уровень развития обучающегося, коллектива преподавателей и работодателей, на содержание характеристик качественных показателей личности, её технической, образно-эмоциональной оснащённости, репертуар и т.п. Диагностика становится перспективой реализации и корректировки функционирования методического наполнения учебно-воспитательного процесса, которая в определённой мере контролирует внесение изменений в музыкально-испол-

нительский и музыкально-образовательный контекст учебного плана.

Музыкально-педагогическая диагностика основывается на содержании научно-исследовательского процесса. Он определяет конкретные задачи диагностики, коррелирует векторную направленность музыкально-исполнительской, педагогической деятельности, содержание различных стадий работы с детьми, студентами, музыкантами, формирует представление о перспективных линиях дальнейшей диагностики. В процессе научно-исследовательской работы анализируются, обосновываются и обобщаются результаты диагностики, формируются представления, подводящие итоги какого-то периода жизнедеятельности педагога, коллектива, личности музыканта, конкретизируются перспективные музыкально-исполнительские задачи. Постоянно функционирующая диагностика помогает отследить, реализовать и сохранить жизненно важные традиции, содержание которых благотворно повлияло на ход музыкально-педагогической подготовки исполнителя, на процесс формирования и развития его профессионально важных качеств.

Музыкально-педагогическая диагностика также позволяет собрать информацию о субъекте музыкально-исполнительского и образовательного процесса, сформировать из полученной информации сравнительные характеристики, обозначить вопросы их несовпадения. Исследовательская база позволяет знакомить обучающихся с информацией, собранной в схожих обстоятельствах функционирования и диагностики. Большинство обучающихся уже этим обстоятельством вовлекается в процесс исследования диагностируемого объекта и предмета. Рано или поздно процесс самоидентификации, свойственный любому развивающемуся организму, приводит обучаю-

щегося к пониманию важности научно-исследовательской составляющей учебного процесса и определению собственной темы исследования.

Отбирая различные варианты научно-исследовательской тематики, обучающийся различного рода аналитической информацией и способами конкретизации существенных характеристик объекта и предмета исследования развивает собственные диагностические навыки. Происходит формирование навыков конкретизации проблемы, цели, задач исследования и, соответственно, продукта диагностики его содержания. Выявляются причинно-следственные связи образования профессиональных и антипрофессиональных качеств, более или менее удачных вариантов их диагностики. Развиваются навыки самообразования не просто обучающегося, но исследователя. Соответственно, раскрывается смысл работы над курсовыми и выпускными квалификационными работами, понимание возможности исследования собственных проблем, а также вариантов их решения, уточняющих и объясняющих возникающие функциональные отклонения в музыкально-исполнительской и образовательно-воспитательной деятельности. Педагогический процесс активизируется уровнем мыслительной деятельности, анализирующим все элементы системы образования и воспитания музыканта. Индивидуальные особенности обучающегося, его исполнительские и психолого-педагогические качества конкретизируют не только результаты диагностики, но также способы и формы доведения их до сведения самих обучающихся (их родителей, других педагогов). Формируемая мониторинговая система должна соблюдать нормы организации исследовательской деятельности и соответствия диагностируемым показателям содержательных компонентов диа-

гностики, а также их влияния на личность музыканта-исполнителя.

Педагогическая диагностика является основой исследовательской деятельности по выявлению состояний, уточнению изменений, происходящих в качественных характеристиках музыканта, в содержании исполнительских показателей его развития, в чуткости относительно психофизических изменений, их влияния на конкретные результаты профессиональной деятельности.

При организации музыкально-исполнительского и образовательно-воспитательного процессов преподавателями и обучающимися формируется научно-исследовательская перспектива диагностики всего многообразия профессиональной музыкальной деятельности. Такая векторная направленность систематизирует процесс воспитания и самовоспитания музыканта-исполнителя. Личность музыканта включается в процесс формирования диагностических карт, в процесс отслеживания элементов, тормозящих образовательно-воспитательное развитие и совершенствование учебного плана и, шире, системы взаимодействия важнейших образовательно-воспитательных компонентов музыкального исполнительства и педагогики. Сюда мы вслед за многими исследователями включаем психолого-педагогическую диагностику и прогнозирование, научно-исследовательскую и проектировочную деятельность [7].

Психолого-педагогическое содержание диагностики играет важную роль в выявлении и предвидении возможных и вероятных изменений в перспективах развития музыканта-исполнителя. Несомненно, эти показатели оснащают содержание личности музыканта, формируют многовариантность перспективных линий развития его исполнительских качеств, позволяют проектировать варианты и динамические показатели

организации музыкально-педагогического процесса.

При составлении прогноза необходима диагностическая информация о прошлом и настоящем исследуемого объекта и предмета. Она не только насыщает музыкально-педагогическое прогнозирование, но и весьма заинтересовывает обучающуюся, развивающуюся личность, активизирует творчество, которое не терпит пассивности и созерцательности. Исследование вовлекает педагогический коллектив и обучающихся в процесс осмысления творчества, формирует стремление предвидеть результаты совместного труда. Меняется поведение учеников, их музыкально-исполнительские действия и поступки, возникает возможность им самим проектировать траекторию развития способностей и личностных качеств, становятся субъектами учебно-воспитательного процесса.

Диагностика активизирует процесс самовоспитания, который выявляет для самого обучающегося многие законы и принципы, которые стали культурно-исторической составляющей процесса музыкального образования и воспитания. Для музыкального исполнительства и педагогики большое значение имеет активизация предвидения. Оно приобретает или воспитывается у музыканта в процессе диагностики и исследования всего комплекса музыкальных способностей, их включения в содержание профессионально важных качеств, их диагностики и исследования.

Прогнозирование в музыкальной, исполнительской и педагогической работе прежде всего связывают с начальным периодом формирования музыканта. В то же время в этот период продуктивность и перспективность начинающего музыканта на пути его развития в многоаспектном деле музыкального исполнительства и педаго-

тики диагностируется ограниченной оценочной системой. Выпускники средних и высших учебных заведений, оснащённые научно-исследовательскими возможностями диагностики, приобретают перспективу выхода из ограниченной оценочной системы предпрофессионального образования и руководствуются расширенными возможностями диагностики на основе многовекторного прогнозирования перспектив начинающего музыканта. Научно-исследовательская база позволяет педагогу учитывать весь спектр музыкальной деятельности при диагностике музыкально-педагогического процесса.

Многоаспектность музыкально-педагогического целеполагания определяется контекстом исполнительской работы музыканта, которая изучается и коррелируется с научно-исследовательской диагностической базой. Фундаментом здесь служит определение логической формулы коллектива музыкантов-исследователей, которая включает систематическое изучение музыканта с учётом базы закономерностей развития личности, распознавания её внутреннего мира и динамики исполнительских технологий, входящих в контекст профессионально важных качеств. В процессе такой работы сопоставляются разнообразные взаимосвязи, взаимодействия, взаимообусловленности качеств и свойств, приобретаемых обучающимся.

Диагностика музыкально-педагогического процесса не просто соединяет науку с практикой, что является характерной особенностью современной организации учебного процесса. Здесь закладывается потенциал интенсификации, который видится основой соединения науки и музыкально-исполнительского искусства, в результате которого музыкально-исполнительский, научно-исследовательский, психолого-педаго-

гический, творческий виды деятельности в процессе обучения и воспитания музыканта должны занять ведущее место.

Диагностика способствует системному построению процесса обучения и воспитания музыканта только при реально действующих внутри- и межпредметных связях.

В настоящее время педагогические коллективы руководствуются тремя основными требованиями к учебно-воспитательному процессу:

- чётко определять качественные и количественные показатели знаний, умений, навыков, обязательных для овладения обучающимися соответствующим компетенциям;
- заранее планировать внутри- и межпредметные связи в учебном процессе;
- наиболее продуктивно использовать время, отведённое на дисциплины учебного плана.

Эффективному внедрению этих положений в практику способствует фиксирование учебных задач в определённом логическом построении, в сжатой алгоритмизированной форме. При этом главным является бережное сохранение традиций, сложившихся в музыкальном исполнительстве и образовании, опора на научные знания и практический опыт, накопленные в области музыкальной педагогики. Диагностика определяет функционально важные для музыкально-исполнительского и педагогического процесса параметры фиксации и алгоритмизации.

Алгоритмизированная модель дисциплины представляет собой разработанный по единой форме комплекс учебных задач определённой дисциплины, изложенных в фиксированной последовательности. Основой для её реализации служат диагностические карты, фиксирующие точность соответствия федеральным образователь-

ным стандартам, функционирующим образовательным программам и учебным планам [7].

Учебно-научные коллективы формируют детальную разработку всего комплекса знаний, умений, владений по каждой дисциплине, а главное, представляют раз-

вёртку их освоения во времени. Основой объективизации программно-методического обеспечения новых федеральных образовательных стандартов является диагностика музыкально-педагогического процесса и составление на её основе фондов оценочных средств.

Примечания

1. Болотов В. А. Оценка качества образования. Ретроспективы и перспективы // Управление школой. 2012. № 5. С. 9–11.
2. Евдокимова О. В. Педагогический мониторинг образовательного процесса как фактор совершенствования общеобразовательного учреждения : диссертация на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Евдокимова Ольга Владимировна. Пенза, 2009. 184 с.
3. Майоров А. Н. Мониторинг в образовании. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Интеллект-центр, 2005. 424 с.
4. Орлов А. А. Мониторинг инновационных процессов в образовании // Педагогика. 1996. № 3. С. 9–15.
5. Подковко Е. Н. Личностно ориентированная технология формирования профессиональной компетентности у будущих учителей // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена : Аспирантские тетради. 2008. № 27 (61). С. 448–450.
6. Серегин Н. В. Музыкальная педагогика и психология : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного института культуры, 2017. 179 с.
7. Серегин Н. В. Психодидактика музыкальной деятельности : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного института культуры, 2014. 180 с.
8. Стефановская Т. А. Педагогика: наука и искусство : курс лекций Москва : Совершенство, 1998. 368 с.

References

1. Bolotov V. A. Otsenka kachestva obrazovaniya. Retrospektivy i perspektivy [Assessment of the quality of education. Retrospectives and perspectives]. *Upravlenie shkoly [The running of the school]*. 2012, no. 5, pp. 9–11. (In Russian)
2. Evdokimova O. V. *Pedagogicheskiy monitoring obrazovatel'nogo protsessa kak faktor sovershenstvovaniya obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical monitoring of educational process as a factor of improvement of educational institution. Cand. ped. sci. diss.]*. Penza, 2009. 184 p. (In Russian)
3. Mayorov A. N. *Monitoring v obrazovanii [Monitoring in education]*. 3rd edition. Moscow, Publishing house "Intellekt-Centr", 2005. 424 p. (In Russian)
4. Orlov A. A. Monitoring innovatsionnykh protsessov v obrazovanii [Monitoring of innovative processes in education]. *Pedagogika [Pedagogy]*. 1996, no. 3, pp. 9–15. (In Russian)
5. Podkovko E. N. Lichnostno orientirovannaya tekhnologiya formirovaniya professional'noy kompetentnosti u budushchikh uchiteley [Personally oriented technology of professional competence formation in future teachers]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science. Postgraduate Notebooks*. 2008, no. 27 (61), pp. 448–450. (In Russian)
6. Seregin N. V. *Muzikal'naya pedagogika i psikhologiya [Music pedagogy and psychology]*. Barnaul, Publishing house of the Altay State Institute of Culture, 2017. 179 p. (In Russian)
7. Seregin N. V. *Psikhodidaktika muzykal'noy deyatel'nosti [Psychodidactics of musical activity]*. Barnaul, Publishing house of the Altay State Institute of Culture, 2014. 180 p. (In Russian)
8. Stefanovskaya T. A. *Pedagogika: nauka i iskusstvo [Pedagogy: science and art]*. Moscow, Publishing house "Sovershenstvo", 1998. 368 p. (In Russian)

*

РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛАБОСЛЫШАЩИХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.037

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10217

Т. Н. Новожилова

Самарский государственный институт культуры

В статье обозначены альтернативные подходы к образованию лиц с ограниченными возможностями здоровья. Раскрываются проблемы организационного, социально-психологического, профессионально-личностного и учебного характера в рамках современного инклюзивного образования. Среди перечисленных проблем современной инклюзивной образовательной практики выделяются трудности учебного характера. Автор статьи актуализирует их психологическое содержание, утверждая, что качество профессиональной подготовки будущего специалиста во многом определяется восприятием и переработкой учебно-профессиональной информации. Обосновывается необходимость реализации герменевтически ориентированного обучения в профессиональной подготовке слабослышащих и глухих студентов. Рассматривается феномен понимания не только как универсальной человеческой характеристики, но и как проблемы и категории педагогической психологии. Раскрываются особенности познавательных процессов слабослышащих и глухих студентов. Обосновывается необходимость развития когнитивной компетенции студентов как для их профессионального, так и личностного развития. В связи с этим доказывается необходимость дидактической работы преподавателя высшей школы в рамках инклюзивного педагогического процесса над развитием когнитивной компетенции у студентов с ограниченными возможностями здоровья. Приводятся результаты анализа пилотажного исследования, направленного на рефлексию студентов о характере их учебных трудностей. Автор делится опытом собственной педагогической практики, раскрывая процедуру использования некоторых педагогических технологий, направленных на развитие когнитивной компетенции слабослышащих и глухих студентов.

Ключевые слова: инклюзивное образование, когнитивная компетенция, понимание, познавательные процессы слабослышащих студентов, образовательные технологии.

T. N. Novozhilova

Samara State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Frunze str., 167, 443011, Samara, Samara Region, Russian Federation

DEVELOPMENT OF COGNITIVE COMPETENCE OF HEARING IMPAIRED STUDENTS IN INCLUSIVE EDUCATION

The article identifies alternative approaches to education of persons with disabilities. The problems of organizational, socio-psychological, professional-personal and educational nature in the framework of modern inclusive education are revealed. Among the listed problems of modern inclusive educational

НОВОЖИЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических и информационных технологий Самарского государственного института культуры

NOVOZHILOVA TATYANA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Pedagogical and Information Technologies, the Samara State Institute of Culture

e-mail: tatini24@mail.ru
© Новожилова Т. Н., 2019

practice there are difficulties of professional and personal, educational nature. The author of the article actualizes their psychological content, arguing that the quality of professional training of the future specialist is largely determined by the perception and processing of educational and professional information. The necessity of implementation hermeneutically – based learning in professional training of deaf and hearing-impaired students. The phenomenon of understanding is considered not only as a universal human characteristic, but also as a category and problem of pedagogical psychology. The features of cognitive processes of hard of hearing and deaf students are revealed. The necessity of development of cognitive competence of students both for their professional and personal development is proved. In this regard, the necessity of didactic work of a higher school teacher in the framework of an inclusive pedagogical process on the development of cognitive competence of students with disabilities is proved. The results of the analysis of the pilot study aimed at students' reflection on the nature of their educational difficulties are presented. The author shares the experience of his own pedagogical practice, revealing the procedure of using some pedagogical technologies aimed at the development of cognitive competence of hard of hearing and deaf students.

Keywords: inclusive education, cognitive competence, understanding, hearing impaired students, educational technologies.

Для цитирования: Новожилова Т. Н. Развитие когнитивной компетенции слабослышащих студентов в условиях инклюзивного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 185–192. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10217

Одним из актуальных социальных проектов современной России является инклюзивное образование, которое выступает гуманной альтернативой специальному образованию.

Современная образовательная парадигма отрицает медицинскую модель подхода к обучающему с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) как к больному, нуждающемуся в лечении, а значит, специальном обучении, и предполагает иную, социально-ориентированную модель, при которой образовательное учреждение следует приспособить, подстроить к особым образовательным потребностям и компенсаторным возможностям ребёнка с ОВЗ.

Безусловно, реализация этого масштабного социально приоритетного проекта связана со значительными трудностями в создании безбарьерной среды в самом широком смысле слова. Безбарьерная среда как условие, обеспечивающее доступ к образованию лиц с инвалидностью и ОВЗ, имеет разные аспекты: организационный, социально-психологический, профессионально-личностный, учебный.

Трудности организационного характера связаны с достаточно большими материальными вложениями и внесением изменений в архитектуру старых зданий: наличие пандусов, оборудованные в соответствии с нормативом медико-санитарные места, оборудованные специальной аппаратурой кабинеты, расширение штатного состава за счёт тьюторов, сурдопереводчиков, психологов, социальных педагогов.

Барьеры социально-психологического характера связаны с пока ещё циркулирующими в нашем обществе стереотипами. С одной стороны, это неготовность общества осознать необходимость включения инвалидов и лиц с ОВЗ в социальный контекст жизни и образования (не все родители детей в норме довольны совместным инклюзивным обучением), с другой стороны, это социальные ожидания обучающихся с ОВЗ и их родителей, которые зачастую занимают малопродуктивную и даже иждивенческую позицию.

Барьеры профессионально-личностного порядка означают психологическую и ме-

тодическую неготовность преподавателей к обучению лиц с ОВЗ.

Наконец, барьеры учебного характера, которые связаны с внутренними, субъективными факторами обучающихся.

Психологическая и методическая готовность преподавателей – одна из ключевых проблем организации инклюзивного образования. Решение её имеет несколько векторов: создание адаптированных образовательных программ, разработка индивидуального образовательного маршрута обучающегося, отбор необходимых и адекватных целеполаганию дидактических средств на основе учёта не только нозологии обучающихся, но и их индивидуальных особенностей.

В основе инклюзивного образовательного процесса лежат следующие принципы, которые в целом являются общими для всего образования: гуманизации, учёта индивидуальных особенностей обучающихся, опоры на сильные стороны учащегося, доступности.

Перечень этих и других принципов логично дополнить принципом герменевтически ориентированного обучения, который, на наш взгляд, является базовым, определяющим содержание образовательной деятельности. Ведь трудности организационного, социально-психологического характера, обозначенные выше, несмотря на то, что они носят типичный характер, в процессе становления инклюзивного образования неизбежно так или иначе будут устранены. Есть трудности, которые имеют более глубокий характер по существу и долгосрочный по факту их преодоления.

Поскольку особое значение имеет учебный и профессиональный барьеры, актуализируется их психологическое содержание, в котором ведущую роль играет проблема восприятия и переработки учебно-профес-

сиональной информации, непосредственно связанная с феноменом понимания.

Понимание как научная проблема представляет собой очень многослойное и архисложное явление. Г. Гадамер подчёркивал, что понимание – это вообще основное, что необходимо человеку в жизни для постижения самого себя, достижения внутренней гармонии, для расширения границ собственной духовности и т.д. [2]. Понимание также рассматривается и с позиции познавательного подхода, который реализует попытку учёных исследовать: что есть понимание, какова его сущность и логика, какие условия и средства могут обеспечить и оптимизировать процесс понимания.

С позиции психологической герменевтики понимание определяется как исходный феномен мышления. «Мыслить человек начинает тогда, когда у него появляется потребность что-то понять» [7, с. 25]. Эта формула С. Л. Рубинштейна аксиоматична. Понимание – это особый механизм познавательной деятельности, позволяющий включить знание в полифоническую структуру внутреннего мира человека, регулировать его поведение. Большое влияние на процесс понимания оказывает аксиосфера индивида. Человек стремится глубже понять то, что для него имеет значимость.

Педагогическая психология также занимается вопросами, связанными с теорией и методикой формирования учебных действий, направленных на понимание. Достижения исследователей в этой научной отрасли (П. Я. Гальперин, Н. А. Менчинская, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина, И. А. Зимняя, Д. Б. Эльконин и другие) с успехом можно использовать в педагогическом процессе высшей школы.

Значимость понимания студентами понятийного аппарата научной дисциплины, всевозможных учебных текстов, адекватно-

сти отбора способов и средств учебной деятельности и т.д. трудно переоценить. В рамках компетентностного подхода проблема понимания углубляется тем, что студенту необходимо быть не просто агентом определённой суммы знаний и комплекса умений. Ему предстоит использовать свой учебный багаж в стремительно изменяющемся мире, уметь ставить новые цели и отбирать адекватные этим целям средства, быть готовым к новым профессиональным вызовам и социальным запросам.

Особое значение реализация герменевтически ориентированного обучения приобретает в инклюзивном образовательном процессе, особенно при работе с глухими и слабослышащими студентами. Обучающиеся с такой нозологией имеют ряд особенностей в протекании психических процессов, связанных с тем, что основная информационная нагрузка у таких студентов ложится на зрение и зрительный анализатор. Это обстоятельство следует учитывать при подготовке дидактического материала для работы со слабослышащими и глухими обучающимися.

В психологии установлено, что восприятие как синтез ощущений является завершённым процессом, если субъект воспринимаемое может определить вербально, обозначив существенные признаки объекта, явления. Очевидно, что речевое недоразвитие слабослышащих студентов оказывает существенное влияние на развитие мышления. Восприятие посредством считывания информации с губ требует большого сосредоточения на артикуляции говорящего, а значит, крайнее напряжение внимания ведёт к быстрому утомлению и потере устойчивости внимания, что становится причиной значительного снижения темпа и качества учебной деятельности. Запоминание у слабослышащих также имеет особенности: оно

в большей степени, чем у слышащих, опосредовано соотношением нового материала с тем, который был усвоен ранее.

Исследователями в области дефектологии установлено, что у лиц с поражением слуха письменная речь преобладает над разговорной, соответственно, наглядно-образное мышление – над словесно-логическим. Полноценное наглядно-образное мышление служит основой формирования словесно-логического. Однако, как правило, словесно-логическое мышление у слабослышащих развивается позже по сравнению с нормой. Из-за таких особенностей когнитивной сферы может замедляться развитие мыслительных операций анализа, синтеза, абстрагирования [9, с. 89–92].

Для расширения представлений о трудностях учебной деятельности слабослышащих студентов, важно получить обратную связь.

С этой целью нами проводилось пилотажное исследование в группе глухих и слабослышащих Самарского государственного национального университета имени С. П. Королева по направлению подготовки 44.03.02 – Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология и педагогика инклюзивного образования». Выборка составила 20 обучающихся с нарушением слуха. Был использован опросник, направленный на выявление трудностей, возникающих в обучении у студентов с этой нозологией. Так, 100% респондентов ответили, что они не испытывают проблем в общении с преподавателем и однокурсниками, зато испытывают большие трудности с восприятием и переработкой учебной информации. Из числа студентов 20% опрошенных отметили, что им сложно воспроизводить письменный текст; 70% – испытывают значительные затруднения в понимании новых терминов. Обращает на себя внимание тот

факт, что 100% опрошенных заявили о трудностях в понимании смысла текста и его последующем вербальном воспроизведении и интерпретации.

Профессиональный опыт автора статьи показывает, что проблема недостаточного или низкого уровня понимания смысла понятий, текстов является одной из острых для всех студентов, а не только для студентов с ОВЗ. Решение этой проблемы связано с формированием и развитием у обучающихся всех категорий когнитивной компетенции.

Эта проблема рассматривалась в трудах Ю. Борисовой, Е. Вязовой, В. Гинецинского, И. Зимней, М. Холодной и других [4, с. 34–44].

А. Гилев пишет, что когнитивные компетенции проявляются в процессе познавательной деятельности, связанной с обработкой информации для достижения определённой цели. Они характеризуют степень эффективности познавательных процессов: восприятия, памяти, мышления, воображения, а также процессов переработки и осмысления информации, решения проблем и задач, передачи результатов решения. Структура кластера когнитивных компетенций отражает структуру познавательной деятельности и этапы решения познавательных задач [3, с. 27–31].

Итак, когнитивная компетенция является базовой, так как обеспечивает не только успешность реализации познавательных процессов, но и способность оперировать знаниями, осуществлять поиск нового знания и включать его в контекст имеющегося знания, использовать его для образования личностных смыслов. Владение когнитивной компетенцией предполагает овладение логической, методологической и общеучебной деятельностью, соотнесённой с реальными познаваемыми объектами [3]. Когни-

тивная компетенция позволяет обеспечить не только умение решать предметно-ориентированные задачи, но и осуществлять глубокую рефлексию.

Исследователи, изучающие проблему развития мышления, подчёркивают важность отслеживания понимания при работе над изучаемым материалом. «Хорошие учащиеся отслеживают своё понимание, встречаясь с новой информацией, хорошие читатели перечитывают кусок текста в том случае, если они перестали его понимать. Хорошие слушатели, воспринимая сообщение, обычно задают вопросы или записывают, что они не поняли, для прояснения в будущем» [5, с. 57]. Это положение следует интерпретировать, исходя из представлений о репродуктивных типах работы обучающихся. Причём индикация компетенций предполагает признание наличия базового уровня, если обучающийся воспроизводит требуемый материал. А вместе с тем понимание предполагает умение включать идеи в собственный контекст личностных знаний, использовать их в смежных (или отдалённых) областях знаний или собственной реальной жизни. Если этого не происходит, тогда воспроизведение не имеет ничего общего с пониманием.

Развитие понимания делает возможным отбор средств, необходимых для создания внутренней положительной мотивации и выполнения адекватных поставленным задачам учебных действий, сопряжённых со смысловым пониманием учебной информации.

Для первой группы средств эффективными являются методы стимулирования и обращения к ценностям обучающихся. Во вторую группу средств входят технологии и дидактические приёмы, направленные на работу с целеполаганием, постановкой проблемных вопросов и поиском ответов на

них, анализом сущностных характеристик изучаемого явления, на вычленение главного и второстепенного, существенного и дополнительного.

Хороший образовательный эффект даёт такая технология, как работа над составлением структурно-логической схемы понятия (СЛС). Технологическая процедура: 1) отобрать несколько определений ключевого понятия и выбрать то, которое подлежит структурированию; 2) аргументировать свой выбор; 3) составить СЛС; 4) вербализовать созданную СЛС.

В группу современных образовательных практик, стимулирующих развитие когнитивной компетенции и одновременно обладающих обучающим и контролирующим эффектом, следует отнести дидактический синквейн, который представляет собой короткое нерифмованное стихотворение из пяти строк. Синквейн был придуман в начале XX века Аделаидой Крэпси – американской поэтессой, которая создала форму пятистрочного стихотворения, будучи вдохновлённой японскими хайку и танка, основанными на подсчёте слогов в каждой строке. Разновидностью синквейна является дидактический синквейн. Его отличие от всех других видов синквейна в том, что он основан не на подсчёте слогов, а на смысловой заданности каждой строчки [10].

Классический (строгий) дидактический синквейн строится так:

первая строка – тема синквейна, одно слово, существительное или местоимение;

вторая строка – два прилагательных или причастия, которые описывают свойства темы;

третья строка – три глагола или деепричастия, рассказывающие о действиях темы;

четвёртая строка – предложение из четырёх слов, выражающее личное отношение автора синквейна к теме;

пятая строка – одно слово (любая часть речи), выражающее суть темы; своего рода резюме [10].

В итоге получается лаконичное нерифмованное построение, которое может быть посвящено любой теме.

Вот некоторые примеры дидактического синквейна, созданного в рамках работы по теме «Педагогика как наука и искусство».

1. Искусство

Искреннее, глубокое

Помогает, воодушевляет,

восхищает, вызывает благоговение

Трогает сердце и очищает душу

Тайна

2. Традиции, обряды

Древние, общенародные

Воспитывают, передают опыт,

оздоравливают дух, объединяют

Творят благо

Достояние

Преподаватель предлагает студентам работу в группе или по парам с целью анализа синквейнов. Выбираются лучшие образцы с точки зрения передачи смысла понятия.

Отметим преимущества синквейна как педагогической технологии:

- увлекательное занятие, не требующее специальных литературных знаний;

- освоенная форма синквейна аккумулирует личностное знание студента по той или иной проблеме;

- создание синквейна требует от автора глубокой рефлексии сути вопроса;

- анализ содержания синквейна обладает одновременно и обучающим, и контролирующим эффектом, так как позволяет преподавателю (сокурсникам) оценить глубину понимания темы (понятия) автором.

Таким образом, принцип герменевтически ориентированного обучения, направленный на развитие когнитивной компетенции слабослышащих и глухих, предполагает учёт особенностей когнитивной сферы

слабослышащих и глухих студентов, а также отбор особых дидактических технологий, позволяющих оптимизировать познавательный потенциал студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Примечания

1. Богданова Е. В. Когнитивный компонент инклюзивной компетентности студентов в информационно-образовательной среде вуза // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции / гл. ред. С. В. Алехина. Москва : МГППУ, 2017. С. 266–271.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. Москва : Прогресс, 1988. 700 с.
3. Гилев А. А. Структура кластера когнитивных компетенций // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2010. № 4 (13). С. 27–31.
4. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–44.
5. Новожилова Т. Н., Медведева Т. В. Основы аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студента : учебно-методическое пособие. Самара : СГИК, 2016. 84 с.
6. Новожилова Т. Н. Студент как субъект профессионального саморазвития : монография. Самара : Издательство СНИЦ РАН, 2008. 128 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / [послел. К. А. Абдулхановой-Славской, А. В. Брушлинского]. Санкт-Петербург : ПИТЕР, 1998. 705 с.
8. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Москва : АСТ, 1998. 167 с.
9. Солнцева В. А., Быкова Т. В. Психологические особенности лиц с нарушениями слуха (слабослышащих) // Справочник по организации и проведению профориентационной работы. Москва : ООО «Центр новых технологий», 2012. С. 89–92.
10. Что такое синквейн и как его составить [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-914060-chto-takoe-sinkveyn-i-kak-ego-sostavlyat#ixzz4g576N6ef>

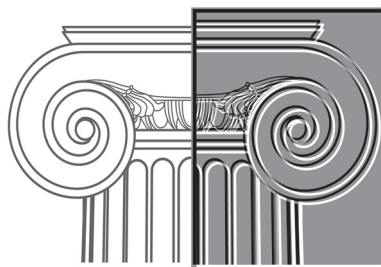
References

1. Bogdanova E. V. Kognitivnyy komponent inkluzivnoy kompetentnosti studentov v informatsionno-obrazovatel'noy srede vuza [Cognitive component of the inclusive competence of students in the information-educational environment of the University]. In: Alekhina S. V. *Inkluzivnoe obrazovanie: preyemstvennost' inkluzivnoy kul'tury i praktiki. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Inclusive education: continuity of inclusive culture and practice. A collection of materials of the VI International Scientific Practical Conference]. Moscow, Publishing house of the MSPPU, 2017. Pp. 266–271. (In Russian)
2. Gadamer Hans-Georg *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik* (In Rus. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneyvtiki* [Truth and Method. Basics of Philosophical Hermeneutics]. Moscow, Progress Publishers, 1988. 700 p.) (In Russian)
3. Gilev A. A. The structure of cognitive competence cluster. *Vestnik of Samara State Technical University. The Series: Psychology and Pedagogy*. 2010, no. 4 (13), pp. 27–31. (In Russian)
4. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tatov obrazovaniya [Key Competences – New Paradigm of Education Results]. *Higher Education Today*. 2003, no. 5, pp. 34–44. (In Russian)
5. Novozhilova T. N., Medvedeva T. V. *Osnovy auditornoy i vneauditornoy samostoyatel'noy raboty studenta* [Basics of classroom and out-of-class student independent work]. Samara, Publishing house of the Samara State Institute of Culture, 2016. 84 p. (In Russian)
6. Novozhilova T. N. *Student kak sub'ekt professional'nogo samorazvitiya* [Student as a subject of professional self-development]. Samara, Publisher Samara Scientific Center of RAS, 2008. 128 p. (In Russian)

7. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii [Basics of General Psychology]*. St. Petersburg, PITER Publishing House, 1998. 705 p. (In Russian)
8. Golovin S. Yu., comp. *Slovar' prakticheskogo psikhologa [Dictionary of practical psychology]*. Moscow, Ast Press Publishing House, 1998. 167 p. (In Russian)
9. Solntseva V. A., Bykova T. V. Psikhologicheskie osobennosti lits s narusheniyami slukha (slaboslyshashchikh) [Psychological features of persons with hearing impairment (hearing impaired)]. *Spravochnik po organizatsii i provedenii proforientatsionnoy raboty [Handbook of the organization and conduct of career guidance]*. Moscow, Published by LLC "Center for New Technologies", 2012. Pp. 89–92. (In Russian)
10. *Chto takoe sinkveyn i kak ego sostavit' [What is a blue wine and how to make it]*. Available at: <http://www.kakprosto.ru/kak-914060-cto-takoe-sinkveyn-i-kak-ego-sostavlyat#ixzz4g576N6ef> (In Russian)

*

НОВЫЕ КНИГИ

«**РУССКАЯ АТЛАНТИДА**»
(О КНИГЕ О. Т. ЕРМИШИНА «ФИЛОСОФИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ XX ВЕКА»)

УДК 1(470) (091)

DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10218

Н. И. Герасимов

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Рецензия на книгу: Ермишин О. Т. *Философия русского зарубежья XX века*. Москва : Летний сад ; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 304 с. ISBN 978-5-98856-356-3

Ключевые слова: русское зарубежье, русская философия.

N. I. Gerasimov

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow Department of Culture,
Nizhnyaya Radishchevskaya str., 2, 109240, Moscow, Russian Federation

“RUSSIAN ATLANTIDA” (ABOUT O. T. ERMISHIN’S BOOK
“THE PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ABROAD
OF THE 20TH CENTURY”)

Review of the edition: Ermishin O. T. *Filosofiya russkogo zarubezh'ya XX veka [The philosophy of the Russian abroad of the 20th century]*. Moscow, Publishing house “Letniy sad”, Publishing house of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, 2019. 304 p. ISBN 978-5-98856-356-3

Keywords: Russian abroad, Russian philosophy.

Для цитирования: Герасимов Н. И. «Русская Атлантида» (о книге О. Т. Ермишина «Философия русского зарубежья XX века») // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88). С. 194–198. DOI: 10.24411/1997-0803-2019-10218

Философия русского зарубежья – предмет историко-философского исследования, который лишь внешне кажется прозрачным для современной науки. Существует «скрытая» от взора гуманитарного сообщества проблема: очевидная мысль, что творческая

деятельность философов-эмигрантов хотя и является частью русской философии, но всё же представляет собой самостоятельное явление духовной культуры, либо забывается современными исследователями, либо не кажется им важной. В большинстве на-

ГЕРАСИМОВ НИКОЛАЙ ИГОРЕВИЧ – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

GERASIMOV NIKOLAY IGOREVICH – Ph.D. (Philosophy), Leading Researcher in the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad

e-mail: nickgerasimow@yandex.ru

© Герасимов Н. И., 2019

учных статей проблема эмиграции всё ещё как будто «опускается», она не рассматривается в качестве «Рубикона», после которого русская философия обрела уже иные черты, отличающие её от того, чем она являлась до событий «философского парохода». За последние 10 лет предпринимались попытки очертить контур философской культуры, которая существовала в условиях эмиграции вдали от России и её научных институций [см.: 3; 4; 5]. Однако не было ни одного целенаправленного систематического исследования, посвящённого философии русского зарубежья.

Книга «Философия русского зарубежья XX века» современного историка философии О. Т. Ермишина в этом смысле является уникальной находкой как для того, кто только начинает изучать русскую философскую мысль, так и для уже состоявшихся специалистов.

Автор аккуратно сформулировал заглавие книги: монография представляет собой не столько историко-философский очерк, сколько в собственном смысле слова философский текст, который очерчивает концептуальный и культурно-исторический контур философии, создававшейся коллективными усилиями русских мыслителей-эмигрантов на протяжении десятилетий. Исследование О. Т. Ермишина напоминает читателям о том, что философия русского зарубежья, хотя и тесно связана с деятельностью литераторов и учёных русской эмиграции, всё же представляет собой самостоятельное явление культуры, которое, по справедливому замечанию автора, как бы «стоит над временем» [2, с. 6]. И это указание на надвременную природу философии помогает лучше понять концептуальное своеобразие культурно-исторической реальности зарубежной России.

О. Т. ЕРМИШИН

ФИЛОСОФИЯ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
XX ВЕКА

Книгу отличает внутреннее единство: автор разделил своё исследование на три самостоятельные части, расположив их по принципу «от общего к частному» (от теоретических очерков до архивных исследований). Несмотря на то, что все части представляют собой автономные тематические блоки, всё же общая концепция исследования предполагает, что авторское высказывание воспринимается читателем при чтении по установленному порядку.

В первой и самой интересной части – «Основные проблемы в философии русского зарубежья XX века» – О. Т. Ермишин говорит о своеобразии философской мысли русских эмигрантов. Структурно она состоит из предисловия, трёх очерков и заключения. Автор понимает философские искания мыслителей зарубежной России как логическое завершение начатых ещё за-

долго до революции дискуссий вокруг творчества Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьёва, давших начало религиозно-философскому ренессансу начала XX века в России. Этому утверждению можно было бы возразить: «А как же Л. Н. Толстой? А как же русский марксизм и позитивизм?» – но это было бы несправедливо по отношению к автору, который пытается максимально сконцентрироваться на ключевых аспектах того, что стало предисторией философии русского зарубежья. О. Т. Ермишин скромно отмечает, что его очерки «не преследуют каких-то масштабных сверхзадач, не открывают чего-то совершенно нового» [2, с. 3]. Заметим, однако, что они придают книге особую оригинальность.

Тезис О. Т. Ермишина о том, что, «начиная с конца XVIII века как немецкая, так и западноевропейская философия, так или иначе, ориентируется (положительно или отрицательно) на философскую систему Канта» [2, с. 7], является одним из самых дискуссионных мест в книге. Вместе с тем понятно, что автору было необходимо противопоставить европейской интеллектуальной культуре отечественную, существующую в условиях изгнания, что подразумевает допущение частичного схематизма (без которого такое исследование было бы просто невозможно). Кантианской триаде О. Т. Ермишин противопоставляет ту, которая наилучшим образом соответствует проблемам философии русского зарубежья: 1) метафизика (в противоположность гносеологии); 2) историософия (в противоположность этике); 3) эстетика (понимаемая максимально широко).

Русская христианская метафизика сильнейшим образом была пронизана духом платонизма, но также имела свой источник и в библейском учении о творении. Двой-

ственный характер метафизической проблемы создавал разные подходы к решению вопроса о месте метафизики в философии.

Анализируя философию Н. О. Лосского, С. Л. Франка и других, О. Т. Ермишин выделил две полярности в рассмотрении указанной проблематики: метафизика как часть богословия и христианская метафизика как часть философии [2, с. 20–21].

Историософия своеобразно дополняла метафизику, наделяла её конкретным содержанием, раскрывая «учение о мире в его историческом развитии, во времени». Через анализ философии Н. А. Бердяева, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова и других автор показывает, как рассматриваемые мыслителями конкретные исторические реалии соприкасались с отвлечёнными метафизическими концепциями.

Автор не рассматривает отдельно проблему этики, делая выбор в пользу эстетики. В контексте авторского замысла вопросы нравственности как бы интегрированы в область метафизики, что отчасти является верным (например, книга «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» Н. А. Бердяева [1] хоть и посвящена проекту новой нравственной философии, на деле же является продолжением метафизических размышлений философа). Эстетика мыслителей русского зарубежья никогда не была академической, но она действительно, в этом стоит согласиться с автором, была в широком смысле «учением о красоте».

Вторая часть – «Персоналии» – состоит из историко-философских исследований творчества самых выдающихся представителей философии русской эмиграции. Некоторые главы основаны на текстах статей, которые автор уже опубликовал в ведущих научных журналах, с материалом других читателей знакомится впервые.

Все вместе они охватывают проблемное поле философии русского зарубежья в ряду конкретных проявлений. Отдельно стоит сказать о главе, посвящённой А. М. Пятигорскому. Воззрения известного философа и буддолога нередко анализируются современными исследователями, но именно в книге О. Т. Ермишина мыслитель впервые представлен по праву как человек, причастный к духовной культуре зарубежной России [2, с. 198–214].

Третья часть – «Архивные исследования» – демонстрирует эмпирическую реальность, с которой сталкивается всякий, кто занимается исследованием творческого наследия мыслителей-эмигрантов. Читатель знакомится с главной особенностью такого рода исследований – сопоставлением имеющихся архивных документов с ни на что не похожим культурно-историческим пространством зарубежной России. Сложная

структура русских диаспор по всему миру, коммуникация которых постоянно подвергалась изменениям (что отражалось в истории создания того или иного текста), существовала как бы над национальными и государственными границами.

Спокойный, слегка отстранённый стиль повествования О. Т. Ермишина предоставляет возможность каждому оценить те или иные обстоятельства жизни и творчества философов русской эмиграции самостоятельно: в этом отношении язык монографии лишён всякого рода репрессии по отношению к читателю.

Завершение книги «Архивными исследованиями» представляется самым логичным из возможных вариантов. Монография О. Т. Ермишина как бы «приглашает» читателя присоединиться к изучению «Русской Атлантиды» – духовной культуры и философии русского зарубежья XX века.

Примечания

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж : YMCA-Press, 1931. 318 с.
2. Ермишин О. Т. Философия русского зарубежья XX века. Москва : Летний сад ; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019.
3. Корнилов С. В. Философия русского зарубежья: развитие понятийного аппарата // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 6. С. 5–12.
4. Нестеров Н. О. Развитие категориального аппарата философии в творческом наследии русской эмиграции // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета : ежеквартальный научный журнал / Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2015. Спецвыпуск 111-летию СПбГАУ. С. 10–14.
5. Омельченко Д. М. Проблема отражения литературы о мыслителях русского зарубежья в систематическом каталоге Библиотеки Российской академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 3 (63). С. 53–56.

References

1. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noj ehtiki* [The destiny of man. The experience of paradoxical ethics]. Paris: YMCA-Press, 1931. 318 p. (In Russian)
2. Ermishin O. T. *Filosofiya russkogo zarubezh'ya XX veka* [The philosophy of the Russian abroad of the 20th century]. Moscow, Publishing house "Letniy sad", Publishing house of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, 2019. 304 p. (In Russian)
3. Kornilov S. V. *Filosofiya russkogo zarubezh'ya: razvitie ponyatiynogo apparata* [The philosophy of the Russian diaspora: the development of the conceptual apparatus]. *IKBFU's Vestnik. Series: The Humanities and Social Science*. 2009, no. 6, pp. 5–12. (In Russian)

4. Nesterov N. O. Development of categorical apparatus of philosophy in the creative heritage of Russian emigration. *Izvestiya Saint-Petersburg State Agrarian University*. 2015, Special edition of the 111th anniversary of SPSUA, pp. 10–14. (In Russian)
5. Omelchenko D. M. Problema otrazheniya literatury o myslitelyakh russkogo zarubezh'ya v sistematicheskom kataloge Biblioteki Rossijskoy akademii nauk [The Problem of Reflection of Literature on Thinkers of Russian Abroad in the Systematic Catalog of the Library of the Russian Academy of Sciences]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola [Petersburg Library School]*. 2018, no. 3 (63), pp. 53–56. (In Russian)

*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 года № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК, журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).
- 09.00.04 – Эстетика (философские науки).
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки).
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты научных исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить развернутым выводом (выводами).

Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками, при их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 20 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе, включающие ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках (ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах); место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес.

5. Статьи принимаются в двух вариантах — печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

6. Все статьи рецензируются и публикуются бесплатно.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать ЗАКОН РФ ОТ 27.12.1991 N 2124-1 (РЕД. ОТ 18.04.2018) «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода.